

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам (языкознание, литературоведение)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

3 (83) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместители главного редактора:

Ю. Г. Данилов, к. г. н.

М. А. Кириллина, к. филол. н.

Ответственный секретарь

М. В. Куличкина

Члены редакционной коллегии:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Павлодарский педагогический университет, Казахстан;

Н. Н. Винокуров, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Н. Н. Гермогенов, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Л. Г. Гольдфарб, PhD, Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS)

Национальных институтов здоровья США, США;

Ю. М. Григорьев, д.ф.-м.н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Д. К. Фишер, PhD, Мичиганский университет, США;

Л. С. Дампилова, д. филол. н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия;

Н. Н. Ефремов, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Россия;

А. П. Исаев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Коно Кимитоши, PhD, институт РИКЕН, Япония;

В. В. Красных, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия;

Г. Ф. Крымский, д. ф.-м. н., ИКФиА им. Ю. Г. Шафера СО РАН, Россия;

Луиза Сальмон, PhD, Генуэзский университет, Италия;

В. Ю. Михальченко, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Россия;

И. И. Мордосов, д. б. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

А. А. Петров, д. филол. н., Институт народов Севера, Россия;

Л. Д. Раднаева, д. филол. н., БГУ, Россия;

Санг-Ву Ким, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея;

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Н. Г. Соломонов, д. б. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Д. А. Таярский, д.ф.-м.н., Казанский федеральный университет, Россия;

А. Н. Тихонов, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Г. Г. Филиппов, д. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Л. М. Хусаинова, д. филол. н., Башкирский государственный университет, Россия.

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677005, г. Якутск, ул. Курашова, 30/4, каб. 7 Тел./факс: +7 (4112) 42-28-75

Северо-Восточный федеральный университет

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

VESTNIK
OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Academic periodical
Published since 2004
The frequency of publication is 6 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies (Linguistics, Literature Studies)

The periodical is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

3 (83) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editors:

Yu. G. Danilov, Candidate of Geographical Sciences

M. A. Kirillina, Candidate of Philological Sciences

Executive editor

M. V. Kulichkina

Members of the editorial board:

A. E. Agmanova, Doctor of Philology, Kazakhstan; *N. N. Vinokurov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *Woo Suk Hwang*, PhD, Soom Biotechnology Research Foundation, South Korea; *N. N. Germogenov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *L. G. Goldfarb*, PhD, National Institute of Neurological Diseases (NIH / NINDS) US National Institutes of Health, USA; *Yu. M. Grigoriev*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *D. K. Fisher*, PhD, University of Michigan, USA; *L. S. Dampilova*, Doctor of Philology, Russia; *N. N. Efremov*, Doctor of Philology, Russia; *A. P. Isaev*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *Kono Kimitoshi*, PhD, RIKEN Institute, Japan; *V. V. Krasnykh*, Doctor of Philology, Russia; *G. F. Krymsky*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *Louise Salmon*, PhD, University of Genoa, Italy; *V. Yu. Mikhailchenko*, Doctor of Philology, Russia; *I. I. Mordosov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *A. A. Petrov*, Doctor of Philology, Russia; *L. D. Radnaeva*, Doctor of Philology, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, South Korea; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Doctor of Philology, Russia; *N. G. Solomonov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *D. A. Tayurskiy*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *A. N. Tikhonov*, Ph.D., Russia; *G. G. Philippov*, Doctor of Philology, Russia; *L. M. Khusainova*, Doctor of Philology, Russia.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 7 off., 30/4 Kurashova str., Yakutsk, Russia, 677005

Telephone/Fax: +7 (4112) 42-28-75

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Subscription index in the “Rospechat” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Егорова Н. Н., Слепцова А. П., Ефимова М. И.* Обзор семейства Poaceae Vranh. в коллекции гербария Северо-Восточного федерального университета..... 5
- Попов П. А., Андросова Н. В., Попов В. А.* Содержание тяжелых металлов в стерляди Средней Оби.... 15

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Шарин Е. П.* Расчет спектров комбинационного рассеяния света графеновых нанолент..... 25

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ал Тавил Солаф.* Названия птиц в библейском, средневековом и современном иврите..... 31
- Бурцев А. А., Бурцева М. А.* Мастерство В. Гольдерова-новеллиста..... 45
- Денисова Е. А.* Феномен «Code Switching» в картине мира би-культурального писателя-транслинга. 57
- Желобцова С. Ф., Барашкова С. Н.* Особенности повествовательной структуры новой прозы Людмилы Улицкой..... 67
- Курукалова Е. С.* Мир прошлого и мир будущего в политическом дискурсе (на материале инаугурационной речи президента Д. Трампа)..... 74
- Машенкова И. О.* Рецепция творчества С. А. Есенина в литературном и эпистолярном наследии братьев Левиных 1950–1951 гг..... 82
- Ноева (Карманова) С. Е.* Особенности поэтики и структуры городского текста в якутском геокультурном ландшафте..... 93
- Папшева Г. О., Голубцова Н. В., Матвеева О. Н.* Семантические особенности медицинской лексики в «Толковом словаре» В. И. Даля..... 106

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Egorova N. N., Sleptsova A. P., Efimova M. I.</i> An overview of the Poaceae Branh. family in the Herbarium collection of the North-eastern Federal University.....	5
<i>Popov P. A., Androsova N. V., Popov V. A.</i> Metals content in the organs of the Starlet of the Acipenser ruthenus of the Middle Ob river.....	15

PHYSICAL AND MATHEMATICAL SCIENCES

<i>Sharin E. P.</i> Calculation of the Raman Spectra of the Graphene Nanoribbons.....	25
---	----

PHILOLOGICAL STUDIES

<i>Al Taweel Solaf.</i> Bird names in Biblical, Medieval, and Modern Hebrew.....	31
<i>Burtsev A. A., Burtseva M. A.</i> Vasily Golderov as a skillful novelist.....	45
<i>Denisova E. A.</i> “Code Switching” phenomenon in the worldview of a bi-cultural translingual writer.....	57
<i>Zhelobtsova S. F., Barashkova S. N.</i> Features of the narrative structure of the new prose by Lyudmila Ulitskaya.....	67
<i>Kurukalova E. S.</i> The world of the past and the world of the future in political discourse (based on the inaugural speech of the President D. Trump).....	74
<i>Mashenkova I. O.</i> Reception of Works of S. A. Yesenin in the Literary and Epistolary Heritage of the Levin Brothers of 1950-1951.....	82
<i>Noeva S. Ye. (Karmanova).</i> Poetics and structure of Urban Text in the Yakut geocultural landscape.....	93
<i>Papsheva G. O., Golubtsova N. V., Matveeva O. N.</i> Semantic features of medical vocabulary in “the explanatory dictionary” By Vladimir Dahl.....	106

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 581.91:582

Н. Н. Егорова, А. П. Слепцова, М. И. Ефимова

Обзор семейства Poaceae Vranh. в коллекции гербария Северо-Восточного федерального университета

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В работе представлен систематический обзор семейства Poaceae Vranh. в коллекции гербария Северо-Восточного федерального университета (СВФУ). Всего в научном фонде гербария насчитывается 682 образца из семейства Poaceae. Представлены сборы с 1953 г. Наибольшее количество сборов приходится на 1955–1980 гг. Основными коллекторами являются С. З. Скрябин, А. А. Пермякова, Ю. В. Рыкова, Т. Ф. Галактионова, В. И. Перфильева, В. М. Усанова. В коллекции гербария СВФУ представлено 123 вида из 36 родов семейства Poaceae, из которых 6 видов относятся к редким и эндемичным видам: *Koeleria skrjabinii* Karav. et Tzvel., *Elytrigia villosa* (Drob.) Tzvel., *Festuca pseudosulcata* Drob., *Helictotrichon krylovii* (Pavl.) Henrard, *Hyalopoa lanatiflora* (Roshev.) Tzvel., *Melica nutans* L. Проведены инвентаризация, систематизация, оцифровка многолетнего материала для создания электронной базы данных цифрового гербария СВФУ. Также для цифрового гербария подготовлены морфологические описания, информация об особенностях экологии и распространении видов, перечень научных трудов исследователей по изучению их биоморфологии, онтогенеза и структуры ценопопуляций в Республике Саха

ЕГОРОВА Нюргуяна Назаровна – к. б. н., доцент биологического отделения ИЕН, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: nurne@mail.ru

EGOROVA Nyurguyana Nazarovna – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of biology of the Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СЛЕПЦОВА Анастасия Петровна – магистрант биологического отделения ИЕН, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: slepczova.9898@mail.ru

SLEPTSOVA Anastasia Petrovna – Undergraduate student of the Department of biology of the Institute of Natural Sciences, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЕФИМОВА Майя Ивановна – зав. гербарием ИЕН, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: mayaef@mail.ru

EFIMOVA Maya Ivanovna – The head of Herbarium of the Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

(Якутия). Подготовлены авторские фотографии растений в природе, фотографии таксономически значимых морфологических признаков видов. Цифровой гербарий СВФУ обеспечит свободный и быстрый доступ к коллекции растений не только для студентов и сотрудников университета, но и для всех желающих ознакомиться с хранящимися гербарными образцами. В дальнейшем планируется заполнение базы данных по всем сборам научного гербария.

Ключевые слова: гербарий, гербарные образцы, инвентаризация, база данных, электронный каталог, цифровой гербарий, флора, Poaceae.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.010

N. N. Egorova, A. P. Sleptsova, M. I. Efimova

An overview of the Poaceae Branh. family in the Herbarium collection of the North-Eastern Federal University

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The paper presents a systematic review of the Poaceae Branh. family in the collection of the Herbarium of the North-Eastern Federal University (NEFU). The scientific fund of the herbarium contains 682 specimens from the Poaceae. The collections starting from 1953 are presented. The largest number of collections falls on 1955-1980. The main collectors are S. Z. Scriabin, A. A. Permyakova, Yu. V. Rykova, T. F. Galaktionova, V. I. Perfileva, V. M. Usanova. The collection of the NEFU herbarium includes 123 species from 36 genera of the Poaceae family, of which 8 species are rare and endemic: *Koeleria sckrjabinii* Karav. et Tzvel., *Elytrigia villosa* (Drob.) Tzvel., *Festuca pseudosulcata* Drob., *Helictotrichon krylovii* (Pavl.) Henrard, *Hyalopoa lanatiflora* (Roshev.) Tzvelev s.str., *Hyalopoa lanatiflora* subsp. *momica* (Tzvel.) Tzvel., *Koeleria sckrjabinii* Karav.ue Tzvelev, *Melica nutans* L. Inventory, systematization, digitization of material was carried out to create an electronic database - the digital herbarium of NEFU. Also, for the digital herbarium, morphological descriptions, information on the features of the ecology and distribution of species, a list of scientific works of researchers on the study of their biomorphology, ontogeny and the structure of coenopopulations in the Republic of Sakha (Yakutia) have been prepared. Author's photographs of plants in nature, photographs of taxonomically significant morphological characters of species have been prepared. The digital herbarium of NEFU will provide free and quick access to the collection of plants not only for students and university staff, but also for everyone who wants to get acquainted with the stored herbarium specimens. In the future, it is planned to fill in the database on all collections of the scientific herbarium.

Keywords: herbarium, herbarium specimens, inventory, database, electronic catalog, digital herbarium, flora, Poaceae.

Введение

Гербарий Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) является научно-методической базой для обучения и проведения научных работ студентов, аспирантов, сотрудников, обязательным и незаменимым элементом широкого ботанического образования, хранилищем коллекций документированных растений.

Гербарий СВФУ был основан в 1963 г. при кафедре ботаники Якутского государственного университета, однако первые сборы проводились со времени открытия кафедры ботаники Якутского пединститута в 1946–1947 учебном году. В 1998 г. гербарий института прошел инвентаризацию гербариев России, проведенную БИН РАН для регистрации в Index Herbariorum. В 2004 г. гербарии присвоено имя Афанасия Акимовича Макарова – ботаника-ресурсоведа, талантливого педагога, участника Великой Отечественной войны, заведующего кафедрой, декана БГФ, проректора ЯГУ.

Гербарий включает научный фонд и учебный гербарий, постоянно обновляющийся и используемый на занятиях. Научный фонд делится на два отдела: якутской флоры и общий. Региональную часть составляют коллекции сосудистых растений (12 тысяч листов), лишайников (5 тысяч образцов), мхов (1,5 тысяч) [1–2]. Общий гербарий состоит из 8 тысяч листов, объединяющих коллекции из различных географических регионов (Крым, Кавказ, Украина, Белоруссия, Молдавия, Казахстан, Урал, Магаданская область, Приморье, Камчатка и др.).

Современным направлением гербарного дела является создание цифровых гербариев [3–6]. Необходимость инвентаризации и систематизации многолетнего материала, создания электронной базы и оцифровки образцов для создания цифрового гербария СВФУ назрела давно. Цифровой гербарий СВФУ обеспечит свободный доступ к коллекции растений не только для студентов и сотрудников университета, но и для всех желающих ознакомиться с хранящимися гербарными образцами.

Материалы и методы исследования

Материалом послужили гербарные образцы представителей из крупных семейств – Мятликовые (Poaceae Branh.) из коллекции гербария СВФУ. Всего изучено 682 гербарных листа. Оцифровку гербарных листов проводили с помощью фотоаппарата, т. к. отсутствует специальный сканер.

Перед началом оцифровки была проведена оценка таксономического статуса гербарных образцов. Проведено изучение основных диагностических признаков видов (строение колосков и цветков) с помощью микроскопа Bresser. Фотофиксация колосков и цветков проведена с использованием видеокамеры для микроскопа DCM-510. Определение растений, уточнение их систематического положения проводилось по следующим источникам: «Злаки СССР», «Флора Сибири» (1990), «Род полевица (*Agrostis* L.) России и сопредельных стран. Морфология, систематика и эволюционные отношения», «Род мятлик (*Poa* L., Poaceae) во флоре Сибири. Систематика, анатомия, география, родственные связи», «Злаки России» [7–10].

Данные гербарных этикеток вносили в электронный каталог – в таблицу пакета программы Microsoft Office: номер, название вида, географический пункт, местообитание, дата сбора, коллектор, количество экземпляров.

Результаты и обсуждение

В настоящее время идет работа по созданию электронной базы данных «Цифровой гербарий СВФУ». По материалам научного гербария создан электронный каталог семейства Мятликовые (Poaceae). Семейство Poaceae является одним из крупных семейств во флоре Якутии, насчитывающее 235 видов из 53 родов [11–12].

Коллекция научного фонда гербария СВФУ насчитывает 682 гербарных листа представителей семейства Poaceae, включающая 122 вида из 36 родов (табл.). Первые

гербарные образцы датированы 1953 г. Наибольшее количество сборов приходится на 1955–1980 гг. и принадлежат флористам и геоботаникам С. З. Скрыбину, А. А. Пермяковой, Ю. В. Рыковой, Т. Ф. Галактионовой, В. И. Перфильевой, В. М. Усановой.

Таблица

Список видов Роасеае, представленных в коллекции гербария СВФУ

№	Вид	Число экз.
1	<i>Achnatherum sibiricum</i> (L.) Keng. exTzvel.	4
2	<i>Agropyron cristatum</i> (L.) Beauv.	15
3	<i>Agropyron kazachstanicum</i> (Tzvelev) Peschkova	1
4	<i>Agrostis clavata</i> Trin.	1
5	<i>Agrostis diluta</i> Kurcz.	1
6	<i>Agrostis gigantea</i> Roth	3
7	<i>Agrostis jacutica</i> Schischk.	3
8	<i>Agrostis scabra</i> Willd.	2
9	<i>Agrostis sibirica</i> V. Petrov	3
10	<i>Agrostis stolonifera</i> L.	9
11	<i>Agrostis tenuis</i> Sibth.	1
12	<i>Agrostis trinii</i> Turcz.	12
13	<i>Alopecurus aequalis</i> Sobol.	7
14	<i>Alopecurus alpinus</i> Smith	8
15	<i>Alopecurus arundinaceus</i> Poir.	19
16	<i>Alopecurus brachystachyus</i> Bieb.	1
17	<i>Alopecurus pratensis</i> L.	1
18	<i>Alopecurus pseudobrachystachyus</i> Ovez.	1
19	<i>Alopecurus turdzaninovii</i> Nikiforova	1
20	<i>Anthoxanthum odoratum</i> L.	5
21	<i>Arctagrostis arundinacea</i> (Trin.) Beal	8
22	<i>Arctagrostis latifolia</i> (R. Br.) Griseb.	3
23	<i>Arctophila fulva</i> (Trin.) Anders.	10
24	<i>Avena fatua</i> L.	2
25	<i>Avena sativa</i> L.	1
26	<i>Beckmania syzigachne</i> (Steud.) Fern.	18
27	<i>Beckmannia eruciformis</i> (L.) Host	2
28	<i>Beckmannia syzigachne</i> (Steud.) Fern.	1
29	<i>Bromopsis ciliata</i> (L.) Holub	1

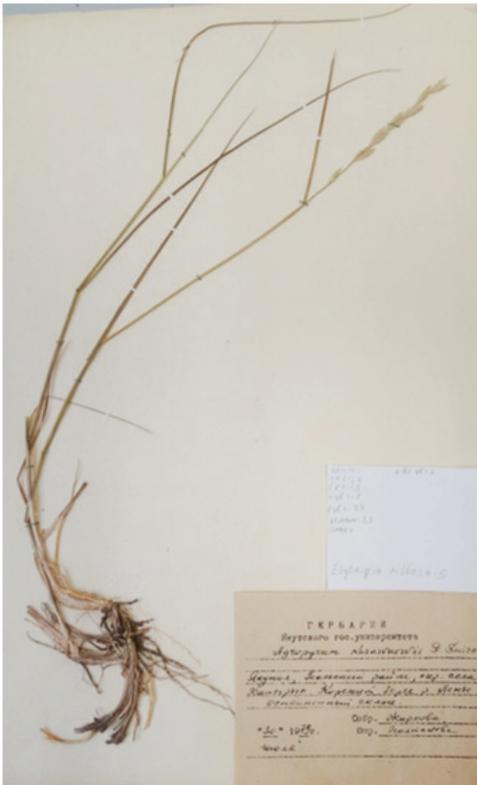
30	<i>Bromopsis inermis</i> (Leuss.) Holub	5
31	<i>Bromopsis ircuitensis</i> (Kom.) Á. Löve et D. Löve	5
32	<i>Bromopsis karavajevii</i> (Tzvel.) Czer.	1
33	<i>Bromopsis sibirica</i> (Drob.) Peschkova	12
34	<i>Calamagrostis deschampsoides</i> Trin.	2
35	<i>Calamagrostis epigeios</i> (L.) Roth s. str.	5
36	<i>Calamagrostis holmii</i> Lange	4
37	<i>Calamagrostis lapponica</i> (Wahleb.) C. Hartm.	2
38	<i>Calamagrostis neglecta</i> (Ehrh.) Gaertn.	9
39	<i>Calamagrostis purpurascens</i> R. Br.	4
40	<i>Calamagrostis purpurea</i> (Trin.) Trin. subsp. <i>Langsdorffii</i> (Link) Tzvel.	13
41	<i>Deschampsia borealis</i> (Trautv.) Roschev.	1
42	<i>Deschampsia brevifolia</i> R. Br.	1
43	<i>Deschampsia sukatschewii</i> (Pop.) Roschev.	2
44	<i>Dupontia fischeri</i> R. Br.	3
45	<i>Elymus confusa</i> (Roshev.) Tzvel.	2
46	<i>Elymus gmelinii</i> (Ledeb.) Tzvel.	1
47	<i>Elymus jacutensis</i> (Drob.) Tzvel.	5
48	<i>Elymus kronokensis</i> (Kom.) Tzvel.	3
49	<i>Elymus macrourus</i> (Drobov) Tzvelev	2
50	<i>Elymus mutabilis</i> (Drob.) Tzvel.	4
51	<i>Elymus scandicus</i> (Nevski) A. P. Khokhr.	9
52	<i>Elymus sibiricus</i> L.	5
53	<i>Elymus subfibrosus</i> (Tzvel.) Tzvel.	2
54	<i>Elymus transbaicalensis</i> (Nevski) Tzvel.	4
55	<i>Elytrigia gmelinii</i> (Trin.) Nevski	2
56	<i>Elytrigia jacutorum</i> (Nevski) Nevski	11
57	<i>Elytrigia repens</i> (L.) Nevski	31
58	<i>Elytrigia villosa</i> (Drob.) Tzvel.	6
59	<i>Festuca brachyphylla</i> Schult. et Schult.	3
60	<i>Festuca jacutica</i> Drob.	10
61	<i>Festuca kolymensis</i> Drob.	7
62	<i>Festuca lenensis</i> Drob.	4
63	<i>Festuca ovina</i> L.	5
64	<i>Festuca pratensis</i> Huds.	2

65	<i>Festuca pseudosulcata</i> Drob.	1
66	<i>Festuca rubra</i> L.	9
67	<i>Glyceria triflora</i> (Korsh.) Kom.	17
68	<i>Helictotrichon hookeri</i> subsp. <i>Schellianum</i> (Hack.) Tzvel.	1
69	<i>Helictotrichon krylovii</i> (Pavl.) Henrard	13
70	<i>Helictotrichon schelliana</i> (Hack.) Tzvelev et Prob.	11
71	<i>Hierochloë alpina</i> (Sw.) Roem. et Schult.	6
72	<i>Hierochloë annulata</i> V. Petrov	17
73	<i>Hierochloë glabra</i> Trin.	1
74	<i>Hierochloë pauciflora</i> R. Br.	1
75	<i>Hordeum brevisubulatum</i> (Trin.) Link	16
76	<i>Hordeum jubatum</i> L.	18
77	<i>Hordeum roshevitzii</i> Bowden	3
78	<i>Hordeum vulgare</i> L.	3
79	<i>Hyalopoa lanatiflora</i> Tzvel.	3
80	<i>Hystrix sibirica</i> (Trautv.) O.	1
81	<i>Koeleria asiatica</i> Domin	4
82	<i>Koeleria cristata</i> (L.) Pers.	24
83	<i>Koeleria cristata</i> subsp. <i>seminuda</i> (Trautv.) Tzvel.	4
84	<i>Koeleria glauca</i> (Sprengel) DC.	1
85	<i>Koeleria skrjabinii</i> Karav.	6
86	<i>Leymus chinensis</i> (Trin.) Tzvel.	3
87	<i>Leymus littoralis</i> (Griseb.) Peschkova	4
88	<i>Leymus ordensis</i> Peschkova	1
89	<i>Leymus villosissimus</i> (Scribn.) Tzvel.	1
90	<i>Limnas malyshevii</i> Nikiforova	1
91	<i>Limnas stelleri</i> Trin.	6
92	<i>Melica nutans</i> L.	3
93	<i>Phalaris canariensis</i> L.	4
94	<i>Phleum pratense</i> L.	4
95	<i>Phragmites australis</i> (Cav.) Trin. ex Steud.	5
96	<i>Poa alpigena</i> (Blytt.) Lindm.	3
97	<i>Poa annua</i> L.	1
98	<i>Poa arctica</i> R. Br.	1
99	<i>Poa attenuata</i> Trin.	2

100	<i>Poa botryoides</i> (Trin. ex Griseb.) Kom.	21
101	<i>Poa glauca</i> Vahl	1
102	<i>Poa palustris</i> L.	13
103	<i>Poa pratensis</i> L.	23
104	<i>Poa sibirica</i> Roshev.	3
105	<i>Poa stepposa</i> (Kryl.) Roshev.	4
106	<i>Poa subfastigiata</i> Trin.	8
107	<i>Poa sublanata</i> Reverd.	2
108	<i>Poa trivialis</i> L.	2
109	<i>Psathyrostachys caespitosa</i> (Sukacz.) Peschkova	5
110	<i>Puccinella tenuiflora</i> (Griseb.) Scribn. et Merr.	1
111	<i>Puccinellia hauptiana</i> V. Krecz.	22
112	<i>Puccinellia phryganodes</i> (Trin.) Scribn. et Merr.	4
113	<i>Puccinellia tenuiflora</i> (Griseb.) Scribn. & Merr.	2
114	<i>Scolochloa festucacea</i> (Willd.) Link	5
115	<i>Setaria viridis</i> (L.) Beauv. subsp. <i>glareosa</i> (V. Petrov) Peschkova	8
116	<i>Stipa capillata</i> L.	2
117	<i>Stipa krylovii</i> Roshev.	7
118	<i>Trisetum aestivum</i> L.	2
119	<i>Trisetum agrostideum</i> (Laest.) Fries	1
120	<i>Trisetum molle</i> Kunth	1
121	<i>Trisetum sibiricum</i> Rupr.	13
122	<i>Trisetum spicatum</i> (L.) K. Richt.	2

Наибольшую ценность представляют образцы редких и эндемичных видов злаков [13]: *Koeleria sckrjabinii* Karav. et Tzvel. (эндемик тукуланов Центральной Якутии, описанный С. З. Скрыбиным), *Elytrigia villosa* (Drob.) Tzvel. (эндемик Якутии), *Festuca pseudosulcata* Drob., *Helictotrichon krylovii* (Pavl.) Henrard (эндемик северо-востока России), *Hyalopoa lanatiflora* (Roshev.) Tzvelev (эндемик Восточной Сибири и Дальнего Востока), *Melica nutans* L.

Значительное преобладание в гербарных коллекциях образцов старых сборов объясняется недостатком свободного места для современных образцов в гербарных шкафах и единообразием видов растений. В связи с проведением учебно-полевой практики студентов в одной местности на протяжении длительного времени, во время которых производится основной сбор материала, не удается пополнить фонды новыми видами из разных районов. В 2015 г. гербарное помещение было оснащено современными мобильными шкафами, которые позволили увеличить место хранения гербария. Была проведена работа по систематизации коллекций гербария, а работы по инвентаризации и пополнению научного фонда пока не завершены, некоторые образцы требуют уточнения их систематического положения. В настоящее время коллекция злаков пополняется

Род: *Elytrigia* – пырей

Вид: *Elytrigia villosa* (Drob.) Tzvel. – пырей мохнатый

Морфологическое описание:

растения с длинными ползучими корневищами. С одиночными стеблями и немногочисленными прикорневыми листьями. Листья плоские или свернутые, до 5 мм шир., с жилками неравной толщины, с верхней стороны шероховатые. Колосья двусторонние, рыхловатые. Колосковые чешуи гладкие или почти гладкие, у основания снаружи имеется поперечная бороздка. Колоски сидячие. Каллус нижних цветковых чешуй широко закругленный. Нижняя цветковая чешуя по спинке густоволосистая, на верхушке тупая или с коротким остроконечием.

Местообитание: заросли кустарников, опушки смешанных лесов, остепненные склоны, песчаные степи, полузакрепленные пески. Распространение в Якутии: Ол, Я-И, Ц-Я, Алд.

Рис. 1. Пример оформления индивидуальной страницы вида на примере *Elytrigia villosa*

специалистами-ботаниками В. Е. Кардашевской, Н. Н. Егоровой и студентами биологического отделения.

Все гербарные образцы злаков описаны, уточнено их систематическое положение и подготовлен материал для создания цифрового гербария СВФУ. Индивидуальная страница вида в цифровом гербарии будет содержать информацию об особенностях морфологии, экологии и распространения (рис. 1). Для некоторых видов составлен перечень научных трудов исследователей по изучению биоморфологии, онтогенеза и структуры ценопопуляций в Республике Саха (Якутия). Также для цифрового гербария подготовлены авторские фотографии всех гербарных образцов вида с данными этикеток и фотографии большинства растений в природе. Особенностью цифрового гербария СВФУ будет галерея с фотографиями отдельных органов и структур растений, которые являются таксономически значимыми признаками. Например, для семейства Poaceae таксономическими признаками являются строение и размеры колосков, колосковых и цветковых чешуй. Нами подготовлены фотографии колосков и цветков (рис. 2).

Заключение

Таким образом, в гербарии СВФУ начата работа по созданию информационной системы – цифрового гербария, которая обеспечит свободный и быстрый доступ к базам данных. Закончена инвентаризация гербарных образцов семейства Poaceae и

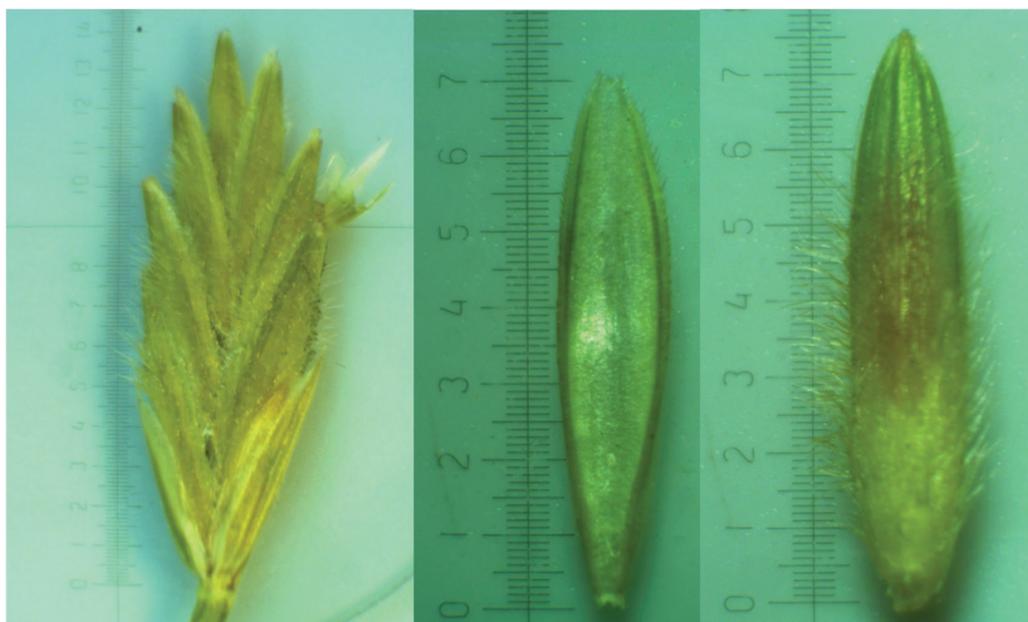

Рис. 2. Пример оформления галереи на примере *Elytrigia villosa* (цена деления шкалы 0,1 мм): 1 – колосок, 2 – верхняя цветковая чешуя, 3 – нижняя цветковая чешуя

подготовлен первый материал для цифрового гербария СВФУ. В дальнейшем планируется заполнение базы данных по всем сборам научного гербария. Надеемся, что база данных по материалам гербария СВФУ будет необходима не только ученым, но и студентам и школьникам, интересующимся изучением биоразнообразия.

Л и т е р а т у р а

1. Ефимова, М. И. Гербарий им. А. А. Макарова Якутского госуниверситета / М. И. Ефимова. – Текст : непосредственный // Проблемы изучения растительного покрова Сибири: Материалы III Международной научной конференции, посвященной 120-летию гербария им. П. Н. Крылова Томского государственного университета. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 18-19.
2. Гербарии – основа подготовки высокоспециализированных ботаников / М. И. Ефимова, К. К. Кривошапкин, Ю. В. Рыкова [и др.] // Ботанические исследования в Якутии: сборник научных трудов. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 2004. – С. 18-23. – Текст : непосредственный.
3. Ковтонюк, Н. К. Семейство *Primulaceae* в виртуальном гербарии Центрального сибирского ботанического сада СО РАН / Н. К. Ковтонюк, И. В. Хан, Е. А. Гатилова. – Текст : непосредственный // Растительный мир Азиатской России. – 2018. – № 4(32). – С. 19-29.
4. Серегин, А. П. Гербарий МГУ имени М. В. Ломоносова сегодня / А. П. Серегин. – Текст : непосредственный // Зоологические исследования. – 2018. – № 20. – С. 137-138.
5. Серегин, А. П. Цифровой гербарий МГУ – крупнейшая российская база данных по биоразнообразию / А. П. Серегин. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Сер. Биологическая. – 2017. – № 6. – С. 610-616.
6. Ваганов, А. В. Современное состояние и перспективы развития цифровой коллекции Виртуальный гербарий АЛТВ А. В. Ваганов, К. Е. Медведева. – Текст : непосредственный // Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии. – 2020. – Т. 19 - № 1. – С. 260-263.
7. Цвелев, Н. Н. Злаки СССР / Н. Н. Цвелев. – Ленинград : Наука, 1976. – 778 с. – Текст : непосредственный.

8. Цвелев, Н. Н., Злаки России / Н. Н. Цвелев, Н. С. Пробатова. – Москва : Т-во науч. изд. КМК, 2019. – 646 с. – Текст : непосредственный.
9. Курченко, Е. И. Род полевица (*Agrostis* L., сем. Poaceae) России и сопредельных стран: Морфология, систематика и эволюционные отношения / Е. И. Курченко. – Москва : Прометей, 2010. – 516 с. – Текст : непосредственный.
10. Олонова, М. В. Род мятлик (*Poa* L., Poaceae) во флоре Сибири. Систематика, анатомия, география, родственные связи. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2016. – 360 с. – Текст : непосредственный.
11. Конспект флоры Азиатской России: сосудистые растения. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 640 с. – Текст : непосредственный.
12. Определитель высших растений Якутии / Е. А. Афанасьева, К. С. Байков, А. А. Бобров [и др.] – Москва : Товарищество научных изданий КМК; Новосибирск : Наука, 2020. – 896 с. – Текст : непосредственный.
13. Красная книга Республики Саха (Якутия). Т.1.: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов / ответственный редактор Н. С. Данилова. – М.: Изд-во «Реарт», 2017. – 412 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Efimova, M. I. Gerbarij im. A. A. Makarova Yakutskogo gosuniversiteta / M. I. Efimova. – Tekst : neposredstvennyj // Problemy izucheniya rastitel'nogo pokrova Sibiri: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchenoj 120-letiyu gerbariya im. P. N. Krylova Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. – S. 18-19.
2. Gerbarii – osnova podgotovki vysokospecializirovannyh botanikov / M. I. Efimova, K. K. Krivoshapkin, Yu. V. Rykova [i dr.] // Botanicheskie issledovaniya v Yakutii: sbornik nauchnyh trudov. – Yakutsk : Sahapoligrafizdat, 2004. – S. 18-23. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Kovtonyuk, N. K. Semejstvo Primulaceae v virtual'nom gerbarii Central'nogo sibirskogo botanicheskogo sada SO RAN / N. K. Kovtonyuk, I. V. Han, E. A. Gatilova. – Tekst : neposredstvennyj // Rastitel'nyj mir Aziatskoj Rossii. – 2018. – № 4(32). – S. 19-29.
4. Seregin, A. P. Gerbarij MGU imeni M. V. Lomonosova segodnya / A. P. Seregin. – Tekst : neposredstvennyj // Zoologicheskie issledovaniya. – 2018. – № 20. – S. 137-138.
5. Seregin, A. P. Cifrovoj gerbarij MGU – krupnejshaya rossijskaya baza dannyh po bioraznoobraziyu / A. P. Seregin. – Tekst : neposredstvennyj // Izvestiya RAN. Ser. Biologicheskaya. – 2017. – № 6. – S. 610-616.
6. Vaganov, A. V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya cifrovoj kollekcii Virtual'nyj gerbarij ALTB A. V. Vaganov, K. E. Medvedeva. – Tekst : neposredstvennyj // Problemy botaniki Yuzhnoj Sibiri i Mongolii. – 2020. – T. 19 - № 1. – S. 260-263.
7. Cvelev, N. N. Zlaki SSSR / N. N. Cvelev. – Leningrad : Nauka, 1976. – 778 s. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Cvelev, N. N., Zlaki Rossii / N. N. Cvelev, N. S. Probatova. – Moskva : T-vo nauch. izd. KMK, 2019. – 646 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Kurchenko, E. I. Rod polevica (*Agrostis* L., sem. Poaceae) Rossii i sopredel'nyh stran: Morfologiya, sistematika i evolyucionnye otnosheniya / E. I. Kurchenko. – Moskva : Prometej, 2010. – 516 s. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Oloнова, M. V. Rod myatlik (*Poa* L., Poaceae) vo flore Sibiri. Sistematika, anatomiya, geografiya, rodstvennye svyazi. – Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta, 2016. – 360 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Konspekt flory Aziatskoj Rossii: sosudistye rasteniya. – Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2012. – 640 s. – Tekst : neposredstvennyj.
12. Opredelitel' vysshih rastenij Yakutii / E. A. Afanas'eva, K. S. Bajkov, A. A. Bobrov [i dr.] – Moskva : Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK; Novosibirsk : Nauka, 2020. – 896 s. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Krasnaya kniga Respubliki Saha (Yakutiya). T.1.: Redkie i nahodyashchiesya pod ugrozoy ischeznoveniya vidy rastenij i gribov / otvetstvennyj redaktor N. S. Danilova. – M.: Izd-vo «Reart», 2017. – 412 s. – Tekst : neposredstvennyj.

П. А. Попов¹, Н. В. Андросова², В. А. Попов³

Содержание тяжелых металлов в стерляди Средней Оби

¹Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Новосибирск, Россия

²Институт геологии и минералогии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

³Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. В пределах территории Сибири стерлядь (*Acipenser ruthenus* L., 1758) распространена в бассейнах Оби и Енисея. В озере Байкал и в его притоках, кроме Ангары, а также в реках Восточной Сибири не встречается, что тесно связано с процессом формирования на территории Северной Азии озерно-речной сети и ее заселения ихтиофауной. В Оби стерлядь обитает как в основном русле реки, так и во многих ее притоках, а также в Иртыше и реках Ямала. В низовьях Оби и в южной части Обской губы стерлядь малочисленна, а в северной части губы встречается редко. В реках Сибири этот вид является объектом промыслового и любительского лова, как правило, по лицензиям. В данной работе приведены результаты изучения содержания металлов (Mn, Fe, Cu, Zn, Cd, Co, Hg и Pb) в мышечной ткани (из латеральной части туловища под спинным плавником), в печени, почках, селезенке, жабрах, плавательном пузыре и позвонках, отобранных у 35 экземпляров половозрелых особей стерляди, выловленных в июне 2020 г. в среднем течении Оби близ пос. Мельниково (Шегарка, 950 км по лонии 1987 г.). Для сравнения также использованы проведенные в 2013, 2015 и 2018 гг. опубликованные результаты аналогичных исследований. Химический анализ проб осуществлялся в лаборатории Аналитического центра института геологии и минералогии СО РАН методом атомно-абсорбционной спектрометрии. В итоге проведенных исследований выявлены различия в концентрации каждого металла как в разных органах рыб одной и той же выборки, так и при сравнении этого показателя между выборками разных лет. В общих чертах характер аккумуляции металлов в организме стерляди схож с таковым в других представителях семейства осетровых (*Acipenseridae*) и костных рыб (*Osteichthyes*). В мышечной ткани изучавшихся особей рыб концентрация металлов не превышала принятые в России нормативы. Актуальность проведенной работы связана, по мнению авторов, с некоторыми особенностями биохимии и физиологии осетрообразных (*Acipenseriformes*), в том числе их реагирования на загрязнение водоемов, а также в связи с указанной выше ценностью осетровых как объектов промысла и аквакультуры.

ПОПОВ Петр Алексеевич – д. б. н., в. н. с., Институт водных и экологических проблем СО РАН.

E-mail popov@iwep.nsc.ru.

ПОПОВ Petr Alekseevich – Dr.Sci.Biol., the conducting scientific worker, Institute of Aquatic and Ecological Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

АНДРОСОВА Наталья Валерьевна – ведущий инженер, Институт геологии и минералогии СО РАН.

E-mail: androsovanv@igm.nsc.ru

ANDROSOVA Natalya Valerevna – Senior engineer, The Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

ПОПОВ Виктор Алексеевич – инженер-исследователь, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

E-mail: mtvpopov@sibmail.com

ПОПОВ Victor Alekseevich – engineer-researcher, The Tomsk State University.

Ключевые слова: река Обь, рыбы, стерлядь, металлы, накопление, мышечная ткань, печень, сердце, селезенка, ртуть, свинец, железо.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.011

P. A. Popov¹, N. V. Androsova², V. A. Popov³

Metals content in the organs of the Starlet of the Acipenser ruthenus of the Middle Ob river

¹Institute for Water and Environmental Problems SB RAS, Novosibirsk, Russia

²Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS, Novosibirsk, Russia

³Scientific Research Institute of Biology and Biophysics of Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. Within the territory of Siberia, the sterlet (*Acipenser ruthenus* L., 1758) is distributed in the basins of the Ob and Yenisei. In Lake Baikal and its tributaries, except for the Angara, as well as in the rivers of Eastern Siberia, it is not found, which is closely related to the process of formation of the lake-river network in Northern Asia and its settlement by ichthyofauna. In the Ob River the sterlet lives both in the main riverbed and in many of its tributaries, as well as in the Irtysh and Yamal rivers. In the lower reaches of the Ob River and in the southern part of the Ob Bay, the sterlet is not numerous, and in the northern part of the bay it is rare. In the rivers of Siberia this species is the object of commercial and amateur fishing, usually under licenses. This paper presents the results of study the content of metals (Mn, Fe, Si, Zn, Cd, Co, Hg and Pb) in muscle tissue (from the lateral part of the trunk under the dorsal fin), in the liver, kidneys, spleen, gills, swim bladder and vertebrae, taken from 35 of mature individuals of sterlet caught in June 2020 in the middle reaches of the Ob River near the village Melnikovo (Shegarka - 950 km on the 1987 route). For comparison we also used the published results of similar studies conducted in 2013, 2015 and 2018. Chemical analysis of the samples was carried out in the laboratory of the Analytical Center of the Institute of Geology and Mineralogy SB RAS by atomic absorption spectrometry. As a result of the conducted studies, differences in the concentration of each metal were revealed both in different organs of fish of the same sample, and when comparing this indicator between samples of different years. In general terms, the nature of the accumulation of metals in the body of the sterlet is like that in other representatives of the family of sturgeon (*Acipenseridae*) and bony fish (*Osteichthyes*). In the muscle tissue of the studied fish individuals, the concentration of metals did not exceed the standards accepted in Russia. The relevance of the work is connected, according to the authors, with some features of the biochemistry and physiology of sturgeon (*Acipenseriformes*), including their response to water pollution, as well as in connection with the above-mentioned value of sturgeon as objects of fishing and aquaculture.

Keywords: Ob River, fish, sterlet, metals, accumulation, muscle tissue, liver, heart, spleen, Hg, Pb, Cd, Co end etc.

Введение

Интерес к изучению содержания металлов (М), в том числе относимых к группе тяжелых металлов, в рыбах продолжается как в России [1–5], так и за ее пределами [6–9], что, прежде всего, связано с загрязнением водоемов и аккумуляцией этих элементов в гидробионтах [7, 10, 11]. Вместе с тем информация о характере накопления М в стерляди (*Acipenser ruthenus* L., 1758) крайне скудна. Отсутствуют на эту тему публикации и в отношении сибирского осетра (*Acipenser baeri* Br. 1869). В то же время актуальность выявления закономерностей аккумуляции и распределения М в организме этих видов рыб очевидна: в теоретическом отношении, исходя из некоторых особенностей биохимии и физиологии осетрообразных (Acipenseriformes) [12–14], в том числе характере их реагирования на загрязнение водоемов [15–17], в практическом отношении – в связи с известной ценностью осетровых как объектов промысла и аквакультуры [18].

В пределах Сибири стерлядь широко распространена в бассейнах Оби и Енисея [19–21]. В Байкале и его притоках, кроме Ангары, а также в реках Восточной Сибири стерлядь отсутствует, причины чего тесно связаны с историческим процессом формирования на территории Северной Азии гидросети и ее заселения ихтиофауной [5, 21, 22]. Подвиды и озерные формы стерляди в пределах ареала не выделены [21, 23]. В басс. Оби стерлядь обитает как в основном русле реки, так и во многих ее притоках, а также в Иртыше и реках Ямала [20, 24]. В низовьях Оби и в южной части Обской губы стерлядь малочисленна, а в северной части губы встречается редко. Не отмечен этот вид в р. Надым, в Тазовской губе и ее притоках, в р. Юрибей (Гыданский п-ов). В пределах всего сибирского ареала стерлядь является объектом промыслового и любительского лова, как правило, по лицензиям [19, 20]. Цель настоящей работы – анализ полученных авторами данных по концентрации и характеру распределения М в стерляди Средней Оби.

Материал и методика исследований

Используемая нами в течение многих лет методика отбора и анализа проб на содержание металлов в органах рыб подробно описана в публикациях [3, 25]. В начале июня 2020 г. 35 экз. половозрелых особей стерляди обоего пола было выловлено плавной сетью в Оби около пос. Мельниково (Шегарка – 950 км по лоции 1987 г.). Длина (L) тела рыб – от 350 до 470 мм, возраст – 4+–10+ лет. Пробы мышечной ткани и органов до химанализа хранились в полиэтиленовых пакетах в морозильном ларе Liebherr (Германия) при температуре минус 45° С. В мышечной ткани, взятой в латеральной части туловища под спинным плавником, в печени, почках, селезенке, жабрах, плавательном пузыре и позвонках определялось содержание кобальта (Co), кадмия (Cd), меди (Cu), железа (Fe), марганца (Mn), ртути (Hg), свинца (Pb) и цинка (Zn). Химанализ проб (после их размораживания) осуществлялся в лаборатории Аналитического центра Института геологии и минералогии СО РАН (Аттестат аккредитации № РОСС RU.0001.510590). Метод анализа – атомно-абсорбционная спектрометрия с использованием атомно-абсорбционного спектрофотометра SOLAAR-M6 фирмы "Thermo Elektron" (США). Ртуть определяли методом «холодного пара» на приборе MAS-50D фирмы "Bacharach" (США). Для контроля качества анализа использовали ГСО №9055-2008 – стандартный образец состава мышечной ткани байкальского окуня (БОК-2). Достоверность различий средних арифметических оценивалась по t-критерию, исходя из ошибки 10% от средней, и уровне вероятности (P) >0,999 [26]. В мышечной ткани содержание металлов сравнивалось с принятыми в России допустимыми остаточными концентрациями (ДОК) этих элементов в свежих рыбопродуктах [27].

Результаты и их обсуждение

Результаты определения концентрации М в органах стерляди выборки 2020 г. приведены в табл. 1. Анализ этих данных свидетельствует, что уровень накопления металлов в разных органах в той или иной степени различается. Так, например,

наибольшее содержание Hg оказалось в печени; в мышцах концентрация этого металла была по сравнению с печенью ниже в 1,5 раза ($t=2.8$), в сердце – в 2 раза ($t=3.0$), в почках и селезенке – в 3 раза ($t=4.4$). Концентрация Cd в печени и почках в 2 раза больше, чем в сердце, в 5 раз – чем в плавательном пузыре, и в 10 раз – по сравнению с мышечной тканью (t во всех вариантах = 4,5).

Анализ данных табл. 1 подтверждает не только различия, но и о некоторые общие черты накопления элементов в организме изучавшихся особей стерляди. Так, например, наибольшее содержание большинства металлов обнаружено в разных сочетаниях в печени, почках и сердце, что отражено в виде ранжирования элементов в табл. 2. Иной вид имеют аналогичные ряды, построенные по убыванию концентрации металлов в одном и том же органе (табл. 3). Во всех органах (включая мышечную ткань) в наибольших концентрациях содержатся элементы-биофилы: Fe, Zn, Mn и Cu, а в конце рядов располагаются в разном сочетании Pb, Co, Cd и Hg.

Следует отметить и тот немаловажный в практическом отношении факт, что концентрация всех металлов в мышцах стерляди была в июне 2020 г., как и в предыдущие годы аналогичных исследований, заметно ниже принятых в России ДОК. Лишь по Fe этот показатель составил в 2020 г. 80% ДОК, что связано с высоким уровнем фонового содержания этого металла в водах р. Обь на всем ее протяжении [28].

Близкие в общих чертах к вышеизложенным результаты были получены нами в 2013, 2015 и 2018 гг. в процессе изучения накопления М в стерляди из р. Обь в районе пос. Шегарка [3, 25, 29]. В частности, были выявлены различия в накоплении М неполовозрелыми и половозрелыми особями стерляди. Например, в июне 2015 г. концентрация Hg в мышечной ткани ювенильных особей оказалась в 1,7 раза выше, чем у половозрелых. Но в селезенке содержание этого металла было существенно выше у половозрелых рыб. У репродуктивных особей выборки 2013 г. концентрация всех металлов, кроме Ni, была существенно выше, чем у рыб выборки 2015 г. Безусловно, эти примеры различий связаны как с разным физиологическим состоянием исследованных особей, так и с неоднородностью химического состава среды их обитания [30, 31, 32].

Таблица 1

Содержание металлов в органах стерляди Средней Оби, июнь 2020 г.

	Органы			Металлы				
	Co	Cd	Cu	Fe	Mn	Hg	Pb	Zn
	0,5*	0,2	10	30	10	0,5	1,0	40
Мышцы	<0,01	0,024	0,51	24	0,56	0,037	<0,005	5,86
Печень	0,04	0,19	3,42	160	1,93	0,058	<0,005	24
Сердце	0,05	0,11	2,81	250	2,92	0,030	<0,005	28
Почки	0,06	0,20	1,64	154	1,82	0,024	<0,005	22
Селез.	0,19	0,08	1,65	770	16	0,17	0,110	28
Пл. пуз.	0,02	0,04	0,36	43	1,11	0,007	<0,005	8,83
Жабры	0,02	0,03	0,66	93	2,74	0,008	<0,005	21
Позвонки	0, 01	0,01	0,43	67	0,93	<0,005	<0,005	7,64

Анализ публикаций [32, 33] свидетельствует, что изложенный выше характер распределения М в организме стерляди принципиально схож с таковым как в других видах осетровых рыб, так и в костных рыбах в целом, как морских, так и пресноводных. Нами это было показано при изучении содержания М в органах сибирского осетра, стерляди и костистых рыб (муksун, пелядь, щука) Нижней Оби [3, 25, 34]. Аналогичные результаты получены в результате многолетнего изучения содержания М в организме осетровых (белуги, русского осетра, севрюги и стерляди) дельты Волги и Северного Каспия [35].

Таблица 2

Распределение тяжелых металлов в органах стерляди Средней Оби, июнь 2020 г.

Элемент	Органы
Co	Слз>Пчк>Ср>Пчн>ПлПз=Ж>М=Пзв
Cd	Пчк>Пчн>Ср>Слз>ПлПз>Ж>М>Пзв
Cu	Пчн>Ср>Пчк>Слз=Ж>М>Пзв>ПлПз
Fe	Слз=Ср>Пчн=Пчк>Ж>Пзв>ПлПз>М
Mn	Слз>Ср=Ж>Пчн=Пчк>ПлПз>Пзв>М
Hg	Пчн>М>Ср>Пчк>Слз>Ж>ПлПз>Пзв
Pb	Слз>остальных следы
Zn	Ср=Слз>Пчн>Пчк>Ж>ПлПз>Пзв>М

Примечание: Обозначения органов: М – мышцы, Пчн – печень, Ср – сердце, Пчк – почки, Слз – селезенка, ПлПз – плавательный пузырь, Ж – жабы, Пзв – позвонки. Обозначения органов расположены в порядке уменьшения в них концентрации металлов.

Таблица 3

Ранжирования тяжелых металлов в органах стерляди Средней Оби, июнь 2021 г.

Органы	Элементы
М	Fe>Mn>Zn>Cu>Hg>Cd>Co>Pb
Пчн	Fe>Zn>Cu>Mn>Cd>Hg>Co>Pb
Ср	Fe>Zn>Cu>Mn>Cd>Co>Hg>Pb
Пчк	Fe>Zn>Mn=Cu>Hg>Cd>Co>Pb
Слз	Fe>Zn>Mn>Cu>Co=Hg>Pb>Cd
Ж	Fe>Zn>Mn>Cu>Cd>Co>Hg=Pb
ПлПз	Fe>Zn>Mn>Cu>Cd>Co>Hg>Pb
Пзв	Fe>Zn>Mn>Cu>Cd>Co>Hg>Pb

Примечание: ряды построены по принципу уменьшения концентрации элементов в органе. Обозначения органов, как в табл. 2.

Заключение

Изложенные результаты исследований свидетельствуют о сложном характере аккумуляции М в организме стерляди Средней Оби, что в частности проявляется в различиях уровня содержания как одного и того же металла в разных органах, так и разных металлов в одном и том же органе, а также при сравнении данного показателя между неполовозрелыми и половозрелыми особями. Наибольшая концентрация металлов обнаружена в разных сочетаниях в селезенке, почках, сердце и печени, в наименьшей – в плавательном пузыре, позвонках и мышцах. В мышечной ткани и во всех органах по концентрации лидируют элементы-биофилы (Fe, Zn, Mn и Cu), замыкают ряды ранжирования элементы, которые принято относить к высокотоксичным (Pb, Co, Cd и Hg). В общих чертах характер аккумуляции М в организме стерляди схож с таковым в других представителях семейства осетровых и костных рыб в целом. Содержание М в мышцах стерляди Средней Оби в июне 2020 г. не превышало принятые в России ДОК.

Литература

1. Доровских, Г. Н. Гидрохимическая характеристика водотоков и содержание тяжелых металлов в организме голяна *Phoxinus phoxinus* (L.) из рек Большая Шайтановка и Човью / Г. Н. Доровских, В. В. Мазур, А. П. Петраков. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия : химия, биология, фармация. – 2013. – № 1. – С. 125–131.
2. Тяжёлые металлы в органах и тканях промысловых рыб пресноводных объектов Северо-Кавказского региона / И. В. Кораблина, Т. О. Барабашин, Ж. В. Геворкян, А. И. Евсеева. – Текст : непосредственный // Труды ВНИРО, 2019. – Т. 177. – С. 151–166.
3. Попов, П. А. Характер накопления металлов в рыбах Средней Оби / П. А. Попов, Н. В. Андросова, В. А. Попов В. А. – Текст : непосредственный // ЖПрЭкол. – 2019. – № 4. – С. 51–56.
4. Особенности накопления тяжелых металлов в рыбах малых озер зеленого пояса Фенноскандии (на территории Мурманской области) / П. М. Терентьев, Е. М. Зубова, Н. А. Кашулин, И. М. Королева. – Текст : непосредственный // Труды Карельского научного центра РАН – 2019. – № 5. – С. 39 – 55. DOI: 10.17076.eco1083.
5. Тяпирянов, М. М. Изменение рыбного населения пресноводных водоемов Якутии в условиях антропогенного загрязнения / М. М. Тяпирянов. – М. : ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2016. – 308 с. – Текст : непосредственный.
6. Ajima M. N., Nnodi P. C., Ogo O. A., Adaka G. S., Osuigwe D. I., Njoku D. C. Bioaccumulation of heavy metals in Mbaa River and the impact on aquatic ecosystem // *Environ. Monit. and Assess.* – 2015. – Vol. 187. – № 12. – P. 768/1–768/9. – Текст : непосредственный.
7. Walters, D. M., Rosi-Marshall E., Kennedy T.A., Cross W. F., Baxter C. V. Mercury and selenium accumulation in the Colorado River food web, Grand Canyon, USA [Text] : научное издание // *Environ. Toxicol. and Chem.* – 2015. – Vol. 34. – № 10. – P. 2385–2394. – Текст : непосредственный.
8. Wang X., Chu Z., Zha F., Liu S., Liu G., Dong Z. H. JG hs,s vtnfkks 2 jrn 2020 Determination of heavy metals in water and tissues of crucian carp (*carassius auratus gibelio*) collected from subsidence pools in Huainan coal fields (China) // *Anal. Lett.* – 2015. – Vol. 48. № 5. – P. 861–877. – Текст : непосредственный.
9. Canalejo A., Diaz-de-Alba M., Granado D., Cordoba F., Espada-Bellido E., Galindo-Riano M., Dolores T. Early genotoxic response and accumulation induced by waterborne copper, lead, and arsenic in European seabass, *Dicentrarchus labrax* // *Envi-ron. Sci. and Pollut. Res.* – 2016. – Vol. 23. – № 4. – P. 3256–3266. – Текст : непосредственный.
10. Терентьев, П. М., Кашулин Н. А. Проблема ртутного загрязнения Арктики на примере рыб водоемов Мурманской области / П. М. Терентьев, Н. А. Кашулин. – Текст : непосредственный. – Новосибирск, 21-25 сент., 2015. – Новосибирск, 2015. – С. 332–335.
11. Крюченко, Н. О. Особенности миграции и концентрации ртути в донных отложениях вблизи территорий промышленных зон / Н. О. Крюченко, Э. В. Панаит. – Текст : непосредственный // *Минерал.*

ж. – 2016. – Т. 38. № 1. – С. 96–101.

12. Кузьмичев, С. А. Аспекты осмотической и ионной регуляции у осетровых рыб: механизмы адаптации к солености / С. А. Кузьмичев // Актуальные проблемы экологии и эволюции в исследованиях молодых ученых. – Москва : Товарищество научных изданий КМК. – 2004. – С. 77–84. – Текст : непосредственный.

13. Fabrik I., Svobodova Z., Adam V., Krizkova K., Trnkova L., Beklova V., Rodina M., Kizek R. Workshop on the Biology of Fish Sperm // J. Appl. Ichthyol. – 2008. Vol. 24. № 4. – P. 522–525. – Текст : непосредственный.

14. Novosadova A.V. Mikodina E. V., Presnyakov A. V., Khrisanfov V. E. Morphometric characteristics of oocytes and ultrastructure of their envelopes in Sakhalin sturgeon *Acipenser mikadoi* // Conference of Young Researchers Szarvas, Hungary, 2010. P. 24–25. – Текст : непосредственный.

15. Акимова, Н. В., Рубан Г. Н. Систематизация нарушений воспроизводства осетровых при антропогенном воздействии / Н. В. Акимова, Г. Н. Рубан. – Текст : непосредственный // Вопросы ихтиологии, 1996. – Т. 36. – Вып. 1. – С. 65-80.

16. Акимова, Н. В. Аномалии в развитии и функционировании воспроизводительной системы сибирского осетра *Acipenser baeri* Brandt (*Acipenseridae*) реки Енисей / Н. В. Акимова, Г. Н. Рубан. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия биологическая, 2009. – № 5. – С. 627–631.

17. Poleksic V., Poleksic V., Lenhardt M., Jaric J., Djordjevic D., Gacic Z., Cvijfnovic G., Simonovic P. Gills and skin histopathology and heavy metal content of the danube sterlet [*Acipenser ruthenus* Linnaeus, 1758] // Environ. Toxicol. and Chem., 2010. – Vol. 29. – № 3. P. 515–521. – Текст : непосредственный.

18. Рождественский, М. И. Сибирская стерлядь (*Acipenser ruthenus marsiglii* Brandt) – перспективный объект товарного осетроводства / М. И. Рождественский, М. А. Вдовченко // Тезисы докл. 1-й науч.-практ. конф. Пробл. современ. товар. осетроводства. – Астрахань, 1999. – С. 60–61. – Текст : непосредственный.

19. Заделенов, В. А. Современное состояние популяций осетровых рыб и их кормовой базы в бассейне Енисея / В. А. Заделенов. – Текст : непосредственный // Сиб. экол. журн., 2000. – №. 3 – С. 287-291.

20. Экология рыб Обь-Иртышского бассейна. Ответственные редакторы Д. С. Павлов, А. Д. Мочек. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 596 с. – Текст : непосредственный.

21. Попов, П. А. Рыбы Сибири / П. А. Попов. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2007. – 526 с. – Текст : непосредственный.

22. Биоразнообразие байкальской Сибири. Ответственный редактор А. К. Тулохонов. – Новосибирск : Наука, 1999. – 349 с. – Текст : непосредственный.

23. Атлас пресноводных рыб России. Ответственный редактор Ю. С. Решетников. – М. : Наука, 2003. – Т. 1. – 378 с. – Текст : непосредственный.

24. Попов, П. А. Рыбы Субарктики Западной Сибири / П. А. Попов. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2013. – 206 с. – Текст : непосредственный.

25. Попов, П. А. Содержание тяжелых металлов в мышечной ткани рыб из водоемов бассейна реки Оби / П. А. Попов, Н. В. Андросова – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. Биология, 2014. – № 4. – С. 122–136.

26. Васильева, Л. А. Биологическая статистика / Л. А. Васильева. – Новосибирск : Изд-во ИЦиГ СО РАН, 2000. – 123 с. – Текст : непосредственный.

27. Санитарные правила и нормы 2.3.2.560-960, 1997. Гигиенические требования к качеству и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов. – Москва : Деловой центр. – 269 с. – Текст : непосредственный.

28. Темерев, С. В. Микроэлементы в поверхностных водах бассейна Оби / С. В. Темерев. – Барнаул : Изд-во АлГУ, 2006. – 326 с. – Текст : непосредственный.

29. Попов, П. А. Оценка экологического состояния водоемов методами ихтиоиндикации / П. А. Попов. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2002. – 267 с. – Текст : непосредственный.

30. Моисеенко, Т. И. Биоаккумуляция металлов в организме рыб как индикатор гидрогеохими-

ческого фона и антропогенной нагрузки / Т. И. Моисеенко // Развитие идей континентальной биогеохимии и геохимической экологии. – Москва : ГЕОХИ РАН, 2010. – С. 288–301. – Текст : непосредственный.

31. Влияние физико-химических факторов на содержание тяжелых металлов в водных экосистемах / Т. И. Моисеенко, О. А. Давыдова, Е. С. Климова [и др.]. – Ульяновск : УлГТУ, 2014. – 167 с. – Текст : непосредственный.

32. Соболев, К. Д. Особенности накопления тяжелых металлов в органах и тканях рыб различных экологических групп / К. Д. Соболев // Современные проблемы водной токсикологии. – Борок : ИБВВ РАН, 2005. – С. 128–129. – Текст : непосредственный.

33. Петухов, С. А. Распределение микроэлементов группы тяжелых и переходных металлов в органах и тканях рыб / С. А. Петухов, М. С. Добрусин // Экологические аспекты химического и радиоактивного загрязнения водной среды. – Москва : Лег. и пищ. пром-сть, 1983. – С. 41–47. – Текст : непосредственный.

34. Попов, П. А. Содержание и характер накопления металлов в рыбах Сибири / П. А. Попов. – Текст : непосредственный // Сиб. экол. журн., 2001. № 2. – С. 237–247.

35. Гераськин, П. П. Реакция организма осетровых рыб на ухудшение условий обитания в Каспийском море / П. П. Гераськин // Современные проблемы водной токсикологии. – Борок : Изд-во ИБВВ РАН, 2005. – С. 27–28. – Текст : непосредственный.

References

1. Dorovskih, G. N. Gidrohimicheskaya karakteristika vodotokov i sodержanie tyazhelyh metallov v organizme gol'yana Phoxinus phoxinus (L.) iz rek Bol'shaya Shajtanovka i Chov'yu / G. N. Dorovskih, V. V. Mazur, A. P. Petrakov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik VGU. Seriya : himiya, biologiya, farmaciya. – 2013. – № 1. – S. 125–131.

2. Tyazhyolye metally v organah i tkanyah promyslovyh ryb presnovodnyh ob'ektov Severo-Kavkazskogo regiona / I. V. Korablina, T. O. Barabashin, Zh. V. Gevorkyan, A. I. Evseeva. – Tekst : neposredstvennyj // Trudy VNIRO, 2019. – T. 177. – S. 151–166.

3. Popov, P. A. Karakter nakopleniya metallov v rybah Srednej Obi / P. A. Popov, N. V. Androsova, V. A. Popov V. A. – Tekst : neposredstvennyj // ZhPrEkol. – 2019. – № 4. – S. 51–56.

4. Osobennosti nakopleniya tyazhelyh metallov v rybah malyh ozer zelenogo poyasa Fennoskandii (na territorii Murmanskoy oblasti) / P. M. Terent'ev, E. M. Zubova, N. A. Kashulin, I. M. Koroleva. – Tekst : neposredstvennyj // Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN – 2019. – № 5. – S. 39 – 55. DOI: 10.17076.eco1083.

5. Tyaptirgyanov, M. M. Izmenenie rybnogo naseleniya presnovodnyh vodoemov Yakutii v usloviyah antropogennogo zagryazneniya / M. M. Tyaptirgyanov. – M. : POLIGRAF-PLYUS, 2016. – 308 s. – Tekst : neposredstvennyj.

6 Ajima M. N., Nnodi P. C., Ogo O. A., Adaka G. S., Osuigwe D. I., Njoku D. C. Bioaccumulation of heavy metals in Mbaa River and the impact on aquatic ecosystem // Environ. Monit. and Assess. – 2015. – Vol. 187. – № 12. – P. 768/1–768/9. – Tekst : neposredstvennyj.

7 Walters, D. M., Rosi-Marshall E., Kennedy T.A., Cross W. F., Baxter C. V. Mercury and selenium accumulation in the Colorado River food web, Grand Canyon, USA [Text] : nauchnoe izdanie // Environ. Toxicol. and Chem. – 2015. – Vol. 34. – № 10. – P. 2385–2394. – Tekst : neposredstvennyj.

8. Wang X., Chu Z., Zha F., Liu S., Liu G., Dong Z. H. JG hs,s vtnfks 2 jrn 2020 Determination of heavy metals in water and tissues of crucian carp (*carassius auratus gibelio*) collected from subsidence pools in Huainan coal fields (China) // Anal. Lett. – 2015. – Vol. 48. № 5. – P. 861–877. – Tekst : neposredstvennyj.

9. Canalejo A., Diaz-de-Alba M., Granado D., Cordoba F., Espada-Bellido E., Galindo-Riano M., Dolores T. Early genotoxic response and accumulation induced by waterborne copper, lead, and arsenic in European seabass, *Dicentrarchus labrax* // Environ. Sci. and Pollut. Res. – 2016. – Vol. 23. – № 4. – P. 3256–3266. – Tekst : neposredstvennyj.

-
10. Terent'ev, P. M., Kashulin N. A. Problema rtutnogo zagryazneniya Arktiki na primere ryb vodoemov Murmanskoy oblasti / P. M. Terent'ev, N. A. Kashulin. – Tekst : neposredstvennyj. – Novosibirsk, 21-25 sent., 2015. – Novosibirsk, 2015. – S. 332–335.
11. Kryuchenko, N. O. Osobennosti migracii i koncentracii rtuti v donnyh otlozheniyah vblizi territorij promyshlennyh zon / N. O. Kryuchenko, E. V. Panait. – Tekst : neposredstvennyj // Mineral. zh. – 2016. – T. 38. № 1. – S. 96–101.
12. Kuz'michev, S. A. Aspekty osmoticheskoy i ionnoj regulyacii u osetrovyyh ryb: mekhanizmy adaptacii k solenosti / S. A. Kuz'michev // Aktual'nye problemy ekologii i evolyucii v issledovaniyah molodyh uchenyh. – Moskva : Tovarishestvo nauchnyh izdaniy KMK. – 2004. – S. 77–84. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Fabrik I., Svobodova Z., Adam V., Krizkova K., Trnkova L., Beklova V., Rodina M., Kizek R. Workshop on the Biology of Fish Sperm // J. Appl. Ichthyol. – 2008. Vol. 24. № 4. – P. 522–525. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Novosadova A. V. Mikodina E. V., Presnyakov A. V., Khrisanfov V. E. Morphometric characteristics of oocytes and ultrastructure of their envelopes in Sakhalin sturgeon *Acipenser mikadoi* // Conference of Young Researchers Szarvas, Hungary, 2010. P. 24–25. – Tekst : neposredstvennyj.
15. Akimova, N. V., Ruban G. N. Sistematizaciya narushenij vosproizvodstva osetrovyyh pri antropogennom vozdejstvii / N. V. Akimova, G. N. Ruban. – Tekst : neposredstvennyj // Voprosy ihtiologii, 1996. – T. 36. – Vyp. 1. – S. 65–80.
16. Akimova, N. V. Anomalii v razviti i funkcionirovanii vosproizvoditel'noj sistemy sibirskogo osetra *Acipenser baeri* Brandt (*Acipenseridae*) reki Enisej / N. V. Akimova, G. N. Ruban. – Tekst : neposredstvennyj // Izvestiya RAN. Seriya biologicheskaya, 2009. – № 5. – S. 627–631.
17. Poleksic V., Poleksic V., Lenhardt M., Jaric J., Djordjevic D., Gacic Z., Cvijfnovic G., Simonovic P. Gills and skin histopathology and heavy metal content of the danube sterlet [*Acipenser ruthenus* Linnaeus, 1758] // Environ. Toxicol. and Chem., 2010. – Vol. 29. – № 3. P. 515–521. – Tekst : neposredstvennyj.
18. Rozhdestvenskij, M. I. Sibirskaya sterlyad' (*Acipenser ruthenus* marsiglii Brandt) – perspektivnyj ob"ekt tovarnogo osetrovodstva / M. I. Rozhdestvenskij, M. A. Vdovchenko // Tezisy dokl. 1-j nauch.-prakt. konf. Probl. sovremen. tovar. osetrovodstva. – Astrahan', 1999. – S. 60–61. – Tekst : neposredstvennyj.
19. Zadelenov, V. A. Sovremennoe sostoyanie populyacij osetrovyyh ryb i ih kormovoj bazy v bassejne Eniseya / V. A. Zadelenov. – Tekst : neposredstvennyj // Sib. ekol. zhurn., 2000. – № 3 – S. 287–291.
20. Ekologiya ryb Ob'-Irtyskogo bassejna. Otvetstvennye redaktory D. S. Pavlov, A. D. Mochev. – Moskva : Tovarishestvo nauchnyh izdaniy KMK, 2006. – 596 s. – Tekst : neposredstvennyj.
21. Popov, P. A. Ryby Sibiri / P. A. Popov. – Novosibirsk : Izd-vo NGU, 2007. – 526 s. – Tekst : neposredstvennyj.
22. Bioraznoobrazie bajkal'skoj Sibiri. Otvetstvennyj redaktor A. K. Tulohonov. – Novosibirsk : Nauka, 1999. – 349 s. – Tekst : neposredstvennyj.
23. Atlas presnovodnyh ryb Rossii. Otvetstvennyj redaktor Yu. S. Reshetnikov. – M. : Nauka, 2003. – T. 1. – 378 s. – Tekst : neposredstvennyj.
24. Popov, P. A. Ryby Subarktiki Zapadnoj Sibiri / P. A. Popov. – Novosibirsk : Izd-vo NGU, 2013. – 206 s. – Tekst : neposredstvennyj.
25. Popov, P. A. Soderzhanie tyazhelyh metallov v myshechnoj tkani ryb iz vodoemov bassejna reki Obi / P. A. Popov, N. V. Androsova – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik TGU. Biologiya, 2014. – № 4. – S. 122–136.
26. Vasil'eva, L. A. Biologicheskaya statistika / L. A. Vasil'eva. – Novosibirsk : Izd-vo ICiG SO RAN, 2000. – 123 s. – Tekst : neposredstvennyj.
27. Sanitarnye pravila i normy 2.3.2.560-960, 1997. Gigienicheskie trebovaniya k kachestvu i bezopasnosti prodovol'stvennogo syr'ya i pishchevyh produktov. – Moskva : Delovoj centr. – 269 s. – Tekst : neposredstvennyj.
28. Temerev, S. V. Mikroelementy v poverhnostnyh vodah bassejna Obi / S. V. Temerev. – Barnaul : Izd-vo AIGU, 2006. – 326 s. – Tekst : neposredstvennyj.
-

29. Popov, P. A. Ocenka ekologicheskogo sostoyaniya vodoemov metodami ihtioindikacii / P. A. Popov. – Novosibirsk : Izd-vo NGU, 2002. – 267 s. – Tekst : neposredstvennyj.
30. Moiseenko, T. I. Bioakkumulyaciya metallov v organizme ryb kak indikator gidrogeohimicheskogo fona i antropogennoj nagruzki / T. I. Moiseenko // Razvitie idej kontinental'noj biogeohimii i geohimicheskoy ekologii. – Moskva : GEOHI RAN, 2010. – S. 288–301. – Tekst : neposredstvennyj.
31. Vliyanie fiziko-himicheskikh faktorov na sodержanie tyazhelykh metallov v vodnykh ekosistemah / T. I. Moiseenko, O. A. Davydova, E. S. Klimova [i dr.]. – Ul'yanovsk : UIGTU, 2014. – 167 s. – Tekst : neposredstvennyj.
32. Sobolev, K. D. Osobennosti nakopleniya tyazhelykh metallov v organah i tkanyah ryb razlichnykh ekologicheskikh grupp / K. D. Sobolev // Sovremennye problemy vodnoj toksikologii. – Borok : IBVV RAN, 2005. – S. 128–129. – Tekst : neposredstvennyj.
33. Petuhov, S. A. Raspredelenie mikroelementov gruppy tyazhelykh i perekhodnykh metallov v organah i tkanyah ryb / S. A. Petuhov, M. S. Dobrusin // Ekologicheskije aspekty himicheskogo i radioaktivnogo zagryazneniya vodnoj sredy. – Moskva : Leg. i pishch. prom-st', 1983. – S. 41–47. – Tekst : neposredstvennyj.
34. Popov, P. A. Soderzhanie i harakter nakopleniya metallov v rybah Sibiri / P. A. Popov. – Tekst : neposredstvennyj // Sib. ekol. zhurn., 2001. № 2. – S. 237–247.
35. Geras'kin, P. P. Reakciya organizma osetrovyykh ryb na uhudshenie uslovij obitaniya v Kaspijskom more / P. P. Geras'kin // Sovremennye problemy vodnoj toksikologii. – Borok : Izd-vo IBVV RAN, 2005. – S. 27–28. – Tekst : neposredstvennyj.

УДК 538.958

Е. П. Шарин

Расчет спектров комбинационного рассеяния света графеновых нанолент

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. С помощью теории функционала плотности в приближении локальной плотности рассчитаны спектры комбинационного рассеяния углеродных нанолент. Обнаружено, что во всех рассмотренных нами нанолентах существует три активные моды: это радиально-дышащая мода RBLM в области частот 346-474 cm^{-1} , локализованная мода в области частот 1449-1462 cm^{-1} и графеноподобная мода на частоте около 1650 cm^{-1} . Эти активные моды могут быть полезны для идентификации различных нанолент в экспериментах по комбинационному рассеянию света. Теоретические расчеты сравнивались с экспериментальными данными.

Ключевые слова: теория функционала плотности, приближение локальной плотности, теория возмущений функционала плотности, схема Монхорста–Пака, графеновая нанолента, рамановская спектроскопия, нанолента типа «кресло», нанолента типа «зигзаг», запрещенная зона, радиальная дыхательная мода.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.012

ШАРИН Егор Петрович – к. ф.-м. н., доцент, кафедра теоретической физики СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: ep.sharin@s-vfu.ru

SHARIN Egor Petrovich – Docent of the Theoretical Physics Department M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

E. P. Sharin

Calculation of the Raman Spectra of the Graphene Nanoribbons

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The Raman spectra of carbon nanoribbons are calculated using the density functional theory in the local density approximation. It was found that in all the nanoribbons considered by us, there are three active modes: the radially breathing RBLM mode in the frequency range 346-474 cm^{-1} , a localized mode in the frequency range 1449-1462 cm^{-1} , and a graphene-like mode at a frequency of about 1650 cm^{-1} . These active modes can be useful for identifying various nanoribbons in Raman experiments. Theoretical calculations were compared with experimental data.

Keywords: density functional theory, local density approximation, density functional perturbation theory, Monkhorst - Pack scheme, graphene nanoribbon, Raman spectroscopy, armchair nanoribbon, zigzag nanoribbon, band gap, radial breathing mode.

Введение

В настоящее время ведутся интенсивные исследования в области разработки наноразмерных электронных устройств. Одним из наиболее востребованных материалов для создания таких устройств являются материалы, основу которых составляют углеродные наноструктуры. Уникальность и широта спектра их свойств обусловили перспективы развития нового направления электроники – углеродной нанoeлектроники, которая основывается на использовании углеродных наноструктурных материалов.

Графеновые наноленты имеют настраиваемую электронную структуру, которая определяется их шириной и структурами края. В частности, кресельные графеновые ленты (AGNR – arm-chair graphene nanoribbon), в отличие от графена, обладают электронной запрещенной зоной и поэтому представляют интерес для применения в цифровых и оптоэлектронных устройствах, например, в полевых транзисторах [1, 2] или в устройствах с квантовыми точками [3, 4]. Низкая размерность ленты и структура края делают ленты особенно привлекательными как для теоретического изучения, так и для экспериментальных исследований.

Точная структура краев, а также техника изготовления графеновых нанолент влияют на многие свойства: химическую реактивность [5], электронную структуру [6], колебательные и транспортные свойства [7]. Колебательные свойства играют роль в структурной устойчивости, идентификации структуры и баллистическом переносе через электрон-фононное взаимодействие. При идентификации структуры сканирующая туннельная микроскопия может достигать почти атомного разрешения, но анализ структуры и свойств края наноленты часто неоднозначен. В этом случае спектроскопия комбинационного рассеяния [8–10] является ценным инструментом.

Рамановская спектроскопия углеродных материалов [11, 12] была признана мощным методом не только для исследования (колебательных мод), но и для прямой идентификации типа графеновой наноленты, [13] для определения числа графеновых слоев [14, 15], для определения локальных уровней легирования [16], для изучения электрон-фононной связи [17], а также исследования электронных свойств.

В этой работе мы сообщаем о результатах теоретического расчета спектра комбинационного рассеяния света на графеновых нанолентах с различной шириной, сравниваем наши расчеты с экспериментальными данными других авторов.

Методология вычисления

Прежде чем рассчитать спектры комбинационного рассеяния нанолент, сначала нужно выяснить электронную и атомную конфигурацию основного состояния заданной структуры. Все расчеты по оптимизации кристаллической структуры выполнены в рамках теории функционала плотности (DFT – Density Functional Theory) с использованием метода псевдопотенциала на основе плоских волн, реализованного в пакете Quantum Espresso. В разложении волновой функции были учтены плоские волны с энергией до 60 Ry, которые обеспечивают хорошую сходимость полной энергии. Для учета взаимодействия между ионными ядрами и валентными электронами используется модель псевдопотенциалов фон Варта-Кара (Von Barth-Cara, VBC) в приближении локальной плотности (LDA – Local Density Approximation). Равновесная структура определена минимизацией полной энергии относительно параметров решетки, а внутренние параметры структуры оптимизированы с помощью сил Гельмана–Фейнмана. Процесс минимизации осуществлялся до тех пор, пока остаточные силы на атомах не станут ниже 0,003 eV/Å. Важно упомянуть, что определение точной ионной и решеточной релаксации существенно для корректных вычислений динамики решетки. Кроме того, чтобы минимизировать взаимодействия между двумя соседними графеновыми слоями, в расчетах сохраняется вакуумное расстояние 15 Å. Для обеспечения достаточной точности взят набор k-точек 13x1x1 в зоне Бриллюэна исследуемой суперячейки согласно схеме Монхорста – Пака.

Результаты и обсуждение

Чтобы представить результаты, полученные в расчетах, мы используем общепринятую классификацию нанолент. Обычно наноленты типа «кресло» и «зигзаг» обозначаются как NAGNR (arm-chair graphene nanoribbon) и NZGNR (zig-zag graphene nanoribbon), соответственно, где индекс N относится к ширине наноленты и принимает целочисленные значения. В настоящей работе изучаются графеновые наноленты типа «кресло» с шириной, соответствующей индексам N=9 и N=13 (9AGNR и 13AGNR), пассивированных атомами водорода. Оборванные связи на краях ленты насыщают (пассивируют) атомами водорода, тем самым стабилизируя ленту.

Такие узкие графеновые наноленты могут быть получены методом самоорганизации и ковалентного связывания отдельных молекулярных органических кластеров [18–20]. Этот метод синтеза позволяет определять атомную структуру изготовленных графеновых нанолент путем поверхностной полимеризации различных предшественников мономеров [21].

Для расчета спектра комбинационного рассеяния мы используем теорию возмущений функционала плотности DFPT (Density Functional Perturbation Theory) [22]. Согласно этой теории, статический линейный отклик на фоновые искажения определяется исходя из электронных свойств основного состояния. Чтобы рассчитать спектры комбинационного рассеяния, нам нужно определить динамическую матрицу, которая представляет собой силу, действующую на отдельные атомы за счет смещения от равновесия других атомов. Квантово-механический расчет динамической матрицы представляет собой отклик электронной плотности на атомные смещения из положения равновесия. С помощью теории DFPT динамическая матрица может быть получена в любой точке зоны Бриллюэна. Этот метод вычисления интенсивности комбинационного рассеяния соответствуют нерезонансному пределу, для которого энергия фотона возбуждения значительно ниже энергии дипольных разрешенных оптических переходов. Метод успешно используется для расчета колебательных свойств, спектра

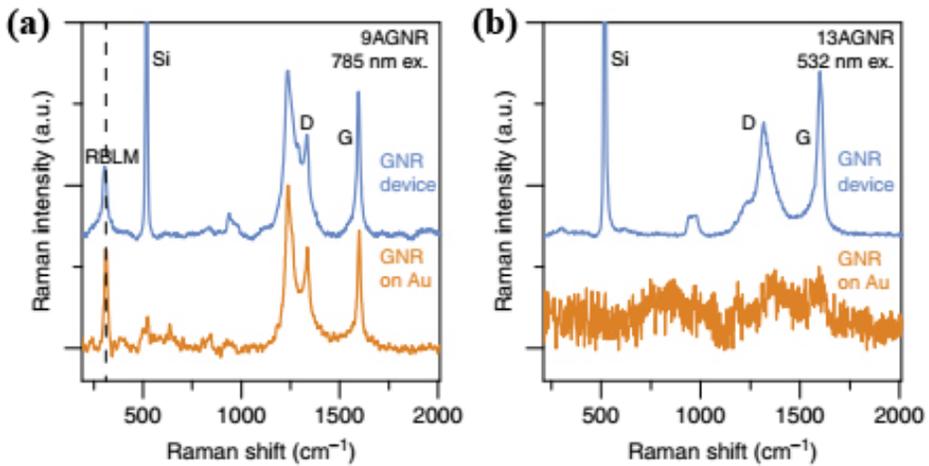

Рис. 1. Спектры комбинационного рассеяния света нанолент 9AGNR (1a) и 13AGNR (1b), соответственно. Графики желтого цвета показывают рамановские спектры, выращенные на алюминиевой подложке, а графики синего цвета те же наноленты, выращенные на алюминиевой подложке, а затем перенесенные на диэлектрическую подложку

комбинационного рассеяния углеродных нанолент [23] и для неидентичных углеродных нанотрубок [23–25].

Мы сравнили наши результаты с экспериментальными данными, полученными в работах [28]. На рис. 1 показаны спектры нерезонансного рассеяния света графеновых нанолент 9AGNR (1a) и 13AGNR (1b), соответственно. Графики желтого цвета показывают рамановские спектры 9AGNR и 13AGNR, выращенные на алюминиевой подложке, а графики синего цвета те же наноленты, выращенные на алюминиевой подложке, а затем перенесенные на диэлектрическую подложку. Оба спектра выглядят идентичными. В наноленте 9AGNR виден пик радиально дышащей моды (RBLM – radial breathing-like mode) – $311,5 \text{ cm}^{-1}$, который свидетельствует о том, что ширина наноленты и структура краев не повреждены при переносе с алюминиевой подложки на диэлектрическую. В отличие от 9AGNR, RBLM не виден для спектра 13AGNR ни для одного, ни для другого.

На рис. 2 представлены рассчитанные нерезонансные спектры комбинационного рассеяния нанолент типа «кресло»: 9AGNR и 13AGNR, соответственно. Моды на частотах вблизи 1650 cm^{-1} (рис. 1a и b), а в наших расчетах на частотах 1681 (рис. 2a) и 1655 (рис. 2b) cm^{-1} соответствуют полосе G в спектре нанотрубок. G-полоса обычно связана с оптическими колебаниями двух смежных атомов углерода в кристаллической решетке наноленты. Пики на частотах вблизи 1300 cm^{-1} (рис. 1a и b), а в наших расчетах на частотах 1462 (рис. 2a) и 1449 (рис. 2b) cm^{-1} соответствуют полосе D в спектре нанотрубок. Локализованная мода в области частот $1449\text{--}1462 \text{ cm}^{-1}$ исходит от колебаний крайних атомов. Такая мода в спектрах нанотрубок отсутствует. В спектре нанолент нет радиальной дыхательной моды (RBM–radial breathing mode) как в нанотрубках, однако вместо него существует специальная радиальная дыхательная мода в области частот $346\text{--}474 \text{ cm}^{-1}$. Эти колебания в низкочастотных областях спектров комбинационного рассеяния вызваны относительными движениями атомов между левой и правой частями наноленты. Например, это когда левая половина атомов движется влево, правая половина атомов направо, а средние атомы остаются в покое. Наконец, из-за конечного размера и низкой симметрии есть много других комбинационных пиков в нанолентах, которые также отсутствуют в нанотрубках [26].

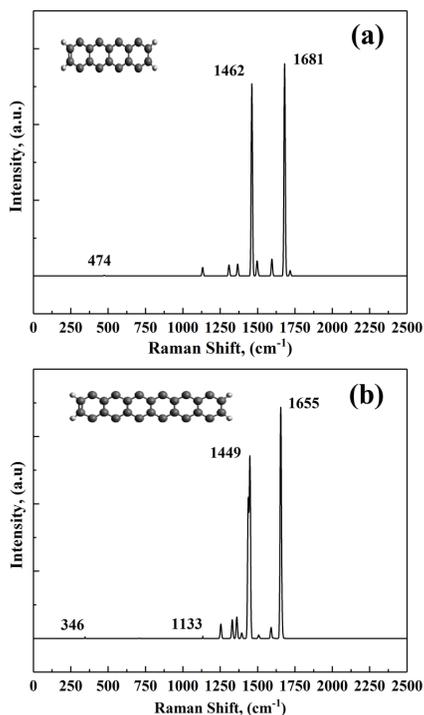

Рис. 2. Спектры комбинационного рассеяния графеновых нанолент: а) 9AGNR, моды на частотах 474 cm^{-1} , 1462 cm^{-1} и 1681 cm^{-1} , соответственно, радиальная дыхательная, локализованная и графеноподобная моды; б) 13AGNR, моды на частотах 346 cm^{-1} , 1449 cm^{-1} и 1655 cm^{-1} , соответственно, радиальная дыхательная, локализованная и графеноподобная моды

Заключение

На основе теории функционала плотности в приближении локальной плотности рассчитаны спектры комбинационного рассеяния двух типов графеновых нанолент типа «кресло» (arm-chair). Установлено, что для всех рассмотренных нами нанолент существуют три активные моды: это радиально-дышащая мода RBLM в области частот 346–474 cm^{-1} , локализованная мода в области частот 1449–1462 cm^{-1} и графеноподобная мода на частоте около 1650 cm^{-1} . Эти активные моды могут быть полезны для идентификации различных нанолент в экспериментах по комбинационному рассеянию света. Рассчитанные спектры сравнивались с экспериментальными данными, полученными в работах [27].

Литература

1. Wang, X. Room-Temperature All-Semiconducting Sub-10-nm Graphene Nanoribbon Field-Effect Transistors / X. Wang, Y. Ouyang, X. Li, H. Wang, J. Guo, H. Dai // *Phys. Rev. Lett.* – 2008. – 100. – pp. 206803. – URL : <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.100.206803>.
2. Zhang, Q. Graphene nanoribbon tunnel transistors / Q. Zhang, T. Fang, H. Xing, A. Seabaugh, D. Jena // *IEEE Electron Device Letters.* – 2008. – 29 (12). – pp. 1344–1346. – URL : <https://doi.org/10.1109/LED.2008.2005650>.
3. Stampfer, C. Tunable graphene single electron transistor / C. Stampfer, E. Schurtenberger, F. Molitor, J. Güttinger, T. Ihn, K. Ensslin // *Nano Lett.* – 2008. – 8. – pp. 2378–2383. – URL : <https://doi.org/10.1021/nl801225h>.
4. Ponomarenko, L. A. Chaotic Dirac billiard in graphene quantum dots / L. A. Ponomarenko, F. Schedin, M. I. Katsnelson, R. Yang, E. H. Hill, K. S. Novoselov, A. K. Geim // *Science.* – 2008. – 320. – pp. 356–358.
5. Castro Neto, A. H. The electronic properties of graphene / A. H. Castro Neto, Francisco Guinea, Nuno M. R. Peres, Kostya S. Novoselov, Andre K. Geim // *Rev. Mod. Phys.* – 2009. – 81. – pp. 181.

6. Abergel, D. S. L. Properties of graphene: a theoretical perspective / D. S. L. Abergel, V. Apalkov, J. Berashevich, K. Ziegler and Chakraborty // *Advances in Physics*. – 2010. – 59. – pp. 261–482.
7. Fujita, M. Peculiar localized state at zigzag graphite edge / M. Fujita, K. Wakabayashi, K. Nakadw and K. Kusakabe // *J. Phys. Soc. Japan*. – 1996. – 65. – pp. 1920–1923.
8. Nakada, K. Edge state in graphene ribbons : nanometer size effect and edge shape dependence / K. Nakada, M. Fujita, G. Dresselhaus and M. S. Dresselhaus // *Phys. Rev. B*. – 1996. – 54. – pp. 17954.
9. Sasaki, K. Local density of states at zigzag edges of carbon nanotubes and graphene / K. Sasaki, K. Sato, R. Saito, J. Jiang, S. Onari and Y. Tanaka // *Phys. Rev. B*. – 2007. – 75. – pp. 235430. – URL : <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.75.235430>.
10. Sasaki, K. Theory of superconductivity of carbon nanotubes and graphene / K. Sasaki, J. Jiang, R. Saito, S. Onari and Y. Tanaka // *J. Phys. Soc. Japan*. – 2007. – 76. – pp. 033702. – URL : <https://doi.org/10.1143/JPSJ.76.033702>.
11. Malard, L. M. Raman spectroscopy in graphene / L. M. Malard, M. A. Pimenta, G. Dresselhaus, M. S. Dresselhaus // *Phys. Rep.* – 2009. – 473. – pp. 51–87.
12. Ferrari, A. C. Raman spectroscopy of graphene and graphite: Disorder, electron–phonon coupling, doping and nonadiabatic effects / A. C. Ferrari // *Solid State Commun.* – 2007. – 143. – pp. 47–57. – URL : <https://doi.org/10.1016/j.ssc.2007.03.052>.
13. Verzhbitskiy, I. A. Raman fingerprints of atomically precise graphene nanoribbons / I. A. Verzhbitskiy, M. D. Corato, A. Ruini, E. Molinari, A. Narita, Y. Hu, M. G. Schwab, M. Bruna, D. Yoon, S. Milana, X. Feng, K. Mullen, A. C. Ferrari, C. Casiraghi, and D. Prezzi // *Nano Lett.* – 2016. – 16 (6). – pp. 3442–3447. – URL : <https://doi.org/10.1021/acs.nanolett.5b04183>.
14. Ferrari, A. C. Raman spectrum of graphene and graphene layers / A. C. Ferrari, J. C. Meyer, V. Scardaci, C. Casiraghi, M. Lazzeri, F. Mauri, S. Piscanec, D. Jiang, K. S. Novoselov, S. Roth, A. K. Geim. // *Phys. Rev. Lett.* – 2006. – 97. – pp. 187401. – URL: <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.97.187401>.
15. Graf, D. Spatially resolved Raman spectroscopy of single- and few-layer graphene / D. Graf, F. Molitor, K. Ensslin, C. Stampfer, A. Jungen, C. Hierold, L. Wirtz // *Nano Lett.* – 2007. – 7. – pp. 238. – URL : <https://doi.org/10.1021/nl061702a>.
16. Stampfer, C. Raman imaging of doping domains in graphene on SiO₂ / C. Stampfer, F. Molitor, D. Graf, K. Ensslin, A. Jungen, C. Hierold, L. Wirtz // *Appl. Phys. Lett.* – 2007. – 91. – pp. 241907.
17. Pisana S. Breakdown of the adiabatic Born–Oppenheimer approximation in graphene / S. Pisana, M. Lazzeri, C. Casiraghi, K. S. Novoselov, A. K. Geim, A. C. Ferrari, F. Mauri. // *Nature Mat.* 2007. – 6. – pp. 198–201.
18. Franc, G. Covalent Networks Through On-surface Chemistry in Ultra-high Vacuum: State-of-the-art and Recent Developments / G. Franc, A. Gourdon // *Phys. Chem. Chem. Phys.* – 2011. – Vol. 13. – pp. 14283–14292.
19. Chen, Y. C. Molecular Bandgap Engineering of Bottom-up Synthesized Graphene Nanoribbon Heterojunctions / Chen Y. C., Cao T., Chen C., Pedramrazi Z., Haberer D., de Oteyza D. G., Fischer F. R., Louie S. G., Crommie M. F. // *Nat. Nanotechnol.* – 2015. – Vol.10. – pp. 156–160.
20. Cai, J. Atomically precise bottom-up fabrication of graphene nanoribbons / J. Cai, P. Ruffieux, R. Jaafar, M. Bieri, T. Braun, S. Blankenburg, M. Muoth, A. P. Seitsonen, M. Saleh, X. Feng, K. Mullen, and R. Fasel // *Nature*. – 2010. – 466. – pp. 470–473.
21. Talirz, L. On-surface synthesis of atomically precise graphene nanoribbons / L. Talirz, P. Ruffieux, and R. Fasel // *Adv. Mater.* – 2016. – 28 (29). – pp. 6222–6231.
22. Giannozzi, P. Vibrational and dielectric properties of C60 from density functional perturbation theory / P. Giannozzi and S. Baroni // *J. Chem. Phys.* – 1994. – 100. – pp. 8537–8539.
23. Malola, S. Raman spectra of single-walled carbon nanotubes with vacancies / S. Malola, H. Hakkinen, P. Koskinen // *Phys. Rev. B*. – 2008. – 77. – pp. 155412.
24. Wu, G. Raman modes of the deformed single-wall carbon nanotubes / G. Wu, J. Zhou, J. Dong, *Phys. Rev. B*. – 2005. – 72. – pp. 115411.
25. Malola, S. Effect of bending on Raman-active vibration modes of carbon nanotubes / S. Malola, H. Hakkinen, P. Koskinen // *Phys. Rev. B*. – 2008. – 78. – pp. 153409. – URL : <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.78.153409>.
26. Jinming, Cai. Atomically precise bottom, -up fabrication of graphene nanoribbons / Jinming Cai, Pascal Ruffieux, Rached Jaafar, Marco Bieri, Thomas Braun, Stephan Blankenburg, Matthias Muoth Ari P. Seitsonen, Moussa Saleh, Xinliang Feng, Klaus Müller & Roman Fasel // *Nature*. – 2010. – v. 466. – pp.470–473.
27. Juan Pablo Llinas. Short-channel field-effect transistors with 9-atom and 13-atom wide graphene nanoribbons / Juan Pablo Llinas, Andrew Fairbrother, Gabriela Borin Barin, Wu Shi, Kyunghoon Lee, Shuang Wu, Byung Yong Choi, Rohit Braganza, Jordan Lear, Nicholas Kau, Wonwoo Choi, Chen Chen, Zahra Pedramrazi, Tim Dumsclaff, Akimitsu Narita, Xinliang Feng, Klaus Müller, Felix Fischer², Alex Zettl, Pascal Ruffieux, Eli Yablonovitch, Michael Crommie, Roman Fasel, Jeffrey Bokor // *Nature Communications*. – 2017. – v. 8. – pp.633–638.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.411

Ал Тавил Солаф

Названия птиц в библейском, средневековом и современном иврите

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Лексикографическое описание названий птиц в еврейском языке является актуальной для гебраистики темой. Многие из этих терминов встречаются в Библии один или несколько раз и, таким образом, не имеют четкой зоологической идентификации. При формировании лексического состава современного иврита этим терминам были приданы конкретные научные значения, основанные на разнообразных аргументах, в том числе на характере их употребления в различных постбиблейских текстовых корпусах. В данной статье мы рассматриваем названия птиц в библейском, средневековом и современном иврите. Цель данной статьи заключается в том, чтобы исследовать названия птиц, которые упоминаются в Библии, и их семантическую и функциональную эволюцию в раввинистическом, средневековом и современном языке. Для достижения этой цели был поставлен ряд задач: вычленение исследуемых лексем из общего множества фаунистической терминологии, для данного исследования мы взяли термины для птиц, которые упоминаются в Библии; исследование их употребления в корпусах текстов на иврите в раввинистической, средневековой и современной литературе; рассмотрение релевантных терминов при помощи метода, включающего в себя контекстный, семантический и лингвистический аспекты. Исследование названий птиц в разные эпохи развития еврейского языка дает представление о проблемах и методах семантического описания лексики древнеписьменного языка и его развития в современных письменных и разговорных формах. Результаты проведенного исследования показывают, что названия птиц в еврейском языке являются динамичными, поскольку большинство названий птиц в библейском языке не имеют точного значения из-за несогласия между древними и средневековыми комментариями или несоответствия отрывков из еврейской и древнегреческой

АЛ ТАВИЛ Солаф – аспирант 3-го курса Российского государственного гуманитарного университета.

AL TAWHEEL Solaf – post-graduate student of the 3rd year of the Russian State University for the Humanities.

Библий. Вследствие этого многие из них остаются под вопросом до сих пор. В современном иврите многие из библейских названий птиц изменили свои значения с течением времени, и сегодня они отличаются от языка оригинала.

Ключевые слова: названия птиц, Библия, Ветхий Завет, Новый Завет, древнееврейский язык, Талмуд и Мидраш, средневековая еврейская литература, литература Нового времени, современный иврит.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.001

Al Taweel Solaf

Bird names in Biblical, Medieval, and Modern Hebrew

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The lexicographic description of the birds' names in the Hebrew language is a relevant topic for Hebraic studies. Many of these terms occur once or more in the Bible, and thus do not have a clear zoological identification. When forming the lexical composition of modern Hebrew, these terms were given specific scientific meanings based on a variety of arguments, including the nature of their use in various post – Biblical text corpora. In this article, we look at the names of birds, in Biblical, medieval and modern Hebrew. The purpose of this article is to explore the names of birds that are mentioned in the Bible, and their semantic and functional evolution in Rabbinic, medieval, and modern language. To achieve this goal, a number of tasks were solved: the isolation of the studied lexemes from the general set of faunal terminology. For this study, we have taken the terms for the bird that are mentioned in the Bible. A study of them uses in Hebrew text corpora in Rabbinic, medieval, and modern literatures. Consideration of relevant terms using a method that includes contextual, semantic, and linguistic aspects. The study of the names of birds in different epochs of the development of the Hebrew language gives an idea of the problems and methods of semantic description of the vocabulary of the ancient written language and its development in its modern written and spoken forms. The results of the study claim that the names of birds in the Hebrew language is dynamic, since most bird names in the Biblical language do not have an exact meaning due to a disagreement between ancient and medieval commentaries or a matching passage between the Hebrew and ancient Greek Bibles. As a result, many of them remain in question until now. In modern Hebrew, many of the biblical names of birds have changed their meanings over time and today they differ from the original language.

Keywords: bird names, Bible, Old Testament, New Testament, Hebrew, Talmud and Midrash, medieval Jewish literature, modern literature, modern Hebrew.

Введение

Названия птиц являются частью фаунистической терминологии, которая всегда привлекает внимание исследователей и занимает важное место в библейской лексикографии. Исследования фаунистической терминологии проводились, по крайней мере, с конца XIX в. Здесь стоит упомянуть работы зоологов, таких как И. Ахрони, Г. Б. Тристром, Г. Ч. Харт. В XX–XXI вв. среди авторов, посвятивших свои труды фаунистической терминологии Библии, были Л. Коган, А. Милитарев, Г. Драйвер и др. Притом некоторые из статей были посвящены конкретным названиям или видам животных, такие как статьи М. Кохена, И. Финкел, Р. Задок. Среди исследователей, занимавшихся названиями животных равнинистического еврейского языка, можно упомянуть И. Лёва.

Динамика развития фаунистической лексики еврейского языка сложна для изучения, поскольку во многих случаях ни этимология, ни данные древних переводов и комментариев не позволяют с точностью установить, о каком животном идет речь. В случае с орнитологической тематикой ситуация особенно сложна, потому что во многих случаях речь идет о крайне редких, слабо засвидетельствованных в текстах лексемах.

В средневековую эпоху, когда еврейский язык перестал быть разговорным, еврейские мудрецы стали изучать и анализировать библейские тексты и создавать новые тексты на иврите во всех сферах культуры, в значительной степени опираясь на библейскую грамматику и лексику [1].

В период возрождения языка Комитет современного иврита (ставший впоследствии Академией языка иврит), который основал Э. Бен Йехуда, сформировал современный лексический фонд иврита, отраженный, в частности, в толковом словаре Э. Эвен-Шошана [1].

Названия животных в современном иврите в хронологическом аспекте на сегодняшний день изучены довольно слабо. Большое влияние на формирование фаунистической терминологии современного иврита оказали работы израильских зоологов, в первую очередь Исраэля Ахарони (1882–1946), который открыл около 30 ранее неизвестных видов животных, насекомых и птиц и дал им еврейские названия. Современные зоологические термины (*vernacular animal names*), предложенные Академией языка иврит, способствовали недвусмысленному, общепризнанному и стабильному употреблению таких слов вплоть до настоящего времени [2].

Что касается названий птиц, в нашем распоряжении имеются лишь некоторые работы, посвященные библейским названиям. Это работы Ж. Р. Драйвер (1955), Элис Пармели (1959), Балдасси (1994) и др., но нет ни одной полной работы, которая систематически учитывала бы все названия птиц в Библии и их использование в средневековом и современном языке.

Целью данной статьи является исследование названий птиц, которые упоминаются в Библии, и их семантической и функциональной эволюции в равнинистическом, средневековом и современном языке.

Материал и методы исследования

Исследование названий птиц осуществлялось на материале текстовых корпусов на иврите разных эпох развития языка в контекстном, семантическом и сравнительном аспектах. В анализе семантического развития библейских терминов были использованы известные английские словари библейского языка “The Hebrew and English Lexicon of The Old Testament” [3], “The Hebrew and Aramaic Lexicon of The Old Testament” [4] и «Словарь библейского иврита» А. Э. Графова [5]. Анализ терминов талмудической литературы проводился с помощью словаря “A dictionary of Targumim, The Talmud Babli and Yerushalmi” [6]. Термины средневековой и современной литературы проанализированы на материале словарей Э. Бен Йехуды и Э. Шошана, из которых

были отобраны статьи, где встречаются исследуемые единицы. Помимо данных словарей, мы использовали “The Historical Dictionary project” [7], где можно найти многочисленные текстовые корпуса на иврите, относящиеся к разным эпохам развития еврейского языка. При исследовании названий птиц в разные эпохи еврейского языка использовались такие методы, как лингвистический, филологический и текстологический.

Результаты исследования и их обсуждение

В статье выявлено, что большинство названий птиц библейского языка не поддаются однозначной фаунистической идентификации из-за несогласия между древними переводами, и зачастую эти термины обнаруживаются в текстах, где нет описания птиц, что способствует двусмысленности и неопределенности, при их идентификации. В особенности это справедливо для терминов, которые встречаются в Библии только один раз (Нарах Legomena). Например, *zarzīr* (Prov 30:31), *uāʕēn* (Lam 4:3), *gāʕā* (Deut 12:13). Также есть некоторые названия, которые нередко встречаются в Библии, но не имеют четкого определения, такие как *dəḡōr*, *ʕāgūg* и др.

Кроме того, рассмотрение названий птиц в Библии не производилось на основе срезного научного анализа. Это же справедливо для раввинистической и средневековой литературы, где слово во многих случаях находится в тексте, который не помогает определить значение слова. Серьезный научный анализ фаунистической терминологии появился только в литературе Нового времени в XVIII–XIX вв., где представлены ценные сведения о фаунистической идентификации древнееврейских лексем, в том числе названий птиц.

В результате идентификация названий птиц в современном иврите основана, в частности, на их употреблении в литературе Нового времени. Вследствие этого значения некоторых терминов стали отличаться от древних и средневековых. Например: *ʕozniyuā* ‘бородач, скопа, орел’ в современном иврите обозначает грифа; *ʕauit* ‘собир. хищные птицы’ в современном иврите – ‘орел’; *ʕāgūg* ‘дрозд, черный стриж, вертишейка’ используется в современном иврите в другом значении ‘журавль’. Некоторые термины древнееврейского языка не вошли в состав современного иврита. Например, такие как *dāʕā*, *gāʕā* (вид хищных птиц), *qāʕāt* (вид совы). Также отсутствие некоторых библейских названий птиц можно заметить в талмудической литературе. Например: *šaḥar* ‘чайка’, *uāʕēn* ‘страус’.

Библейские названия птиц в данной статье разделяются на следующие семантические подгруппы: общие термины; хищные птицы; голубиные; другие птицы; страусы; домашние птицы.

Общие термины

Ниже представлены три общих термина, которые обозначают птиц.

ʕōp

Этот термин употребляется в Библии для обозначения всех летающих существ, чаще всего птиц, однако в некоторых стихах он применяется к летающим насекомым (*šāgāš hā-ʕōp*), см. Лев. 11:20, Втор. 14:19, а также у Сирах 11:3.

В Талмуде слово встречается часто, как правило, именно для обозначения птиц [6, с. 1055]. То же справедливо для средневековой литературы, например, в произведении Калонимоса бен-Калонимоса «Иггерет Баале ха-Хаййим» «Письмо о названиях животных» (X в.), где автор определяет этот термин как «общее название для птиц».

В литературе Нового Времени данная лексема употребляется как общий термин для птиц (прежде всего крупных), а также в значении «курица, куриное мясо», например у И. Шинхака в «Истории земли» (1841) и у Баруха Линда в «Начале наук» (1788). Значение «курица» популярно в современном иврите, согласно словарю Эвен-Шошана [8, т. 5, с. 1893].

šippōr

Широко употребляется в Библии как собирательный общий термин для птиц и обозначение одной птицы. В талмудических текстах отмечено такое же употребление (Кидушин 2:9, Негаим 8:8), так же как и в средневековой литературе (например, в переводе «Канона медицины» Авиценны или у Авраама ха-Нагид в «Шевет мусар»). В современном языке, согласно Э. Шошану, слово используется более или менее тем же образом [8, т. 5, с. 2255].

Словосочетание šippōr qayis «летняя птица» используется для обозначения бабочки, см. *yābō mi-mmīn remeš ha-ddūmā lə-šippōr qayis* ‘Оно происходит из вида насекомых, похожих на бабочку’ [9, т. 11, с. 5589].

šāprāḥ

Этот библейский термин имеет специфическое значение ‘птенец’ (Dt 22:6, Ps 84:4, Jb 39:30). В раввинистической и средневековой литературе имеются многочисленные примеры с тем же значением (Талмуд, Мидраш, пиют, еврейская поэзия в Испании) [7]. То же справедливо для произведений Нового Времени, таких как «Начало наук» (1788), «Пути мира» (1822), «История природы» (1822), «История земли» (1841). Таким образом, можно констатировать, что это слово характеризуется высокой степенью стабильности в истории языка, поэтому неудивительно, что Академия языка иврит закрепила за ним значение ‘птенец’.

Хищные птицы

Названия хищных птиц занимают особое место в библейских исследованиях: с одной стороны, термины, относящиеся к этой семантической группе, довольно многочисленны; с другой стороны, большая их часть упоминается в Библии лишь один-два раза, вследствие чего установить их древнее значение весьма затруднительно. Знаменитый библейский список птиц, который находится в Лев. 11: 13-19, а также во Втор. 14: 11-18 содержит названия более 20 птиц, запрещенных в пищу, так называемых «нечистых птиц» [10]. Важно отметить, что этот список отличается у переводчиков в связи с тем, что переводы Библии не всегда совпадают.

šayyā

Данный библейский термин обозначает одну из хищных птиц, упомянутых в Торе среди птиц, которых запрещено есть (Lv 11:14, Dt 14:13), а также в Jb 28:7. Переводится в словарях как ‘ястреб, сокол, осоед’ [3, с. 17] или ‘черный коршун’ [4, с. 39].

В талмудическом трактате Хуллин 63b мы находим указание на то, что šayyā по значению близко к другому названию хищной птицы *dayyā: šayyā wə-dayyā šaḥat hāyā*, ‘šayyā и dayyā – это одно’.

В средневековой литературе слово упоминается в поэзии (в пиюте, еврейской поэзии Испании). Точное значение в этих корпусах не проясняется из-за сложных контекстов. Давид Кимхи (XII в.) считает, что стоящая за ним реалья тождественна французскому *ris* и немецкому *Specht* [9, т. 1, с. 175]. В литературе Нового Времени значение становится более оформленным. Так, Барух Линда в своей книге «Начало наук» (1788 г.) переводил это слово как ‘*falco, milvus*’ (красный коршун), а в книге «История природы» (1867) истолковал слово через немецкий термин *הַכִּזְבֵּי*. АЯИ фиксирует сложное слово *šayyāt šəgāšim* для обозначения ‘honey buzzard’ (осоед).

dāʔā

Название хищной птицы упоминается в Пятикнижии (Lv 11:14, Dt 14:13) среди птиц, которых запрещено есть: ‘коршун, сокол, ястреб’ [4, с. 178], ‘красный коршун’ [4, с. 207]. Перевод ‘коршун’ встречается уже у бл. Иероним (IV в.): *milvus*. Саадия Гаон (X в.) сравнивал еврейское слово с арабским *ḥidāʔa* (вид коршуна).

В талмудической и средневековой литературе *dāʔā* часто встречается в сочетании с *šayyā*. В целом употребление *dāʔā* в этих корпусах его значения не проясняет.

Иосиф Шиинхак в своей книге «История земли» (1841) отождествляет *dāʔā*

с немецким *guuŕg*, однако в книге «История природы» (1867) Менделе Мойхер-Сфорим сопоставляет его по смыслу с латинскими *milvŕnŕ* [7]. Согласно словарю Э. Бен-Йехуды, значение в средневековой литературе – ‘красный коршун’ [9, Т. 2, с. 863]. В современном иврите, насколько можно судить по базам данных АЯИ, это слово не употребляется.

kōs

Упоминается в Библии среди нечистых птиц (Lv 11:17, Dt 14:15, Ps 102:7). Этот термин не имеет точного значения, традиционно понимается как вид совы: ‘домовый сыч, малая сова’ [4, с. 466; 3, с. 468], ‘разновидность совы’ [5, с. 229]. Эту традицию поддерживают, в частности, перевод Септуагинты и Таргум Онкелос.

Ж. Р. Драйвер в своей книге «Птицы в Ветхом Завете» определил слово как ‘неизвестная птица, которая живет в руинах’ [10, с. 14].

В раввинистической литературе слово реконструируется как *כרס* для обозначения ‘ночной птицы, совы’ [6, с. 623]. Однако в средневековой литературе, в частности в поэзии, оно употребляется без ясных указаний на значение. В соответствии с Э. Бен Йехуда это ‘название птицы, которая живет в руинах *Vogelart; cert. bird*’ [BYeh 5 2305]. В X в. Саадия Гаон отождествил *kōs* с арабским *albom* ‘сова’.

Отождествление с одним из видов совы характерно для авторов Нового Времени: Барух Линда, Иосиф Шинхак, М. Мохер-Сфорим. Э. Шошан фиксирует для него значение ‘сыч’ [8, т. 3, с. 1036], которое отражено и в позднейших лексикографических компендиумах: *Athene noctua* АЯИ).

nēš

Одно из названий хищных птиц, встречающееся в Библии в Lv 11:16, Dt 14:15, Jb 39:26. Точное значение не установлено, чаще всего отождествляется с ястребом или соколом [3, с. 665; 4, с. 714]. Согласно Э. Бен-Йехуде, в значении «сокол» слово нередко встречается в талмудической и средневековой литературе, в частности в поэзии, однако в Тосефте также обозначает ‘ястреб’ [6, с. 927].

В литературе Нового времени укоренилось понимание *nēš* как «ястреб»: Б. Линда в книге «Начало наук» (1788), И. Шинхак в «Истории Земли» (1841) и И. М. Сфорим в «Истории природы» (1867, = немецкому *šrŕgbŕg* ‘малый ястреб’). В словаре Эвен-Шошана *nēš* понимается как *Accipiter nisus* ‘малый ястреб’ или ‘ястреб-перепелятник’ [8, т. 4, с. 1707], такое же понимание закреплено в АЯИ (= английскому *hawk*).

nešer

Сравнительно часто встречающееся в Библии название крупной хищной птицы, традиционно понимаемое как «орел» или «гриф» [3, с. 676; 5, с. 345; 4, с. 731]. Данный термин хорошо засвидетельствован в раввинистической (Мишна, Талмуд, ранние мидраши) и средневековой литературе (см. словарь Э. Бен Йехуда 8 3840). В Талмуде слово употребляется в значении ‘орел’ [6, с. 942]. Вслед за многими библеистами, Эвен-Шошан делает выбор в пользу второго значения, отождествляя данное слово с *Gyps fulvus* ‘белоголовый сип’. Судя по данным АЯИ, в нормативном современном иврите *nešer* используется со значением «гриф», однако как отмечает Эвен-Шошан, в разговорном языке и в литературе отмечается также употребление в значении «орел» [8, Т. 4 с. 1739].

šozniyyā

Название хищной птицы, употребленное в Dt 14, Lv 11:13. Точное зоологическое отождествление в данном случае едва ли возможно, отсюда широкий спектр переводов в словарях: ‘орлан’, ‘скопа’, ‘черный гриф’, ‘бородач’ [4, с. 810], ‘скопа’, ‘хищная птица семейства ястребиных’ [5, с. 374]. В Таргум слово переводится как *šar* ‘наблюдатель’, это значение позволяет некоторым исследователям утверждать, что под этим обозначением подразумевается еврейское слово ‘орел-змеяд’, поскольку он часто сидит вес день на камне или дереве, наблюдая за змеями и ящерицами [11, с. 108].

В XI в. Авраам ибн Эзра выводил его из корня $\zeta z z$ ‘быть сильным’ и переводил арабским словом $\zeta u q \bar{a} b$ ‘орёл’: $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a} \text{ min } \zeta \bar{o} z \text{ wa-h}\bar{u} \text{ ha-nni}\bar{k}r \bar{a} t \zeta u \bar{k} \bar{a} b$ ‘ $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$ происходит от $\zeta \bar{o} z$ и это то, что называют $\zeta u \bar{k} \bar{a} b$ ’. В XIII в. Калонимос бен Гершон пишет: $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a} \text{ melek } h \bar{a} \text{-}\zeta \bar{o} r \bar{o} t \text{ had-d}\bar{o} r \bar{e} s \bar{i} m$ « $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$, царь хищных птиц». В XIV в. Менахем ибн Эзра возвращается к толкованию $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$ арабским словом $\zeta u q \bar{a} b$: $m \bar{e} \text{-} h \bar{a} \text{-}\zeta \bar{o} r \bar{o} t \text{ ?al-}\zeta u \bar{k} \bar{b} \bar{a} n \text{ } \zeta e \text{-} h \bar{i} \text{ } \zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$ «Есть среди птиц $a l \text{-}\zeta u \bar{k} \bar{b} \bar{a} n$, и это $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$ » (Цеда Ле-дэрэх 1:29).

Особняком стоит отождествление со страусом, предложенное в XVI в. Иосифом Каро: $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a} \text{ h}\bar{i} \text{ } \zeta a z z \bar{a} \text{ w}\bar{a} \text{-} h \bar{a} z \bar{a} k \bar{a} \text{ l i d r } \bar{o} s \text{ w}\bar{u} \text{-} \zeta \bar{e} m \bar{a} h \text{ } \text{?a b i } \zeta t r o \zeta \text{ w}\bar{a} \text{-} \text{?}\bar{o} k e l e t \text{ b a r z e l w}\bar{u} \text{-} z \bar{e} k \bar{o} k \bar{i} t \text{ w}\bar{a} \text{-} g a m \text{ n i } \bar{k} r \bar{a} \text{ l a-z z e } \zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$ ‘ $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$ сильная и топает мощно, ее имя – страус, она ест железо и стекло, и поэтому ее также называют $\zeta o z n i y \bar{u} \bar{a}$ ’ (История Исаака 85).

В XIX в. слово используется в зарождающейся естественнонаучной литературе на иврите (такие работы, как «История земли», «История природы»), где оно понимается как «гриф» (нем. Geier).

В соответствии со словарем Эвен-Шошана, в современном языке слово используется для обозначения грифа [8, т. 5, с. 1901]. В АЯИ принята конкретная зоологическая идентификация с *Aegyrius monachus* (черный гриф).

pārās

Библейский термин, упомянутый в Dt 14:12 и Lv 11:13 среди птиц, которых запрещено есть, по-разному понимался словарями: ‘бородач’ или ‘орлан’ [3, с. 828], ‘гриф’ или ‘хищная птица семейства ястребиных’ [5, с. 419]. А. Пармели утверждает, что еврейское слово $p \bar{a} r \bar{a} s$, применимо к бородачу [11, с. 107].

Рабби Маринус (990–1055) определил слово как «большая птица, которая называется на арабском $\zeta u q \bar{a} b$ «орел», однако многие ранние авторы, в том числе Давид Кимхи (1160–1235) считают, что имеется в виду гриф-бородач [7].

В средневековой литературе слово упоминается в контекстах, в которых точное значение трудно понять. Согласно Э. Бен-Йехуде, слово использовалось для обозначения одной из крупных хищных птиц семейства ястребиных [9, т. 10, с. 5202].

В современном языке, согласно Эвен-Шошану и АЯИ, слово обозначает грифа-бородача (*Gypaetus barbatus*).

rā?ā

Нарях $l e g o m e n o n$ в Deut 12:13. Согласно широко распространенному мнению, графическая ошибка вместо $\text{?}\bar{a} \text{?}$ (буквы реш и далет похожи). Он означает ‘коршун’ [BDB 178] или ‘красный коршун’ [4, с. 287].

В постбиблейской и средневековой литературе слово используется в сочетании с $\text{?a u u } \bar{a}$ и $\text{d a u u } \bar{a}$, по-видимому, как их синоним. Пассажи, где оно употребляется, его значения не проясняют.

Насколько можно судить по АЯИ, в современном иврите данное слово не употребляется.

rāḥām

Библейский термин, упомянутый в Lv 11:18 и Dt 14:17, обозначает грифа-стервятника [3, с. 934; 5, с. 477] и ‘скопа’ [10, с. 16]. Слово встречается также в Талмуде в трактате Хуллин 63 в книге «Перек Ширах» (600 г.), в поэзии, в караимской литературе.

В начале XIX в. в книге «Швиле олам» (1822) автор переводил его как $g u y \zeta a r$ ‘стервятник’: $h a \text{-} g \bar{a} h \bar{a} m \text{ (} g u y \zeta a r \text{) } \text{?}\bar{a} \zeta e r \text{ u } \text{?}\bar{a} h \bar{e} r \text{ } \text{?e t-h}\bar{a} \text{-}\text{?}\bar{a} r e \zeta \text{ m i-n n i p l a t k o l p e g e r}$ ‘стервятник, который чистит землю от трупной падали’ (Самсон Блох, «Пути мира», 1:76).

В словаре Э. Бен-Йехуды $g \bar{a} h \bar{a} m$ отождествляется как *neophron peronopterus* (стервятник). Эту идентификацию принимают Эвен-Шошан и АЯИ.

ḥayit

Принято считать, что данный библейский термин использовался в качестве общего обозначения для хищных птиц и не имел конкретной зоологической идентификации.

Этим объясняется, в частности, его широкое использование в Библии и отсутствие его в списке нечистых птиц, где фигурируют лишь частные виды [12, с. 286]. В собирательном значении термин употребляется в постбиблейской и средневековой литературе. Э. Бен-Йехуда переводит его немецким Raubvogel [9, т. 9, с. 4437].

Насколько можно судить по словарю Эвен-Шошана, в современном иврите слово изменило свое значение и стало обозначать орла (ESh 5 1907). Это значение кодифицировано АЯИ (eagle, aquila).

Голубиные

К семейству голубиные в Библии относятся три термина. Основной термин для голубя – *yōnā* [5, с. 200], его значение не изменилось вплоть до настоящего времени. То же справедливо для слова *tōr* ‘горлица’ [3, с. 1076; 4, с. 1710].

Слово *gōzāl* в Библии обычно употребляется по отношению к птенцу голубя [3, с. 158; 4, с. 182], однако в постбиблейской и средневековой литературе оно может применяться к детенышам других птиц, в том числе орлов [9, т. 2, с. 717]. Сходным образом обстоит дело в современном иврите, где *gōzāl* используется в общем значении ‘птенец’.

Другие виды птиц

ṣōrēb

Данный термин, обозначающий ворона, является одним из самых глубоко укорененных и стабильных семитских зоонимов. С древнейших времен и до сегодняшнего дня это слово используется в одном и том же значении. Это справедливо и для всех периодов истории еврейского языка. В соответствии с Пармеле *ṣōrēb*, включающим под именем всех семейств *corvids*, вороновые попадают в список нечистых птиц, потому что птицы данного семейства питаются падалью, рептилиями, рыбой, насекомыми, червями, практически всем живыми и мертвым [11, с. 110].

ḥāsīdā

Значение слова в библейской литературе с трудом поддается определению, однако традиционно принятое значение ‘цапля, аист’ [4, с. 337] находит подтверждение в его узусе в средневековой и современной литературе.

yanšūp

Упоминается в Lev 11:17 и Deut 14:16 среди нечистых птиц, запрещенных в пищу. Это библейское название, практически не поддается зоологической идентификации, о чём свидетельствует разброс значений в словарях от ‘ибиса’ [4, с. 417] до ‘филина’ [3, с. 676]. В комментарии Раши к Торе он предполагает, что речь идет об одном из видов совы. Саадия Гаон истолковал его через арабский перевод *ʔal-bāšīq* ‘вид ястреба’. Позднее это значение использовал р. Маринус [9, т. 4, с. 2067].

Судя по данным словаря Талмуда и Мидраши и MAGAARIM, данный термин отсутствует в раввинистической литературе (Талмуд, Мидраши), однако засвидетельствован в средневековой литературе (до начала XII в.), где значение слова не определено.

В современной литературе, согласно Эвен-Шошану, слово используется для обозначения совы. Предложенная им идентификация – *Asio otus* ‘ушастая сова’ [8, т. 3, с. 967].

ḵōrē(?)

Этот термин традиционно отождествляют с разновидностью куропатки [3, с. 896; 4, с. 1132]. Эта идентификация, насколько можно судить по словарю Эвен-Шошана и базе данных АЯИ, актуальна и для современного языка.

ṣālāw

Библейский термин *ṣālāw* надежно отождествляется с перепелом [3, с. 969; 4, с. 1331], что вытекает как из этимологических данных (арабское *salwā* с тем же значением), так и из контекста знаменитой истории о перепелах и «манне небесной». Значение термина в средневековой и современной литературе остается неизменным (Судя по

данным MAGAARIM, есть 225 вхождений слова в корпус текстов на иврите, из них 25 вхождений с орфографией *səlāw* вместо этимологического *šəlāw*).

ʔānārā

Библейский термин, упоминающийся в Lv 11:19 и Dt 14:8, не может быть с уверенностью отождествлен, отсюда большое разнообразие переводов в общепотребительных словарях ('цапля', 'баклан', 'ржанка'). В списке нечистых птиц у Драйвера слово переводится как *sormogant* 'баклан' [10, с. 17]. Саадия Гаон и р. Маринус отождествляют *ʔānārā* с попугаем (= арабское *babaġa*), что очевидно неверно, поскольку попугаи не водятся в Палестине.

В средневековых источниках *ʔānārā* отождествляется с французским *heron* 'цапля', однако известны также отождествления с сорокой *rice* и ибисом [9, т. 1, с. 322–323]. Судя по данным MAGAARIM, слово не встречается в постбиблейском языке. Есть 36 вхождений слова в корпус текстов Нового времени (XVIII–XIX вв.). В современном языке, согласно словарю Эвен-Шошана, слово используется для обозначения цапли *Ardeidae* [8, Т. 1, с. 123]. Такая же идентификация принята АЯИ.

dūkīpat

Согласно широкому консенсусу, этот библейский термин, упомянутый в Lev 11:16 и Deut 14:15, обозначает удода. Так, средневековые комментарии к Торе переводили *dūkīpat* французским *hurpe* и арабским *hudhud*. Забавная народная этимология этого термина содержится в Талмуде: *dūkīpat ze še-hōdō kə-pōt* 'этот *dūkīpat*, чье величие – как *vulva*'.

В средневековой литературе, согласно Э. Бен-Йехуде, это слово чаще всего употребляли для обозначения удода, хотя несколько писателей использовали его для тетерева («дикого петуха»). Например, в книге «Начала наук» автор говорит: *dūkīpat tarnəgōl ha-yuʔaʕar gādōl kə-yōnā wə-yōkēl ləhithabbē zman rab taḥat ha-ššeleg* «*dūkīpat* – это “лесной петух”, большой, как голубь. Он может долгое время прятаться под снегом» («Начало наук» 1:6).

В современном иврите, согласно Эвен-Шошану и АЯИ, *dūkīpat* всегда обозначает удода (*Urupa eops*).

dərōr

Библейский термин, упомянутый в Ps 84:4 и Prov 26:2, чаще всего понимался как 'ласточка' [4, с. 230]. Он не имеет четкого толкования в древних комментариях, в том числе арабских, где говорится, что это птица, которая умеет быстро бегать [9, с. 994]. В постбиблейской и средневековой литературе, по Э. Бен-Йехуде, слово употреблялось для обозначения ласточки.

В словаре Эвен-Шошана *dərōr* определяется как *passer* (воробей), это понимание кодифицировано и АЯИ. Нельзя не отметить в то же время, что еще в XIX в. это слово могло употребляться по отношению к ласточке. Здесь следует упомянуть книгу «История природы» (1861–1872) Менделе Мойхер-Сфорима, который говорит о том, что *dərōr ha-bbayit marʔēhū gēw ha-ddərōr ha-zzē šāḥōr təkēlet* 'Домашняя ласточка – вид ее такой: спина этой ласточки черная с голубишной' («История природы», 137).

zarzīr

Данный термин упомянут в Библии один раз в Prov 30:31, его значение довольно неясно. Согласно распространенной точке зрения, имеется в виду скворец [4, с. 281; 3, с. 267]. В постбиблейской литературе слово использовалось именно в этом значении [6, с. 413]. Это же справедливо для средневековой литературы (Э. Бен Йехуда 3 1400). В XIII–XVIII в., по данным MAGAARIM, слово не встречается. В современном иврите, согласно Э. Шошану, *zarzīr* обозначает скворца, такое же значение предлагает АЯИ.

В начале XIX в. некоторые авторы использовали словосочетание *zarzīr motnayim* по отношению к собаке: *ʔūlām bēnēhem hūyā keleb ʔēḥad zarzīr motnayim* 'Однако между ними была одна собака' (Л. О. Гордон, При. 3:14).

ṣāgūr

Библейский термин, упомянутый в Is 38:14 и Je 8:7, не имеет точного значения, в словарях встречается перевод ‘журавль’ [3, с. 723], но также ‘дрозд’, ‘черный стриж’, ‘вертишейка’ [4, с. 784; 5, с. 366].

В X в. Дунаш бен Лабрат использовал это слово для обозначения стрижа: *ṣahal lə-sūsīm wə-ṣipšūr lə-sīsīm wə-gam min ha-ṭṭāsīm kəmə kēn la-ṣāgōrīm* ‘Ржание у лошадей и щебетание у стрижей, а также у других пернатых, например, у журавлей’. В то же время Ицхак Бен-Йехуда в XV в. считал, что речь идет о журавле: *məṣal hā-ṣāgūr še-nāṭal ṣešem mi-ggərōn ha-zzəʔēb* ‘Как журавль, который вытащил кость из горла волка’.

Судя по словарю Эвен-Шошана, в современном иврите слово используется для обозначения журавля, *Gruidae* [8, т. 5, с. 1869]. Это значение кодифицировано АЯИ.

sūs

Библейский термин, упомянутый в Is 38:14 и Je 8:7, традиционно понимается как ‘ласточка, стриж’ [3, с. 693], ‘стриж’ [4, с. 752], ср. *pullus hirundinis* и *hirundo* у Иеронима [12, с. 290]. Он упоминается в Талмуде как *sīs*. В то же время существовала традиция, в рамках которой это слово понималось как ‘журавль’ (например, Раши) (Э. Бен Йехуда 8 3988).

Судя по данным *MAGAARIM*, есть 10 вхождений слова *sūs* в корпус текстов на постбиблейском иврите, из них 8 относятся к средневековой литературе (Талмуд и Мидраш, пиют, поэзия Испании). С семантической точки зрения эти вхождения в основном не информативны.

В книге «Начала наук» (1788) автор, следуя Раши, определил *sūs* немецким словом *Kranich* ‘журавль’: *ha-ssūs (krʔnyk) dōmā lā-hāsīdā ʔak hū kəṣāt kātān mimmennū* ‘הסוס (нем. *Kranich*) похож на аиста, однако он немного меньше его’.

Насколько можно судить по АЯИ, слово *sūs* не существует в современном иврите.

kāʔāt

Библейский орнитологический термин, точное значение которого неизвестно. Предполагают, что это ‘вид совы’, ‘галка’ [4, с. 1059] или ‘пеликан’ [3, с. 866]. Драйвер принимал решение, что это именно ‘совки’ [10, с. 16].

В постбиблейской и средневековой литературе, согласно Э. Бен-Йехуде, это слово употребляли для обозначения *Athene noctua Lilith* (ночной совы) [9, 11, с. 5666], однако многие примеры трудно признать диагностическими (*yitʔawwē ʔenōš mēbīn šōkēn midbār kəmə kāʔāt* ‘Возжелает ли разумный человек, чтобы жить жить в пустыне как *kāʔāt*’ (Моше Ибн-Эзра, Докэс 103). Этот пассаж, очевидно, исключает перевод «пеликан», но допускает много других толкований).

В литературе XVIII в. писатели толковали этот термин как ‘пеликан’. В современном иврите этот термин, как кажется, не употребляется (отсутствует в базе АЯИ).

šālāk

Данный библейский термин, упомянутый в Lev 11:17 и Deut 14:17, традиционно понимается как вид птицы, связанной с водой: ‘баклан’ (BDB 1020), ‘цапля, пеликан, рыбный филин’ (HALOT 1530). Так, в таргумах Онкелос и Ионатан это слово интерпретируется как пеликан (BYeh 14 7171). Слово упоминается в Талмуде (Хуллин 63), где оно объясняется следующим образом: «птица, которая вытаскивает рыбу из воды».

В средневековой литературе слово употребляется в сложных текстах, которые не позволяют определить с точностью его значение (Э. Бен-Йехуда предполагает значение «пеликан»).

В литературе Нового Времени значение слова не было стабильным. Так, некоторые писатели употребляли его в значении «попугай»: *ha-ššālāk hū prʔgʔy ba-llaʕaz* («Трактат о животных», 1874). Однако в книге «Пути мира» (1892) мы встречаемся с уже

знакомым нам значением «пеликан»: *Ṣōrōt ha-mmayim wə-hā-ʔāgammīm lā-rōb kəmə ha-ššālāk* ‘птицы вод и озер во множестве своем, такие как пеликан’.

Эвен-Шошан предлагает для современного иврита значение *Ketupa ceylonensis* (рыбный филин), однако АЯИ фиксирует значение ‘скопа’.

šāḥap

Этот библейский термин, упомянутый в Dt 14:15 и Lv 11:16, обозначает вид нечистых птиц, запрещенных в пищу. В традиции закрепилось понимание этого слова как птицы, имеющей отношение к воде – чаще всего, чайки [9, с. 1006; 10, с. 517]. Насколько можно судить по данным словаря Таргуми, Талмуд и Мидраши, слово не употребляется ни в Талмуде, ни в других произведениях раввинистической литературы.

В средневековой литературе, согласно Э. Бен-Йехуде, слово продолжало использоваться для обозначения чайки, однако в конце XVIII в., в книге «Начало наук» (1788) автор использует его в значении «кукушка»: *ha-ššāḥap (dʕr kuḳu) niḳrā ʕal-šēm qōlō qōgē tāmīd bə-rāšē he-hāgīm kuḳu kuḳu* ‘*ha-ššāḥap (der Kuckuck)* назван по звуку своего голоса, поскольку всегда кричит на вершинах гор кукук, кукук’.

В современном иврите, согласно Эвен-Шошану, слово обозначает чайку; то же значение фиксирует АЯИ, которая описывает научные обозначения видов этой птицы, используя лат. *lagus* (чайка).

tūkī

Этот термин упоминается в Библии среди животных, которых царь Соломон импортировал в качестве своеобразных «предметов роскоши» (1R 10:22, 2Chr 9:21). Нет этимологии у данного термина, считается, что он имеет индейское происхождение [7, с. 291]. Наиболее традиционное отождествление – «павлин» [9, с. 1067; 3, с. 1731], хотя встречается точка зрения, согласно которой речь идет о млекопитающем ‘бабуине’ [10, с. 553].

Перевод «павлин» встречается в таргуме Йонатана и в некоторых традиционных еврейских комментариях. Понимание этого слова как термина для обезьяны по-видимому согласуется с интерпретацией р. Хадиси, который считает, что речь идет о «животном, которое ходит на четырех ногах, но сидит как человек». Судя по данным словаря Таргуми, Талмуда, Мидраши и по данным МААГАРИМ, слово не упоминается в раввинистической литературе.

В средневековой литературе, согласно Э. Бен-Йехуде, слово использовалось для обозначения павлина, однако в литературе XVIII в. писатели новой литературы на иврите интерпретируют его как «попугай»: *ha-ttūkīm (ppwgyʕn) hū ha-yūāre bə-nōšōtāw mi-kkol hā-Ṣōrōt* ‘*ha-ttūkīm (попугай)* – самая красивая из всех птиц по своему оперению’ (Барух Линда, «Начала наук» 16, 18).

В современном иврите, согласно словарю Эвен-Шошана и АЯИ, слово обозначает попугая.

tinšāmāt

Библейский термин, упоминающийся в Lv 11:18 и Dt 14:16, обозначает неустановленный вид птицы: ‘ибис; пастушок’ [9, с. 675], ‘разновидность совы’ [3, с. 1765]. Слово упоминается в Талмуде и в средневековой литературе, однако контекстов, которые проясняли бы его значение, мы не находим.

В XIX в. в книге «Пути мира» (1822 г.) автор истолковал *tinšāmāt* как «фламинго»: *ha-tinšāmāt gədolā meʔōd meḳašā rōš kanap ʔēḥad ʕod qṣt rōš ha-ššāny mārḥaḳ bin regel* «*tinšāmāt* – очень большая птица, которая имеет расстояние между ногами и от конца одного крыла к другому».

В современном иврите, согласно Эвен-Шошану, слово обозначает сову-сипуху. Такое же значение предлагает АЯИ.

taḥmās

Данный библейский термин упоминается в Lev 11:16 и Deut 14:18, точное значение не установлено: страус [9, с. 329], вид совы [10, с. 551].

Судя по данным MAGAARIM, слово не упоминается в раввинистической литературе. В средневековой литературе есть несколько вхождений, которые не являются диагностическими с точки зрения установления его смысла.

В конце XVIII в. Барух Линда истолковал данное слово как *der Falke* (сокол): *ha-ttaḥmās (dʁr pʔlqʁ) gādōl kə-ʔauyā* ‘(Этот) сокол – большой, как осоед’ (Барух Линда, «Начало наук»). В другом месте своей книги этот же автор утверждает, однако, что данная птица могла подражать человеческому голосу, что явно несовместимо с переводом «сокол»: *taḥmās dōme lā-ʕōrōt ha-nnizkāgīm wə-gam hū yōkēl lilmōd libṭō ʔēzē mibṭē bə-lāšōn ʔādām* ‘тахмас похож на упомянутых птиц, а также он может учиться произносить любое произношение человеческого языка’.

В современном языке, согласно АЯИ, слово используется для обозначения козодоя, однако Эвен-Шошан отмечает, что некоторые авторы употребляют его в смысле «сокол» [4, т. 7, с. 2845].

Страусы

Традиционно считается, что в Ветхом Завете представлено два термина, обозначающих страуса: *yāʕēn* (и связанные с ним) и *rəpānīm*.

Термин *yāʕēn* встречается один раз в Lam 4:3 во мн. ч. Судя по данным словаря Талмуда и Мидраш и данным MAGAARIM, в раввинистической литературе это слово не употреблялось, однако в средневековой литературе его использовали в значении «страус» [9, с. 2088].

В современном языке, согласно Эвен-Шошану, значение «страус» сохранилось, что отражено также в ресурсах Академии.

Второй библейский термин, *rəpānīm*, Нарак Legomenon в Job 39:13, традиционно понимается как ‘самка страуса’. В современном иврите от этого значения отказались, связав данное слово с глагольным корнем *rnp* ‘звенеть, быть звучным’ и понимая его как обозначение певчих птиц [4, т. 6, с. 2533]. Согласно АЯИ, слово употребляется как обозначение воробьиных.

Домашняя птица

Принято считать, что в Библии имеется только один термин для обозначения домашней птицы – *barbūr*. Данный термин является Нарак Legomenon (1R 5:3) и обозначает, предположительно, откормленную домашнюю птицу для стола царя Соломона [9, с. 141]. Разумеется, более точно установить значение этого термина в Библии невозможно [3, с. 154]. Гемара истолковала его как «петух», то же значение принимал Раши. Ицхак Абрабанель (1437–1508) толковал это слово как обозначение особого вида откормленных голубей (= испанскому *qʔrwnuʕ*) в то время, как средневековые арабоязычные комментарии часто предполагают, что речь идет о гусях (*ʔwz*) (Комментарии Э. Бен Йехуда 2 609).

В средневековой литературе слово встречается в контекстах, не являющихся диагностическими с точки зрения зоологической идентификации.

В XVIII в. Барух Линда в «Начале наук» использовал это слово в значении «петух», однако некоторые более поздние авторы видят в нем термин для индюка. Так, Менделе Мойхер-Сфорим (1836–1916) говорит: *məʕummān šel ʔōwāzīm ʔal-tamʕūtī gam barbūrīt ʔābūsā kḥī lkbōd uōm ʔōb* ‘Жирного гуся не жалея, и откормленной индейки для торжества праздника’.

Эвен-Шошан предлагает использовать это слово в современном языке в конкретном значении «лебедь» [4, т. 1, с. 272]. Такая же рекомендация содержится в материалах АЯИ.

Заключение

В данной статье мы пришли к выводу, что для многих – если не для большинства – орнитологических терминов Библии имеющиеся контексты не позволяют установить значение с более или менее высокой степенью точности. В частности, это касается многочисленных названий хищных птиц, запрещенных в пищу, таких как *dāʾā*, *ʕozniyyā*, *pāgās*, *yaṣṣūr*. Положение осложняется тем, что целый ряд библейских названий птиц встречается в корпусе лишь один раз (Нарах Legomena): *gāʾā*, *zarzūr*, *gəpānīm*, *barbūr*.

Названия птиц встречаются в постбиблейской литературе, хотя некоторые термины (например, *yaṣṣūr*) отсутствуют в корпусах этого периода. Значения орнитологических терминов в постбиблейской литературе чаще всего остаются неопределенными. То же справедливо для средневековой литературы (в частности, поэзии).

Анализ показывает, что многие конкретные дефиниции названий птиц впервые были даны в конце XVIII в. в книге «Начала наук» (1788), где автор использует для перевода еврейских слов точные латинские термины. Эта традиция была продолжена в зарождающейся ивритской литературе XIX в. в таких произведениях, как «История земли» (1841) и «История природы» (1822).

В современном иврите многие библейские названия птиц очевидно изменили свое значение: *dəgōr* ‘ласточка’ > ‘воробей’; *šālāk* ‘баклан’ > ‘скопа’; *tūkī* ‘павлин’ > ‘попугай’.

Академия языка уточнила значения некоторых названий птиц и дала им конкретные научные термины, такие как: *peres* ‘бородач’, *ʔāpārā* ‘цапля’, *zarzūr* ‘скворец’. Наконец, некоторые слова не используются в современном иврите: *sūs* ‘стриж, ласточка’, *gāʾā* ‘коршун’.

Литература

1. Белов, А. Г. Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / РАН. Институт языкознания. Редколегия : А. Г. Белов [и др.]. – Москва : Academia, 2009. – С. 296–413. – Текст : непосредственный.
2. Yehudah, L. Werner. A rational system of vernacular animal names, as exemplified by Hebrew amphibian and reptile names / L. Yehudah // Department of Evolution, Systematics and Ecology, The Hebrew University of Jerusalem. – Jerusalem, 2005. – p. 187–199. – Текст : непосредственный.
3. Brown, F. The Hebrew and English Lexicon of the Old Testament / F. Brown, S. R. Driver, A. Briggs. – USA : Hendrickson, 2012. – 1201 p. – Текст : непосредственный.
4. Koenler L., Baumgartner W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament / L. Koenler, W. Baumgartner. – New York : Brill Academic Publishers, 1994. – 1803 p. – Текст : непосредственный.
5. Графов, А. Э. Словарь библейского иврита / А. Э. Графов. – Москва : Текст, 2019. – 702 с. – Текст : непосредственный.
6. Marcus, Jastrow. A dictionary of the Targumim, The Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature / Jastrow Marcus. – New York : G. P. Putnam’s sons, 1903. – 1736 p. – Текст : непосредственный.
7. The Historical Dictionary project. URL : <https://maagarim.hebrew-academy.org/il/> – Текст : электронный.
8. Even-Shoshan, A. A. New Dictionary / A. A. Even-Shoshan. – Jerusalem : “Kiryath Sepher”, 1979. – 3110 p. – Текст : непосредственный.
9. Ben-Yehuda, E. A. Complete Dictionary of Ancient and Modern Hebrew- Jerusalem : “Leam”, 1928. – 7945 p. – Текст : непосредственный.
10. Driver, G. R. Birds in the Old Testament. I. Birds in Law / G. R. Driver. – PEQ 87: 5–20. – Текст : непосредственный.
11. Parmelee, Alice. All the birds of the Bible : their stories, identification and meaning / Alice Parmelee. – USA, 1959. – 103–114 p. – Текст : непосредственный.

12. Kogan, L. Animal Names in Biblical Hebrew: An Etymological Overview / L. Kogan // Papers of the Institute Oriental and Classical Studies. – Vol. XIV. – Russian State University for the Humanities, 2006 – p. 257–320. – Текст : непосредственный.

13. The Academy of the Hebrew Language. URL : <https://en.hebrew-academy.org.il/> . – Текст : электронный.

References

1. Belov, A. G. Yazyki mira. Semitskie yazyki. Akkadskij yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki / RAN. Institut yazykoznanija. Redkolegiya : A. G. Belov [i dr.]. – Moskva : Academia, 2009. – S. 296–413. – Текст : непосредственный.

2. Yehudah, L. Werner. A rational system of vernacular animal names, as exemplified by Hebrew amphibian and reptile names / L. Yehudah // Department of Evolution, Systematics and Ecology, The Hebrew University of Jerusalem. – Jerusalem, 2005. – p. 187–199. – Текст : непосредственный.

3. Brown, F. The Hebrew and English Lexicon of the Old Testament / F. Brown, S. R. Driver, A. Briggs. – USA : Hendrickson, 2012. – 1201 p. – Текст : непосредственный.

4. Koenler L., Baumgartner W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament / L. Koenler, W. Baumgartner. – New York : Brill Academic Publishers, 1994. – 1803 p. – Текст : непосредственный.

5. Grafov, A. E. Slovar' biblejskogo ivrita / A. E. Grafov. – Moskva : Tekst, 2019. – 702 c. – Текст : непосредственный.

6. Marcus, Jastrow. A dictionary of the Targumim, The Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature / Jastrow Marcus. – New York : G. P. Putnam's sons, 1903. – 1736 p. – Текст : непосредственный.

7. The Historical Dictionary project. URL : <https://maagarim.hebrew-academy.org.il/> – Текст : электронный.

8. Even-Shoshan, A. A. New Dictionary / A. A. Even-Shoshan. – Jerusalem : “Kiryath Sepher”, 1979. – 3110 p. – Текст : непосредственный.

9. Ben-Yehuda, E. A. Complete Dictionary of Ancient and Modern Hebrew- Jerusalem : “Leam”, 1928. – 7945 p. – Текст : непосредственный.

10. Driver, G. R. Birds in the Old Testament. I. Birds in Law / G. R. Driver. – PEQ 87: 5–20. – Текст : непосредственный.

11. Parmelee, Alice. All the birds of the Bible : their stories, identification and meaning / Alice Parmelee. – USA, 1959. – 103–114 p. – Текст : непосредственный.

12. Kogan, L. Animal Names in Biblical Hebrew: An Etymological Overview / L. Kogan // Papers of the Institute Oriental and Classical Studies. – Vol. XIV. – Russian State University for the Humanities, 2006 – p. 257–320. – Текст : непосредственный.

13. The Academy of the Hebrew Language. URL : <https://en.hebrew-academy.org.il/> . – Текст : электронный.

А. А. Бурцев, М. А. Бурцева

Мастерство В. Гольдерова-новеллиста

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Творческое наследие поэта и прозаика В. Гольдерова остается еще не оцененным по достоинству. В работах по поэзии лестной оценки удостоивается стихотворение «Незабываемый десятый класс», ставшее популярной песней. Исследователи прозы ограничиваются замечанием о лирическом характере его рассказов. Поэтому целью данной статьи, построенной на материале малой прозы писателя, является раскрытие его мастерства как художника слова. Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть роль традиции и определить новаторство художественного мира В. Гольдерова, в частности проанализировать жанровую систему, сюжетно-композиционную структуру, принципы повествования, приемы психологизма его рассказов. В их проблематике при всей замкнутости на феномене человека нашли отражение события и противоречия эпохи. Так, в ряде рассказов ощущаются отзвуки Великой Отечественной войны, при этом тема войны из конкретно-исторической трансформировалась в историко-нравственную, служащую одновременно источником национального опыта и памяти, а также мерилom общественных и человеческих ценностей. Автор также не мог не коснуться темы политических репрессий и рецидивов командно-административного стиля руководства. Что касается характерологии В. Гольдерова, то основным принципом изображения человека является не социальная, а личностная типизация. То есть его герои не укладываются в определенный социальный «футляр» и снабжаются сугубо человеческой характеристикой. При этом отчетливо проступают две тенденции: с одной стороны, поляризация, с другой стороны, индивидуализация героев. В результате проведенного исследования установлено, что наряду с влиянием якутских писателей, в первую очередь А. Федорова, в малой прозе В. Гольдерова ощущается традиция русской классической литературы, в частности рассказов А. Чехова. Свидетельством этого служит использование таких приемов, как «открытый финал», фигура умолчания и подтекст. В поэтический арсенал писателя входит целая система приемов психологизма, начиная с портретистики, художественной детали, аккомпанирующего пейзажа, фитообразов и кончая поэтикой сновидения и интертекстом. Кроме того, новым представляется внутрижанровая градация малой прозы по сюжетно-композиционной структуре, выделение таких ее разновидностей, как рассказ-воспоминание, рассказ-прозрение, рассказ-открытие, рассказ-озарение, рассказ-ожидание. В статье использованы принципы сравнительно-исторического и типологического методов анализа литературного материала.

Ключевые слова: традиция и новаторство, жанровая система, рассказ, новелла, поэтика заглавия, композиция, творческий метод, психологизм, рефлексия, интертекст.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.002

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, M.K.Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения, СВФУ им.М.К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, M.K.Ammosov North-Eastern Federal University.

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

Vasily Golderov as a skillful novelist

M.K.Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The creative legacy of the poet and prose writer Vasily Golderov still remains unappreciated. Among his poetic works, the most recognized one is “The Unforgettable Tenth Grade” poem only, which has become a popular song; researchers of his prose limit themselves to remarks on the lyrical nature of his stories. Therefore, basing on the material of the writer's short prose, the purpose of this article, is to reveal his mastery as an artist of the word. To achieve the goal, we set the following tasks: to consider the role of the tradition and to define the innovation in the Vasily Golderov's artistic world, in particular, to analyze the genre system, plot-compositional structure, principles of narration, and the methods of psychologism in his stories. However focused on the phenomenon of man, they also reflect the events and contradictions of the era. Thus, in a number of stories, the echoes of the Great Patriotic War are present, though the war theme is transformed; rather than being concrete historical, it becomes a historical-moral one, also serving as a source of national history and memory, as well as a measure of social and human values. The author also could not but reflect on the topic of political repressions and the relapse of the command-administrative style of leadership. As for the Vasily Golderov's character system, his principle of creating the image of a person is based not on social, but rather personal typification. That means that his characters do not fit into a certain social “case” and are drawn as humans. At the same time, two trends clearly show through: on the one hand, the polarization, and on the other, individualization of characters. As a result of the study, it was established that the Vasily Golderov's small prose, along with the influence of Yakut writers, primarily A. Fedorov's, was also shaped by the Russian classical literature, in particular Anton Chekhov's stories. It is seen in the use of such techniques as “open finals”, omission and subtext. The writer's poetic arsenal has a whole system of psychologism techniques, from the portraiture, artistic detail, accompanying landscape, and phytoimages to the dream poetics and intertext. In addition, there is introduced the new intragenre gradation of small prose by the plot-composition structure, identifying such varieties as the story-remembrance, story-revelation, story-discovery, story-insight, and the story-anticipation. The study uses the principles of the comparative historical and typological methods of analyzing literary material.

Keywords: tradition and innovation, genre system, short story, novella, poetics of the title, composition, creative method, psychologism, reflection, intertext.

Введение

Василий Федотович Гольдеров (1932–2014) имел репутацию очень своеобразного художника слова с оригинальным творческим методом, в котором отчетливо проступало лирико-романтическое начало.

Человек необычайно скромный, с тонким юмором, привыкший в соответствии с менталитетом саха не афишировать себя, он тем не менее ставил себе в заслугу то, что «не участвовал ни в каких группировках, никого не предавал и всегда хотел жить по совести»: «Кими даҕаны, хаһан даҕаны дьонугар-сэргэтигэр, норуотугар, тус бэйэбэр даҕаны, үтүнү-өнөнү онорбутун эргитэ санаан, ханнык да бөлөхтөһүү диэки буолбакка, кими да “таннарбакка” үйэлээх-сааспар өйүм-сүрэҕим эрэ тугу этэринэн табыллан сырыттарбын!» [1, с. 227].

Примечательное суждение о В. Гольдерове высказал С. Руфов в предисловии к его книге «Вы не исчезли из моего ума и сердца» («Өйтөн-сүрэхтэн сүппэтэх эбиккит», 2012):

«С давних пор поэты, включая самого Пушкина, лишь в пожилом возрасте переключались на прозу. Оригинальность Василия Федотовича состоит в том, что он начал с прозы и лишь потом стал поэтом. И это не случайно, так как его рассказы носили лирический характер...» [1, с. 5].

Все, кто писал о новеллистике В. Гольдерова, солидарны с такой точкой зрения. С. Тарасов, в частности, очень сожалел, что автор «Благодатного дождя» и «Озерка» не развил свой лирический талант [2]. П. Аввакумов отмечал, что в его рассказах «отчетливо проступало поэтическое начало» и они отличались «романтическим пафосом» [3, с. 149].

Роль традиции в рассказах В. Гольдерова

Своим духовным наставником В. Гольдеров считал Афанасия Игнатьевича Федорова. В статье, посвященной его памяти, он писал, что «как только появлялись рассказы Афанасия Федорова, я читал их запоем», «вдохновившись его рассказами, я сам стал пробовать перо», «хотя и тогда были известные писатели, почему-то именно Афанасий Федоров пробудил во мне творческое начало»: «Афанасий Федоров кэпсээннэрэ бэчээтэннэр эрэ, сыттыгым анныгар укта сытан утаппытты аабарым... Афанасий Федоров кэпсээннэриттэн ухуктан аны бэйэм айарга холонон көрөр буоллум. Оччотообуга да улахан суруйааччылар бааллара эрээри, тобо эрэ миигин айар үлэбэ ухугуннарбыт, умсугуппут соботох Афанасий Федоров» [1, с. 228].

В другой статье В. Гольдеров тоже признавался, что его «стимулировал к творческой деятельности Афанасий Федоров... Большой талант, он был вынужден жить в эпоху идеологического диктата и поэтому писал только то, что можно было опубликовать» («Миигин айар үлэбэ ухугуннарбыт, абылаабыт – биир дойдулаабым Афанасий Федоров. Улуукан талаан хааччахтаны кэмигэр төрөөн, айбатабына ыалдьар тэнэ буолан, ол кэмнэ бэчээтэниэх эрэ курдук айымньылары суруйбута» [1, с. 271]. По его мнению, А. Федоров мог, подобно Ч. Айтматову, прославить якутскую литературу на весь мир, но ему суждено было недолго прожить в непростое время, когда «уши не слышали, глаза не видели, язык не поворачивался» («киһи кулгааба бүөлэнэр, хараба сабыллар, тыла-өһө тылбыллар кэмигэр бэрт кылгастык күлүм гынан ааһахтаабыта...») [1, с. 235].

По отношению к себе В. Гольдеров был весьма самокритичен. Так, в 1996 г. он писал: «Мин доборбунааһар Афанасий Федоровтааһар икки бүк аҕа буоллум. Ол эрээри 32 саастаах А. Федоров айбытын уон гыммыт биирин да курдугу суруйбатым» («Я стал старше в два раза своего друга Афанасия Федорова. Однако не создал даже одной десятой написанного 32-летним А.Федоровым») [1, с. 234]. Среди трех своих самых сокровенных желаний первым В. Гольдеров считал создание такого произведения, которое «никогда не померкло бы в сознании людей»:

Аатырбыт олонхобутугар ахтыллар
Аал Луук Мас лабаатыгар атылыы,
Хаһан да хагдарыйбат
Хайҕатар биир айымньыны айан баран,
Анараа дойдуга аттаннахха даҕаны
Алыс мунатыһа барыам суох этэ.

Со своей стороны А. Федоров давал советы В. Гольдерову, поощрял его стремление писать. В одном из его писем от 9 ноября 1956 г. читаем: «Дэлби суруй, элбэх кэпсээннэрдэ, күүстээх, сана кэпсээннэрдэ» («Постоянно пиши рассказы, новые сильные рассказы») [1, с. 232].

Другим своим учителем В. Гольдеров считал Семена Данилова, у которого он полтора года учился в пединституте и даже получил оценку «отлично» по якутской литературе. Ему он показал свои первые опыты в жанре рассказа. В письме от 11 октября 1956 г. Семен

Данилов одобрительно отозвался о рассказе «Никус» и посоветовал «найти собственную манеру» («көрдөө, бэйэбэр сөптөөх туспа манерата булун») [1, с. 214].

Становлению В. Гольдерова как писателя способствовал и Софрон Данилов. Он, в частности, редактировал его первую книгу «Благодатный дождь» («Илгэлээх ардах», 1959). Вторая книга «Озерко» («Көлүкэчээн, 1962) тоже попала в его руки. Когда автору стало известно замечание редактора о том, что «объем книги маловат», он быстро написал большой рассказ «Простите меня, подснежники» («Бырастыгы гынын, ньургуннар») и с присущим ему юмором добавил, что «без этого замечания он вряд ли написал бы этот рассказ» [1, с. 224]. По свидетельству М. Тимофеева, Софрон Данилов как-то произнес похвальное слово и в отношении единственного перевода В. Гольдерова на якутский язык – повести Ч. Айтматова «Верблюжий глаз» [1, с. 224].

Наряду с влиянием якутских писателей в малой прозе В. Гольдерова ощущается традиция русской классической литературы, в частности рассказов А. Чехова. Косвенным свидетельством особого отношения якутского писателя к А. Чехову служит его рассказ «Забота», в котором тоже присутствует явное автобиографическое начало. Во всяком случае сельский паренек Кеша, как в свое время и автор, из-за болезни оставивший учебу, без крыши над головой, мыкался в поисках работы. Он обратился к директору одного учреждения, который сначала встретил его по невзрачной «одежке», но, увидев забытый им томик Чехова, позвал обратно, подробно расспросил его о проблемах, даже приютил у себя и обещал устроить на работу. Оказалось, что с ним когда-то произошла такая же история, поэтому он проявил «заботу» о Кеше и проводил его по «уму». Получилось почти по Л. Блану, которому принадлежала фраза: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». В личной библиотеке директора почетное место занимало собрание сочинений А. Чехова.

Особенности проблематики и характерологии рассказов В. Гольдерова

И. Н. Сухих, исследователь творчества А. Чехова, считал, что писатель воссоздавал «прозаическое существование мира» [4, с. 179]. В. Гольдеров тоже не был оторван от реальной действительности, его лирическая проза вобрала в себя проблемы и противоречия эпохи. В художественном мире его рассказов при всей их замкнутости на феномене человека и его частной жизни нашли отражение события и «симптомы» времени. В частности, в ряде рассказов ощущаются отзвуки Великой Отечественной войны. Тема войны в его творчестве из конкретно-исторической трансформировалась в историко-нравственную, служащую одновременно источником национального опыта и памяти, а также мерилom общественных и человеческих ценностей. Старый Иван, подводя итоги жизни, вспоминает своих погибших на фронте сыновей («Вместо горсти земли»). Не вернулся с войны отец Өкүүчэ, и Никус с детства привык жалеть и опекать ее («Никус»). В рассказе «Голос сына» колхозники надеются, что Петр, выпускник Тимирязевской сельскохозяйственной академии, окажется достойным отца, бывшего председателя ревкома, прославленного снайпера, павшего смертью храбрых на фронте.

В рассказах В. Гольдерова не могла не отразиться тема политических репрессий в Якутии, тем более что его друг В. Федоров, будучи студентом Якутского пединститута, по ложному обвинению подвергся политическим преследованиям. Пожилой герой рассказа «Весна» Николай Васильевич вспоминает сложную атмосферу всеобщей подозрительности, слежки, недоверия «тех проклятых лет»: «Ол сахтарга киһи кырдьык да сэрэнэр, дыксинэр күннэрэ буолулаабыттара» [5, с. 64]. Когда был репрессирован как «враг народа» друг его молодости Ефим и подверглись гонениям лучшие представители национальной интеллигенции, которые сами боролись за новую власть, он окончательно запутался и не мог разобраться в событиях времени. Николай Васильевич предпочел тогда остаться в стороне от политической борьбы, сорок лет учил детей, но теперь не может отказаться от мысли, что упустил в жизни что-то важное и значительное.

Тем не менее он утешает себя тем, что «жил по совести, сеял доброе, вечное»: «Ол эрэри олоххо көнө суобаһынан сылдьан, үтүө санаалар сизмэлэрин ыспыт буоллахха, ол умнуллубат буолар эбит» [5, с. 64].

В ряде рассказов писателя, например в «Благодатном дожде», проступают рецидивы командно-административного стиля в руководстве сельским хозяйством, прямого вмешательства в производственные дела, разнарядки «сверху» посевов кукурузы без учета реальных условий, погони за выполнением плана ради рапорта начальству. Героиня рассказа агроном Тоня сомневается в целесообразности расширения посевных площадей под теплолюбивую кукурузу, которая никак не может по воле политиков стать «царицей якутских полей». По ее мнению, пока ученые не создадут новых сортов, подходящих для суровых местных условий, лучше заниматься возделыванием зерновых культур и шире использовать адаптивный потенциал картофеля: «Ученыйдар даҕаны үксэ кукуруза суолтатын туһунан дарбыллар. Арай Саха сиригэр бурдук курдук аһын кутар саҥа көрүнгүн айаллара буоллар... Хортуоппуй курдук киһиэхэ, сүөһүгэ туһалаах үүнээйини өссө дэлэтиэххэ баар» («Ученые больше шумят о значимости кукурузы. Создали бы новый сорт, быстро созревающий в условиях Якутии, как пшеница... Лучше расширять посевы такого полезного для человека и домашнего скота растения, как картофель») [5, с. 27].

В характерологии В. Гольдерова основным принципом изображения человека является не социальная, а личностная типизация. Иными словами, его герои не укладываются в определенный социальный «футляр», хотя чаще всего писатель указывает их профессию, а снабжаются сугубо человеческой характеристикой. При этом отчетливо проступают две тенденции: с одной стороны, поляризация, с другой, – индивидуализация героев. В том же рассказе «Вместо горсти земли» Ивану, честно прожившему свою жизнь, противопоставлен его сосед с «говорящим» прозвищем Сойуо Тумус, которого народ презирал за его лицемерие, лень и хитрость. В рассказе «Благодатный дождь» молодой журналист Гаврил оказывается перед сложным выбором, ему нравятся две девушки: «не знающая жизни», неискушенная городская барышня Дуня («олохтон тэйиччи турар кыыс») и «близко стоящая к людям» сельский агроном («Тоня курдук дьонно-сэргэҕэ чугас буолуохха») [5, с. 38]. О жизненных планах двух молодых учительниц, приехавших по распределению в якутское село, говорится в рассказе «Письмо». Одна из них не скрывает, что надеялась легко обзавестись в Якутии мехами и драгоценностями, но, когда увидела, что это не так просто, пришла к выводу, что «ее место не здесь». Вторая не боится трудностей, начала учить якутский язык и даже собирается пригласить приехать своего друга.

Что касается индивидуализации персонажей, то В. Гольдеров использует прежде всего такое традиционное средство, как портретистика. В рассказе «Летняя ночь» обращает на себя внимание портрет старого колхозника Василия. Его почтенный возраст выдавали «поседевшие волосы», «многочисленные морщины на лице»: «Көстөр да сэбэрэтэ: эдэр эрдэҕинээҕи көмөр хара баттаҕа кырыктыһан, сирэйин тириитигэр ситэн аабыллыбат баһаам мырчыстаҕаһа кырдыҕас киһи дьүһүнүн толору ойуулуур». В то же время его «острый, пронизывающий взгляд», «широкие плечи», «развитые мышцы рук» свидетельствовали о том, что это был «крепкий старик»: «Ол да буоллар, харахтарын уота сүр сытыыкан, санна кэтирэн, түөһүн, илиитин былчыннара күүрэн-эриллэн, тэтиэнэх киһи киэбэ-киэлитэ баар диэтэҕин» [5, с. 43–44]. Такой же функциональный характер носит портрет принципиального ветеринара, критически настроенного против «голового администрирования» в рассказе «Благодатный дождь». Во всем его облике: «покатом лбе», «бледноватых щеках», «узких глазах», «остром подбородке» – ощущалась «насмешка»: «... ньылаҕар сүүһүгэр, кубархай иэдэһигэр, тириини быспыт курдук, кыараҕас хараҕар, кырыылаах сэгийэтигэр хайдах эрэ күлүү-элэк онгостор курдук көстүү баар» [5, с. 25].

Индивидуализация героев осуществляется посредством поэтики имен и прозвищ. Так, определенную характерологическую функцию выполняет «роковое» имя учительницы Клеопатры, которая от скуки временно приблизила к себе местного парня Нюргуна,

хотя не намерена в дальнейшем связать с ним свою судьбу («Письмо»). Имя юной Сони Барахановой (от якут. «барахан» – модальное слово, выражающее любовь, ласку) имеет значение для подростка Капитона, который сначала неправильно написал его на конверте, но потом сумел исправить ошибку («Надо овладеть»). Прозвища бедного, робкого Бөх (от якут. «мусор») Алексея («До следующей весны»), запевалы осуохая, рубахи-парня Малаахай (от якут. «малай» – широколицый) Ивана («Никус»), мерзкого Сойуо Тумуса (от якут. «острый клюв») и разбитной вдовушки Элэс (от якут. «шустрый») Кэтириис («Вместо горсти земли») тоже несут дополнительную смысловую нагрузку.

Менее традиционным средством индивидуализации героев в рассказах В. Гольдерова является выделение черт национального характера. Так, присущую представителям народа саха застенчивость, скрытность в проявлении чувств демонстрируют Никус и Өкүүчэ («Никус»), Гриша и Уля («В пути»), Федя и Лида («По пути домой»). Даже русская девушка Людмила не без влияния своей подруги Саргы весьма сдержанно признается в своих чувствах к Геннадию на якутском языке: «Мин эйигин таптыыбын» («Письмо»). Героиня рассказа «До следующей весны» Александра отказывается от крайностей, чрезмерных желаний, мимолетного увлечения и остается верной данному слову.

Поэтика заглавий и зачинов

Говоря о художественной специфике рассказов В. Гольдерова, необходимо прежде всего обратить внимание на их художественный первоэлемент – заглавия, которые представляют собой «манифестацию сущности» произведения (В. Тюпа). В целом они носят лаконичный характер и в этом отношении близки к традиции русской литературы, в частности А. Чехова. В то же время их можно разделить на два типа: нейтральные и символические. Нейтральными являются заглавия таких рассказов, как «Письмо» («Сурук»), «Никус» или «Костя», которые содержат указание на единичность объекта изображения (одно письмо, один человек). Но ряд заглавий, производящих впечатление нейтральных, например, «Забота» («Кыһамнь»), «Ревность» («Күнүү»), «Надежда» («Эрэл»), на деле отражает общечеловеческие проявления и тем самым носят обобщенный характер.

Символическими заглавиями снабжены такие рассказы, как «Благодатный дождь» («Илгэлээх ардах»), «Вместо горсти земли» («Ытыс буор оннугар»), «Простите меня, подснежники» («Бырастыы гынын, ньургуннар»). Они содержат не прямой, буквальный смысл, а более сложное надсюжетное содержание. В частности, рассказ «Благодатный дождь» имел автобиографическую основу. Сам писатель, как и его герой, молодой журналист Гаврил во время командировки в Амгинский улус познакомился с молодой девушкой-агрономом. Сначала он подумал, что она похожа на героиню одного его фельетона, «далекую от жизни, порхающую, как бабочка» девицу («олохтон ыраах, лыах курдук, тэлээрэ сылдыар») [5, с. 24]. Но постепенно его отношение к Тоне по мере знакомства с ней и ее хозяйством меняется («ккыс мөрсүөнэ Хабырыыс харабар арыллан, тупсан истэ»). В конце концов герой проникается к ней искренними чувствами, а что касается автора, то он вскоре женился на девушке-агрономе и даже переехал к ней в село Болугур Амгинского района.

Другой проблемой, представляющей интерес в плане изучения сюжетно-композиционной организации рассказов В. Гольдерова, является функция зачинов. Их тоже можно разделить на несколько типов. Это, в частности, зачины-сообщения, которые оповещают читателя о чем-либо, вводят его в курс дела. Такие зачины обычно открывают рассказы с отчетливо выраженной фабулой. Например, в рассказе «Надежда» выпускник педучилища Петр с грустью представляет себе, каким радостным и волнующим стал бы для него этот день (первого сентября), если не коварная болезнь, не позволившая ему в качестве учителя войти в первый раз в школьный класс. Но встреча с человеком,

который находился в гораздо более сложном положении – побывал в тюрьме, тоже болел туберкулезом, расстался с любимой девушкой, – но теперь твердо решил начать новую жизнь, помогла Петру внять его предостережению («... мин курдук санаарѳаабыта, өһөспүтэ эгин буолан олох долгунугар охсуллан, туора эһиллэн хаалаайаѳыт. Бүдүрүйэр түргэн, көнөр уустук эбит») [5, с. 113] и обрести надежду на осуществление мечты.

Рассказов с подобными зачинами у В. Гольдерова мало. Гораздо чаще встречаются зачины-размышления, как в рассказе «Летняя ночь», в котором герой, окончивший Московский мелиоративный институт, приехал в родную деревню и увидел обмелевшее озеро, в котором прежде водилась рыба, гнездились утки. От огорчения он даже не смог уснуть и во время ночной прогулки разговорился с местным аксакалом, давшим совет молодому специалисту попроситься в родной колхоз и начать работу по орошению Эбэ. Так два человека, старый и молодой, у которых сердце болело при виде засыхающего озера, нашли общий язык. Таким же типом зачина-размышления снабжены рассказы «До следующей весны», «Ревность», «Весна» («Саас»).

Еще один тип зачина-описания обнаруживается в рассказе «Вместо горсти земли», который открывается философской сентенцией: «Жизнь – сложная штука, ничего и никого «аршином общим не измерить» («Олох барахсан уустук, тугу даѳаны, кими даѳаны биир халыпка куппаккын...»). В зачинной части рассказа «Простите меня, подснежники» автор проводит «аналогию между изменчивой природой и характером человека»: «Айылѳа көстүүтэ арыт бэрт соһуччу кубулуйар... Киһи олоѳо, майгыта-сигилитэ онуоха ханан эмэ хабааннаах курдук...» [5, с. 113]. Рассказ «По пути домой» начинается с зарисовки летнего пейзажа, когда «июльское солнце то прячется за серыми облаками, то временами целиком появляется на небе...»: «От ыйынааѳы күн лоскуй борон былгыттарга саһан ыла-ыла, өтөр-өтөр бүүс-бүтүннүүтэ көстөн кэлэр...» [5, с. 91].

Сюжетно-композиционная структура

Рассказы В. Гольдерова относятся к разряду лирической прозы с такими ее признаками, как ослабленная сюжетность с незавершенностью действия, присутствием субъекта повествования, исповедальным началом, эмоциональной насыщенностью. Их специфической особенностью является бесфабульность, т. к. в основе сюжета лежат не поступки и действия героя, а его душевная история, внутренний поток идей и чувств. В связи с этим по сюжетно-композиционной структуре рассказы якутского писателя могут быть подвергнуты внутрижанровой градации и, в частности, выделены следующие модификации:

- рассказ-воспоминание («По дороге», «Весна», «Вместо горсти земли»);
- рассказ-прозрение («До следующей весны», «Озерко», «Друг детства»);
- рассказ-открытие («Благодатный дождь», «Ревность», «Надежда»);
- рассказ-ожидание («Голос сына», «Никус», «По пути домой»);
- рассказ-озарение («Летняя ночь», «Отцовская любовь», «Поверивший»).

Объединяющей чертой рассказов В. Гольдерова, связанной опять-таки с традицией А. Чехова, служит их «незавершенность» или так называемый «открытый финал». Рассказ «До следующей весны» построен на внутренних переживаниях героини: сначала Александра тоскует о своем уехавшем на заготовку леса женихе Павле, строит планы о будущей семейной жизни, потом в ее жизнь стремительно вторгается приехавший из города Роман, ставший первым парнем в деревне, в конце ее мысли снова возвращаются к Павлу. Но, судя по названию рассказа, следующей весной Роман снова приедет, и тогда история может повториться. Кстати, в рассказе присутствует реминисценция из А. Федорова: когда Роман возвращает Александре его книгу «Тракторная дорога» («Айан аартыга»), она спрашивает, понравился ли ему рассказ «Стремление», он отвечает, что ему понравился рассказ на сто двадцать четвертой странице. Это был «Долгожданный вечер», и туда Роман вложил любовную записку.

«Открытым финалом» заканчивается и рассказ «Озерко», который ассоциируется с рассказом А. Федорова «Из дневника». Больная Маайыс лечится в санатории, ее навещает Иосиф. Они встречаются на берегу небольшого озера, Маайыс напевает свою любимую песню на слова Кюннюка Урастырова, но не может допеть ее из-за слабых легких. Она мечтает вылечиться, уехать вместе с Иосифом в деревню и вязать снопы на поле, засеянном им. Но она боится, что он не любит, а только жалеет ее. Он же пытается убедить ее в искренности своих чувств.

В рассказе «Никус» герой охвачен нежными чувствами к Өкүүчэ-Акулине, с которой они вместе росли и теперь работают в одном колхозе. Ему не по душе, когда запевала осуохая тракторист Иван голосил на всю округу, превознося ее не только как передовую доярку, но и как красавицу, он даже хотел пригрозить ему: «Берегись, если снова будешь изощряться о ней!» («Аны Өкүүчэ туһунан үнкүүгэ ахтар буоллаххына – сэрэн!») [5, с. 46]. Ему хотелось сделать что-то особенное из-за какой-то невидимой силы, исходящей от «этой румянощечкой» Өкүүчэ. Никус не мог уснуть, долго бродил вокруг дома, даже хотел затянуть серенаду под ее окном. Наконец, от избытка чувств ринулся на поле и стал убирать урожай.

С феноменом «открытых финалов» связан излюбленный прием автора, а именно постановка риторических вопросов, создающих «подводное течение». Никус, проработавший всю ночь, под утро увидел, как на противоположный берег озера вышла девушка за водой и долго смотрела в его сторону. «Кажется, это Өкүүчэ. Почему она смотрит на меня?», – подумал он. Она тоже про себя подумала, «может, днем сплавать на лодке старого Тимофея на тот берег, захватив с собой прохладные сливки...», но тут же устыдилась своих мыслей. Рассказ завершается фигурой умолчания, создаваемой авторской репликой: «Никусу почему-то захотелось петь» («Ньукуус хайдах эрэ ыллыах санаата кэллэ») [5, с. 53].

В рассказе «До следующей весны» Роман тоже задается вопросом, почему Александра проявляет заботу о нем, когда он собирается на охоту. Она же недоумевает, почему ей хочется находиться рядом и разговаривать с ним. Гаврил, герой рассказа «Благодатный дождь», спрашивает себя, «может ли из кратковременного знакомства разгореться пламя любви»: «Биир испиискэ маһыттан оһох умайарыны, биир түгэннээҕи эдэр саас уоттаах иэйиититтэн таптал уота күүдэпчилэниэ дуо?» [5, с. 37].

Как бы то ни было, «открытые финалы» рассказов В. Гольдерова свидетельствуют не о завершении определенного этапа в жизни героев, а, напротив, о развитии отношений, сдвиге в их душевной жизни. Изображенные эпизоды не «вырезаны» из общего течения жизни, связи сохранены, создается впечатление, что поток бытия не имеет «конца», он бесконечен.

Принципы повествования

О лирическом начале в рассказах В. Гольдерова свидетельствует их исповедальный характер. Повествование в рассказе «По дороге» («Айан суолугар») начинается от третьего лица: автор представляет героя, старого колхозника Ивана Мастахова, который получил годовой доход и в добром расположении духа возвращался домой. Проезжая мимо полуразрушенной заимки бая Дьялларыса, он вспомнил, как в детстве вместе с матерью был у него в прислуга, как голодал и терпел унижение. Происходит переключение повествования от третьего лица к первому, и это позволяет глубже раскрыть внутреннее состояние героя-рассказчика.

Еще более сложной, восходящей к традиции А. Чехова, представляется структура повествования в рассказе «Вместо горсти земли». Сначала автор сообщает, что давно собиравшись рассказать эту историю, потом инициатива переходит к герою, старому Ивану, который всю жизнь проработал в колхозе коневодом. Он чувствует, что дни его сочтены, и просит свою дочь Анастасию приехать за ним в больницу. Иван совершает

последнюю поездку по родным местам на любимом коне Кустуке, а в его сознании «прокручивается» вся жизнь: он проезжает мимо лугов, где косил траву, полей, где убирал хлеб, мимо берегов родной Амги, с которой прощается навсегда: «Амма... Аммам, аны эйиэхэ хаһан да иккистээн эргилибэппин дии...» [5, с. 127]. Стоял июль, самый разгар лета, и Иван думает про себя: «Некоторые считают, что расставаться с жизнью предпочтительней тогда, когда природа сама отдыхает. По мне же лучше уходить в пору, когда она, как сейчас, в самом расцвете, чтобы в последний раз убедиться, как прекрасна жизнь» («Сорохтор айылҕа тонуй кэмигэр олобу кытта бырастыылаһар ордук дииллэрэ. Уйбаан санаатыгар, бүгүнгү курдук айылҕа торолуйан турдаҕына арахсыпыт астык: күн сирэ күндүтүн тиһэх төгүл көрө, умсугуйа, дуоһуйа сытан...») [5, с. 126]. Народный поэт Якутии Семен Данилов оставил в своем дневнике следующую запись от 3 октября 1972 г.: «Осень. Оглянулся и увидел: оказывается, у меня много стихов об осени. Видимо, ее я предпочитаю другим временам года... Я хотел бы умереть осенью. Хотел бы спокойно проститься с родной природой и лечь в землю, подобно медведю, тихо засыпающему в берлоге». В эпилоге повествование снова возвращается к автору, и он выражает сожаление, что не смог проводить Ивана в последний путь, но «вместо горсти земли» на его могилу посвятил памяти своего старого друга этот рассказ. Такой же принцип повествования, сочетающий голоса автора и героя, использован в рассказе «Простите меня, подснежники». Исповедальным началом отмечены и рассказы «Весна», «Поверивший» («Итэбэйбит»), «Если не согласится» («Ылымматаҕына»), в которых писатель обращается к повествованию от первого лица. Оригинальный способ повествования применен в рассказе «Отцовская любовь», представляющем собой онейрический текст. В нем происходит своего рода «кольцевое путешествие» автора в сновидение и финальное возвращение в «явь» (реальность).

Принципы психологизма

Частую чувства своих героев писатель передает через их внешние действия, проявления и жесты. В этом отношении В. Гольдеров снова отдает дань традиции А. Федорова, в рассказе которого «Новый дом» добродушным юмором окружен образ увальня Семена. Исчерпав немногий запас нежных слов, он от избытка чувств просит разрешения у любимой Маайыс поднять ее на руки. К такому же испытанному способу выражения чувства прибегает Гаврил в рассказе «Благодатный дождь»: «Хабырыыс, турбахтыгы түһэн баран, эмискэ Дуяны көтөбөн ылбыта...» [5, с. 23]. На руках носит свою возлюбленную Иосиф в рассказе «Озерко», а Афанасий, герой рассказа «Отцовская любовь», даже во сне, испытав безмерную радость, когда его жена Варвара сказала, что у них будет ребенок, первым делом поднимает ее на руки.

Раскрытию внутреннего состояния человека способствуют картины природы. Пейзаж у В. Гольдера выполняет различные функции. Например, в рассказе «До следующего лета» природа выступает как аккомпанирующая стихия: мучительные переживания Александры, ее нравственный выбор и решительное объяснение с Романом, – все это происходит на фоне весеннего ледохода на Амге, «в ее душе тоже происходит борьба, мысли, как эти льдины, сталкиваются друг с другом»: «Өлөксөөс кытылга киирэн, тааска олорор. Кини дууһата бу көмүөл мууһугар маарынныыр, санаалара, ити устар муустар курдук, бэйэ-бэйэлэрин хабырысаллар...» [5, с. 16]. В рассказе «Весна» лирический пейзаж гармонирует с состоянием героя: охваченный ностальгическими воспоминаниями Николай Васильевич бродит по родным местам, «любуется весенним пейзажем, наслаждается пением жаворонка и размышляет о том, почему с годами весенняя пора кажется все более прекрасной»: «Сааһырдах айы сааскы кэм кэрэтин соччонон мындырдык өйдүүртэн дуу, биитэр күн сырдыгыттан матар кэм-кэрдии чугаһаабытыттан дуу...» [5, с. 62]. Невольно вспоминаются слова японского писателя А. Рюноске, который перед тем, как покончить с собой, записал в своем дневнике: «Природа кажется такой прекрасной, потому что я смотрю на нее взглядом

умирающего». Напротив, в рассказе «Простите меня, подснежники» нелюбимый поступок героя служит контрастом по отношению к пробуждающейся весенней природе.

В поэтическом арсенале В. Гольдерова представлены фитообразы: юная Дуня напомнила Гаврилу «только что распутившийся цветок» («Хабырыыс хараҕар... сана тыллыбыт сибэккини санатта» [5, с. 22]; в глазах Никуса щеки Өкүүчэ окрашены в «земляничный» цвет («дьэдьэн имнээх») [5, с. 46]. В рассказе «Благодатный дождь» упоминаются саранки, которые посредством олицетворения уподобляются «стыдливой невестам» и как будто «прислушиваются» к разговору героев («Чөгөчөктөр, тииттэр күлүктэригэр үүммүт сардааналар, килбигийбит кийиит курдук, кытарымтаҕай сибэккилэрин хонкутан, Хабырыыстаах кэпсэтиилэрин иһиллээри иһийбиттэр») [5, с. 27–28]. В рассказе «Весна» Николай Васильевич вырывает на могиле своего репрессированного друга «прошлогоднюю засохшую полынь», напомнившую ему «лживые слова обвинения» («сымыйа буруйдааһын тыллара сытыган от буолан үүммүттэр диэх курдук»), и бережно пересаживает «едва распутившиеся подснежники», которые представились «проросшими из-под земли словами Ефима, зовущими к свободе, к свету» («сангарды тыллан эрэр ньургуһуннар быкпыттар: бу Дьэкиим эппит тыллара тыллан, көнүлгэ, сырдыкка талаһан эрэллэр диэх курдук...») [5, с. 65].

Наиболее наглядно эстетическая функция фитообразов проявилась в рассказе «Простите меня, подснежники», построенном на рефлексии Конона, тридцатилетнего женатого человека, увлеченного молодой Маней. Фоном, как и в рассказе «До следующей весны», служит ледоход на Амге, во время которого герой охотится на уток. В начале повествования он находится в радостном возбуждении от общения с весенней природой, от предвкушения встречи с прекрасной девушкой, которую без всяких задних мыслей пригласил встретить зорьку в скрадке. Автор подробно передал состояние своего героя, «очарованного красотой природы» и «охваченного нетерпеливым ожиданием» девушки («...бу тулалыыр сааскы айылҕа абылааһына кэрэ кыһы кэтэһиини кытта холбоһон Куонаан дууһатыгар күүстээх дыкти иэйиилэри оонньотор») [5, с. 115]. Он переполнен «светлыми, как это весеннее небо», «свежими, как эти подснежники», чувствами («Куонаан өйүн-сүрээбин сааскы халлаан курдук, сайаҕас, ити ньургуһуннар курдук чэбдик иэйиилэр угуттуулар...») [5, с. 116]. Неожиданно появившаяся Маня тоже обратила внимание на подснежники, стала любоваться и гладить их, она «хотела увидеть, как они просыпаются утром»: «Сарсыарда халлаан сырдыта бу сибэккилэр уһукталларын кэтээн көрүөм...» [5, с. 119]. Но эту идиллию разрушил сам Конон: когда через некоторое время уставшая за день Маня уснула в скрадке, он сначала стал любоваться спящей девушкой, потом неожиданно обнял ее за шею и прильнул к губам... Она открыла глаза, оттолкнула его, с возгласом «Негодяй!» выскочила наружу и убежала. Конона охватила сложная гамма чувств: «испуг, растерянность, разочарование, раскаяние» («куттаны, уолуйуу, кэлэни, кэмсини... барыта кинини түүрэ кууста, ытарчалы ытырда...») [5, с. 123]. Потом он осушил бутылку до дна и долго бесцельно бродил вокруг скрадка... Утром все вспомнил, его «светлые мысли и чувства куда-то улетучились» («бэҕэһэнни бары үтүө иэйиилэрэ... соҕотохто уостан хаалбыттар») [5, с. 123]. Конон увидел, что ночью он растоптал подснежники, которые показались ему подобно обиженной им Мане «юными прекрасными девушками» («холус, сидьин быһыыттан атаҕастаммыт Маанья курдук, кэрэ сырдык кыргыттары санаттахтара ити ньургуһуннар...») [5, с. 124].

Рассказ завершается очередным авторским риторическим вопросом: «Просил ли прощения этот человек, склонившийся над растоптанными им подснежниками, обещал ли он впредь осторожно ступать своими грязными ногами?» («Кэнэбэһин даҕаны кирээстээх атаһынан сэрэнэн хаамаҕым... Бырастыгыны, ньургуһуннар, – диэн ботугуруура буолуо дуо, ньургуһуннары имэрийэ, көннөрө сатыы олорор ити эр киһи?») [5, с. 124].

Вообще посредством художественной детали В. Гольдеров умел передавать сложные психологические процессы, как, например, в рассказе «Друг детства» упоминание о плитке чая («чиэппэр чэй») свидетельствует о переломе в сознании героя; или как две звезды, мерцающие в ночном небе, напомнили учительнице Людмиле глаза ее любимого, которому она писала письмо: «Арай күөхтүнү тон былтытар күлүктэринээҕи икки сулус сып-сытытык чыпчылыһаллар. Людмила Геннадий хараҕын саныы биэрдэ...» [5, с. 84]. Герой рассказа «По пути домой» студент Федя, который «видит прекрасное даже в засохшей шишке или в увядшем цветке», очарован «редкостной красотой вилюйских пейзажей», достойных, по его мнению, «кисти Левитана» («... биһиги Бүлүүбүт эриэккэс биэрэктэрдээх. Биһиэхэ Левитан курдук пейзажистар төрөөбүттэрэ буоллар...») [5, с. 91].

Судя по всему, сам писатель очень любил природу и, подобно Хемингуэю, питал пристрастие к охоте на уток, поэтому ему удалось нарисовать в рассказах «До следующей весны», «Простите меня, подснежники» красочные картины весеннего ледохода, создать детальное описание приготовлений к охоте, волнение, азарт охотника, ждущего пролета уток. Не случайно тема охоты широко представлена в его поэзии («Мин булчуппун», «Түүлбэр», «Тумат ааспат ахтылҕана» и другие стихотворения).

В поэтике В. Гольдерова находится место и для такого специфического средства, как интертекст. В его рассказах «До следующей весны», «Благодатный дождь» обнаруживаются реминисценции из произведений А. Федорова. В рассказе «Озерко» присутствует цитация из стихотворения К. Урастырова «Көлүкэчээн». Сложная, ассоциативная аллюзия использована в рассказе «Надо овладеть». Мальчик Капитон неправильно просклонял полное имя своей подруги Сони, но потом открыл роман И. Гончарова «Обрыв», увидел, что героиню звали Софья Беловодова, и исправил свою ошибку. Иногда функцию интертекста выполняли собственные произведения автора. Так, в рассказ «Письмо» были включены следующие строки автобиографического содержания:

Хотугу кыраайга барыахха,
Барыахха буурҕалаах олоххо, -
Хотойдор көтөллөр үрдүккэ,
Хорсуттар тийэллэр ыраахха!

Заключение

Таким образом, Василий Гольдеров зарекомендовал себя как незаурядный мастер слова с оригинальным творческим почерком. Его рассказы продемонстрировали большие возможности малого жанра в художественном исследовании человеческого характера. Воссозданные писателем события и переживания частной, индивидуальной жизни персонажей объективно выступали как проявления, «симптомы» общественного бытия. В этом заключалась специфика его творческого метода. В. Гольдеров внес существенный вклад в развитие лирико-психологической прозы в якутской литературе. Прав был П. Аввакумов, который писал: «Когда читаешь рассказы В. Гольдерова, понимаешь, что такое настоящее искусство» («В. Гольдеров кэпсээннэрин аахтааххына, дыиннээх уус-уран суруйуу хайдаҕын билэбин») [3, с. 290].

Л и т е р а т у р а

1. Гольдеров, В. Ф. – Ороһу Уола. Өйтөн-сүрэхтэн сүппэтэх эбиккит: кэпсээннэр, хоһооннор, ахтыылар / В. Ф. Гольдеров. – Дьокуускай : Бичик, 2012. – Текст : непосредственный.
2. Тарасов, С. Ахтыылар. Ыстатыйалар. Этиилэр / С. Тарасов. – Дьокуускай : Бичик, 2003. Текст : непосредственный.
3. Аввакумов, П. Кыраҕы харах көрүүтүнэн / П. Аввакумов. – Дьокуускай: Бичик, 2008. Текст : непосредственный.
4. Сухих, И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И. Н. Сухих. – Ленинград, 1987. Текст : непосредственный.

5. Гольдеров, В. Ытыс буор оннугар: Кэпсээннэр / В. Гольдеров. – Якутскай : Кинигэ изд-та, 1989. Текст : непосредственный.

References

1. Gol'derov, V. F. – Orohu Uola. Өjtөн-сыrekhten сүппетekh ebikkит: кепсееннер, хоһоонно, аһтылар / V. F. Gol'derov. – D'okuuskaj : Bichik, 2012. – Текст : neposredstvennyj.
2. Tarasov, S. Аһтылар. Үстатыжалар. Этиилер / S. Tarasov. – D'okuuskaj : Bichik, 2003. Текст : neposredstvennyj.
3. Avvakumov, P. Курабу harah көрүүтүнен / P. Avvakumov. – D'okuuskaj: Bichik, 2008. Текст : neposredstvennyj.
4. Suhii, I. N. Problemy poetiki A. P. Chekhova / I. N. Suhii. – Leningrad, 1987. Текст : neposredstvennyj.
5. Gol'derov, V. Үтис буор оннугар: Кепсееннер / V. Gol'derov. – Yakutskaj : Kinige izd-ta, 1989. Текст : neposredstvennyj.

Е. А. Денисова

Феномен «Code Switching» в картине мира би-культурального писателя-транслинга

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. На материале би-культурального англоязычного художественного текста рассматривается механизм кодовых переключений. Вопрос о проявлении данной стратегии в речи в настоящее время представляется актуальным, поскольку с процессом глобализации и проявлением межнациональных контактов происходит смешение языков и культур, в связи с чем возрастает интерес к проблемам би- и полилингвизма. Применение текстового, прагматического, функционального, стилистического методов исследования, включая метод дискурсивного анализа, показывает, что посредством данной языковой стратегии реализуется полиязычная компетенция писателя – транслинга. В связи с этим кодовые переключения используются автором мотивированно в качестве социолингвистического средства для достижения определённой цели, а именно как переменная форма дискурса, как полноправное языковое явление, в качестве стилистического или выразительного приёма и вносят в повествование элемент разговорного стиля, придающего экспрессию. Установлено, что кодовые переключения передают эмоциональные категории в ситуациях повышенного эмоционального фона для выражения сильных эмоций в тексте и реализации прагматической функции, раскрываются языковая и художественная картины мира писателя-транслинга. Прагматическая особенность кодового переключения заключается в сознательном действии. Таким образом, преследуется определённая цель при переключении на другой язык, способствующая реализации определённой коммуникации, демонстрации своего отношения к различным компонентам речевого акта, например к адресату, сообщению, референту. Способность активного языкового смешения писателя-транслинга демонстрирует высокую степень владения языком (языками) и определённую коммуникационную би-культуру человека, что делает общение наиболее комфортным и обеспечивает взаимопонимание между собеседниками. Транслинги распределяют использование языков, которыми они владеют, в зависимости от условий общения, приём переключения кода вводится автором-транслингом для придания тексту аутентичности, создания колорита, атмосферы, впечатления начитанности и др. У авторов бикультуральных художественных текстов, как правило, есть время на выбор языковой формы выражения, поэтому они стремятся донести свои мысли и чувства до читателя в наиболее эффективной форме, привлечь внимание и доставить эстетическое удовольствие.

Ключевые слова: билингвизм, би-культуральность, транслингвизм, кодовое переключение, кодовое смешение, иноязычные вкрапления, самоидентичность, речевой акт, картина мира, авторский идиостиль.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.003

ДЕНИСОВА Елена Александровна – к. филол. н., доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

E-mail: denisovaea72@mail.ru

DENISOVA Elena Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, Pushkin Leningrad State University.

E. A. Denisova

"Code Switching" phenomenon in the worldview of a bi-cultural translingual writer

Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The article focuses on the code switching mechanism in a bi-cultural anglophone literary text. The problem of the manifestation of this strategy in speech is currently relevant, since with the process of globalization and the manifestation of interethnic contacts, the mixture of languages and cultures take place, and therefore, the interest to the problems of bi- and multilingualism is increasing. The purpose of the study is to consider the phenomenon of code switching as one of the categories of language mixing, their specific features and implementation in the works of Ch. Bronte (the English-speaking bi-cultural writer-translinguist). The use of textual, pragmatic, functional, and stylistic research methods, including the method of discursive analysis, shows that the multilingual competence of a translingual writer is realized through this language strategy. The analysis shows that the multilingual competence of a translingual writer is realized by means of this language strategy. In this regard, code switches are used by the author intentionally as a sociolinguistic means to achieve a certain goal, as a variable form of discourse, a full-fledged linguistic phenomenon, stylistic or expressive device and to contribute an element of colloquial style into the narrative to provide emphasis and expression. It states that code switches transmit emotional categories in situations of increased emotional context to represent strong emotions in the text, to implement a pragmatic function, and reveal the linguistic and literary worldview of a translingual writer. The pragmatic feature of code switching is a conscious action. Thus, a certain goal is pursued when switching to another language, which contributes to the implementation of a certain communication, demonstrating one's attitude to various components of the speech act, for example, to the addressee, the message, the referent. The ability of an active language mixing of a translingual writer demonstrates a high degree of language proficiency and a certain communication bi-culture of a person, which makes communication the most comfortable and ensures mutual understanding between the interlocutors. Translingual writers distribute the use of the languages they speak, depending on the conditions of communication, the method of switching the code is introduced by the translingual author to impart the text authenticity, create color atmosphere, the impression of reading, etc. The authors of bicultural literary texts, as a rule, have time to choose the language form of expression, so they strive to convey their thoughts and feelings to the reader in the most effective form, attract attention and deliver aesthetic pleasure.

Keywords: bilingualism, bi-culturality, translinguism, code switching, code mixture, foreign insertions, self-identity, speech act, worldview, writer's individual style.

Введение

На протяжении последних лет активно увеличивается интерес ученых к исследованиям взаимодействия языка и мышления, языка и культуры. Степень разработанности проблемы нашла своё отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных учёных. Вопросам лингвистической теории переключения кода посвящены труды С. Р. Meyers-Scotton, Р. Gardner-Chloros, А. В. Жигановой, Ж. Багана, Ю. С. Блажевич; теории переключения кода как реализации коммуникативной стратегии Е. Н. Черничкиной Л. П. Крысина, Е. А. Проценко, Г. Н. Чиршевой, О. Т. Йокояма. Вопросы би- и полилингвизма рассматривались в работах Г. М. Вишневской, Е. Naugen, S. M. Ervin-Tripp, U. Weinreich и др. Популярен и вопрос, касающийся особенностей художественной и языковой картин мира бикультуральных авторов-билингвов. В связи с этим целью настоящего исследования является рассмотрение явления кодовых переключений как одной из категорий языкового смешения, их

специфики и реализации в произведениях англоязычного би-культурального писателя-транслингва Шарлотты Бронте (Ch. Bronte). Поскольку важными составляющими транслингвизма являются динамика языковых процессов и лингвокультурный компонент, то любая словесно выраженная информация является воплощением определения языка и культуры, включая языковую и художественную картины мира би-культурального билингва.

Теоретический обзор. Материал и методы исследования

Феномен билингвизма изучается на междисциплинарном уровне как лингвистическое и социокультурное явление в отечественных и зарубежных исследованиях, что свидетельствует об актуальности выбранного вектора. Прежде всего, билингвизм обозначает сосуществование двух языков, следовательно, как социальное явление и индивидуальная характеристика человека говорящего феномен двуязычия обуславливается лингвистической интерпретацией в рамках теории языковых контактов в одном коммуникативном пространстве. Традиционно выделяют несколько векторов языковых взаимодействий: влияние языка 1 на язык 2; влияние лингвокультуры 1 на лингвокультуру 2; влияние языка 2 на культуру 1; влияние культуры 2 на язык 1; взаимосвязь личности и двух языковых кодов; влияние личности на языки; влияние двух языковых кодов на личность их носителя. Соответственно, изменения, происходящие в результате таких взаимодействий, во-первых, носят имплицитный и эксплицитный характер. Во-вторых, отражают интерлингвистические (межъязыковой уровень), и интралингвистические (внутриязыковой уровень) процессы, порождаемые совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов [1].

Процессы языкового взаимодействия представляют огромный интерес для изучения проблем би- и полилингвизма, а именно исследователей интересует, что происходит со словарным запасом билингва, происходит ли его расширение; возможно ли автономное сосуществование двух языковых систем; активизируется ли «универсальный внутренний языковой код» и каким образом происходит процесс «приращения» языковых навыков; какие факторы влияют на степень интер- и интралингвистических процессов, активизирующихся под влиянием языковых контактов [2].

Изучение проблем билингвизма ведётся одновременно в едином продуктивном «интерфейсе» когнитологии и прагматики; психолингвистический взгляд послужит необходимой основой при решении проблем усвоения второго языка; проблемы перевода и, с другой стороны, языковая специфика художественного высказывания не вступают в противоречие, а могут составить единое познавательное поле. Особый интерес представляет индивидуальный творческий билингвизм, который может рассматриваться в двух параллельных, не пересекающихся друг с другом по своей природе и функциям ракурсах. Во-первых, данная разновидность двуязычия поддается обсуждению с точки зрения художественного текста, т. е. в его отношении к этому тексту. Во-вторых, здесь возможен не менее значимый анализ билингвизма с позиций творческого литературного контекста конкретной личности, т. е. в его отношении к творчеству данного писателя или поэта. В обоих случаях билингвизм проявляется в биографии и наследии многих писателей и поэтов как зарубежных, так и российских; как классиков, так и современников [3].

Факт «ухода» в чужую языковую систему, переключение на другой язык дают возможность заменить термин «билингв» на «транслингв». В лингвистике выделяют полный и неполный транслингвизм. В первом случае говорящий или, например, писатель в литературном творчестве и в повседневной жизни отказывается от родного языка, а во втором – периодически к нему возвращается. Таким образом, индивидуальный билингвизм переходит в новую категорию – транслингвизм.

Причины транслингвизма различны: личные языковые и культурологические пристрастия; потребность более широкого самовыражения и самоутверждения и другие. Так, немецкий философ и культуролог Э. Кассирер трактует явление транслингвизма следующим образом: «Проникновение в дух нового языка всегда порождает впечатление приближения к новому миру – миру со своей собственной интеллектуальной структурой. Это подобно открытию чужой страны, и самое большое приобретение – свой собственный язык предстаёт в новом свете» [4, с. 595–596]. Африканский писатель

Б. Дадье характеризует писателя транслинга как «не прибегающего к переводу». «Многоязычие служит распространению человеческой мысли, взаимопониманию и солидарности» [5, с. 248–249].

Очень важно отметить и различия коммуникативного плана в художественном дискурсе, включающие низкоконтекстные и высококонтекстные культуры. В первом случае речь идёт о индивидуалистических западных культурах, в которых большое значение имеет содержание сообщения (т. е. что сказано). Во втором случае важен контекст сообщения (как сказано). Коллективистические культуры характеризуются большей дифференциацией эмоциональных категорий и языковых средств для выражения эмоций в отличие от индивидуалистических [6]. Таким образом, в результате межкультурных контактов формируются следующие индивидуальные типы: «перебежчик» (отказ от собственной культуры ради чужой); «шовинист» (противоположный вариант); «маргинал» (колебание между двумя культурами) [6, с. 234].

Нельзя не коснуться вопроса языковой и художественной картин мира би-культурального писателя-транслинга, поскольку он является «посредником», синтезирующим две культуры, являясь их связующим звеном.

Понятие «картина мира» также встречается на междисциплинарном уровне. Первым, кто ввел данный термин, стал древнегреческий философ Платон. Далее к вопросу картины мира обращались немецкий физик Генрих Герц, Макс Планк, немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер, немецкий философ Освальд Шпенглер и другие. По мнению В. А. Масловой, «картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На ее формирование воздействуют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и иные социальные факторы. Каждый язык по-своему делит мир, имеет свой способ его концептуализации. Это значит, что каждый язык имеет свою собственную картину мира, а языковая личность выстраивает содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом и проявляется специфика человеческого восприятия мира, зафиксированного в языке [7].

У билингов ярко выражена метакоммуникативная и метакогнитивная деятельность. Они используют ориентиры родного языка и родной культуры при освоении иной лингвокультуры, что способствует переструктурированию картины мира [8]. Также одной из мета-характеристик коммуникации является ее направленность на саму себя, что позволяет билингу вносить коррективы в коммуникативный процесс по ходу его развития. Метакоммуникативная информация содержится и в невербальных средствах, сопровождающих процесс вербальной коммуникации и требующих адекватной интерпретации. Данные метакarakterистики коммуникации имеют сущностное значение для билинга, нацеленного на достижение равнозначной коммуникативной успешности в двух лингвокультурах.

О. А. Корнилов разграничивает подходы к изучению языковой картины мира: «объективистский» и «субъективистский». При объективистском подходе языковая картина мира адекватно отражает объективную реальность. Язык выступает «формой выражения мыслительно-абстрактного содержания, добытого человеком в процессе теории и практики», в то время как субъективистский подход отражает в языке «вторичный мир, являющийся результатом преломления в человеческом сознании объективного мира» [9, с. 56]. По мнению многих исследователей, самой субъективной из всех картин мира является художественная картина мира, поскольку она носит многомерный характер и отражает только отдельные аспекты действительности через призму ценностно-мировоззренческих установок би-культурального писателя транслинга. Владея двумя языками, билингв владеет двумя картинами мира.

В результате взаимодействия двух картин мира на уровне языка и культуры возникают следующие процессы: *диффузия* (взаимное проникновение языковых единиц и культурных черт и комплексов), *интерференция* (подавление компонентов иноязычной культуры), *кумуляция* (количественное и качественное накопление компонентов языка и культуры), *синергия* (суммирующий эффект при взаимодействии двух или более компонентов, превосходящий действие, оказываемое каждым компонентом в отдельности), *трансформация* (закономерное изменение основной языковой модели,

приводящее к созданию вторичной языковой структуры). Данные процессы тесно взаимосвязаны, а изменения, происходящие в результате этих процессов, эксплицируются в языковой и национальной картинах мира, языковой личности би-культурального транслингва. Среди вышеназванных процессов стоит обратить особое внимание на интерференцию и трансформацию, которые неизбежно возникают при столкновении двух языковых систем и двух картин мира в сознании би-культуральной личности [10].

Коммуникация составляет предмет теории билингвизма. Теория межкультурной коммуникации ставит перед собой цель изучения проблем, связанных с выбором кода, с трансформационными процессами внутри когнитивно-эмоционального пространства коммуникативной личности билингва. Категория цели теории билингвизма как достижение адекватной коммуникативной успешности в двух лингвокультурах прочно закрепилась в парадигме теории межкультурной коммуникации. Формирование коммуникативной компетенции билингва, условия, стимулирующие скоростное переключение лингвокультурных кодов [1]. Интерес представляют и трансформации на уровне речевой деятельности, коммуникации: например, как меняется коммуникативное поведение билингва в зависимости от выбранного кода [11].

Применение текстового, прагматического, функционального, стилистического методов исследования, включая метод дискурсивного анализа, показывает, что традиционно авторы-транслингвы кодируют свое отношение к героям своих произведений, описываемым событиям, используя определенные языковые средства, а именно стратегию переключения кодов, языкового смешения, иноязычных вкраплений.

У. Вайнрайх понимает кодовое переключение как идеальное переключение с одного языка на иной, протекающее в соответствии с обязательными изменениями [12]. Г. Н. Чиршева определяет кодовое переключение как особую способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами [13]. Билингв способен использовать в одном высказывании лексемы из двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них.

Использование иноязычных вкраплений в своих произведениях, наделение персонажей т. н. билингвальностью характерно для би-культуральных писателей транслингвов. Речь персонажей в художественных произведениях моделирует реальную коммуникацию, однако не следует забывать и об относительном соотношении художественного текста и живой коммуникации. Язык литературы в полной мере отражает действительность. Речь персонажей в художественных произведениях в достаточно полной степени отражает особенности живой речи, поскольку задача автора – воссоздать в литературном произведении действительную реальность. При этом необходимо учитывать и особенности типологии билингвизма авторов-транслингвов этих произведений на междисциплинарном уровне. Так, на философском уровне транслингвизм затрагивает осмысление процессов, происходящих в личностном развитии и сознании билингва. На уровне психологии – психический механизм кодирования и декодирования текста, мышление билингва и память билингва (транслингва). Лингвокультура транслингва представляет полное владение чужой культурой, механизм и динамику процесса его аккультурации. Можно также говорить и о лингводидактическом потенциале транслингва, точнее о формировании его би-культуральной коммуникативной компетенции.

Коммуникативная успешность обязательно должна быть двусторонней, учитывая саму субъект-субъектную природу коммуникации. Особенно важной для адресанта является обратная реакция адресата, когда отправитель видит, ощущает, что его поняли правильно и коммуникативные ожидания оправдались, а коммуникативные интенции адекватно реализованы. Однако очевидно, что для билингва процесс понимания осложняется необходимостью вхождения в «чужой» межкультурный дискурс, в другое когнитивно-эмоциональное лингвокультурное коммуникативное пространство, что требует актуализации принципов герменевтики (знание лингвокультуры, менталитета данного социума), сформированной межкультурной коммуникативной компетенцией [1].

Иноязычные включения, кодовые переключения, языковое смешение и интерференция являются характерной чертой авторского стиля англоязычных би-культуральных

писателей и традиционно рассматриваются в едином междисциплинарном взаимодействии: когнитологии, прагматики, психолингвистики и др. и служат необходимой основой для решения проблем при усвоении второго языка.

Результаты исследования и обсуждение

С. М. Эрвин-Трипп, американский лингвист, чьи психолингвистические и социолингвистические исследования были сосредоточены на связи между использованием языка и развитием языковых форм, предложила модель двух типов двуязычия у его носителей: совмещённое (compound) и соотносительное или координативное (coordinate) двуязычие. В первом случае носитель языка смешивает элементы двух языков, речь его нередко получается смешанной, а во втором случае производство текстов на каждом из языков происходит самостоятельно, их содержание лишь координировано, соотносимо на двух языках. Причину существования этих двух типов двуязычия С. М. Эрвин-Трипп видит в типах соотношения двух языковых систем в сознании и речевой деятельности носителя двуязычия [14].

Классифицировать билингвизм Ш. Бронте возможно следующим образом, расширив типологию С. М. Эрвин-Трипп, учитывая возрастные, психологические и лингвистические особенности билингва, учитывая биографические данные. Таким образом, Ш. Бронте относится к продуктивному, смешанному, подростковому, активному, сбалансированному, равноценному и симметричному типу, который предполагает применение двух языков, их взаимосвязь во время коммуникативного акта. Транслингв строит предложения как в устной, так и письменной речи равнозначно на двух языках, свободно замещает разные языки, два речевых механизма, относящихся к порождению разноязычной речи, так как язык 2 изучался в раннем подростковом возрасте. Шарлотта Бронте (21 апреля 1816–31 марта 1855) родилась в Англии в семье священнослужителя англиканской церкви. С раннего возраста Шарлотта изучала французский как второй язык. С юных лет она упражнялась в сочинении стихотворений и рассказов. Некоторые из ранних работ Ш. Бронте были написаны на французском языке. В своих произведениях Ш. Бронте представляет синтез двух картин мира, переключаясь с английского на французский язык. Это связано с модой того времени. В XIX в. французский язык считался языком образованных аристократов. Дворянские дети начинали говорить на французском раньше, чем на родном языке. Далее Шарлотта работала в одном из пансионатов г. Брюсселя, имела возможность активно использовать французский язык на практике. Так, например, она писала статьи на французском языке и переводила поэтические произведения. Французский язык для Ш. Бронте стал неким символом свободного самовыражения.

Рассмотрим кодовые переключения на французский язык в романе английской поэтессы и романистки XIX в., би-культурального транслингва Шарлотты Бронте «Шерли» (Ch. Bronte “Shirly”), репрезентирующего особенности языковой и художественной картин мира.

Лингвистические тенденции эпохи, в которой писался роман, диктовали моду на французский язык. Роман «Шерли» был написан в 1849 г., в котором Эмили Бронте, сестра Шарлотты, становится прототипом главной героини романа. Заметим, что главные герои романа прекрасно владеют французским языком. Кодовые переключения передают эмоциональные категории и встречаются в ситуациях повышенного эмоционального фона для выражения злости, раздражения, негодования и др.

Чувства – это наиболее сильная и непосредственная реакция человека на взаимодействие его с действительностью. Именно поэтому чувственная сфера является первичной в структуре духовного мира человека. Кодовые переключения в анализируемом романе используются в качестве стилистического приёма или выразительного приёма и вносят в повествование элемент разговорного стиля, придающего экспрессию.

Особое место в системе функций произведения принадлежит прагматической и эстетической функциям, которые включают ряд других: экспрессивную, эмотивную, функцию экономии языковых средств и др.

Целью сигнального типа переключения кода в данном случае является выделение мысли. Таким образом, реализуется *экспрессивная функция*, отвечающая за языковые и выразительные средства выражения мыслей автора в произведении. Настоящее

произведение оказывает на читателя мощное эмоциональное воздействие. Цель этой функции – тронуть душу читателя, вызвать эмоционально-личностную реакцию, пережить эмоционально описываемые действия и сцены романа. Это становится возможным, прежде всего, благодаря эстетическому воздействию на читателя. Р. Якобсон предпочитал называть эмоциональную функцию эмотивной, поскольку она связана «со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» [15]. Если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная или экспрессивная, функция речи. Эмоциональная функция связана с употреблением переключения кода на основе эмоций: наиболее точный способ выразить свои эмоции – использование родного языка [3].

Эмоциональные категории, выраженные стратегией кодовых переключений в анализируемом романе включают: злость, ярость (негодование), недовольство, насмешки, восхищение.

Злость как эмоция возникает в ответ на действие каких-то внешних или внутренних угрожающих факторов и всегда носит защитный характер. Данные включения демонстрируют действие по принципу «лучшая защита – нападение».

“Mauvaise tête vous-même; je ne fais que mon devoir; quant à vos lourdauds de paysans, je m'en moque!” (Сами вы дурная голова; я только делаю свое дело, а что до ваших олухов крестьян, плевать мне на них!);

“En ravanche, mon garçon, nos lourdauds de paysans se moqueront de toi; sois en certain” (Смотри, дружок, как бы они не наплевали на тебя!);

“Tes amis! Où sont-ils, tes amis?” (Твои друзья, да где они, твои друзья-то?);

“Je fais écho, où sont-ils? Et je suis fort aise que l'écho seul y répond. Au diable les amis! Je me souviens encore du moment où mon père et mes oncles Gérard appellèrent autour d'eux leurs amis, et Dieu sait si les amis se sont empressés d'accourir à leur secours! Tenez, M. Yorke, ce mot, ami, m'irrite trop; ne m'en parlez plus” [16, с. 44] (Вот и я говорю, где они? И очень хорошо, что их нет. К черту друзей! Я еще помню то время, когда отец и дяди Жерары звали друзей на помощь, и одному Богу известно, поспешили ли откликнуться друзья! Знаете, мистер Йорк, слово «друг» меня бесит; не говорите мне больше о них);

“Quelle idée! to destroy them. Quelle action honteuse! On voyait bien que les ouvriers de ce pays étaient à la fois betes et méchants. C'était absolument comme les domestiques anglais, les servantes surtout: rien d'insupportable comme cette Sara, par exemple!” [16, с. 31] (Подумать только! Позорный поступок! Сразу видно, что рабочие в этой стране глупы и злобны! Не лучше их и английские слуги, и в особенности служанки! Что может быть, например, невыносимее нашей Сары).

Ярость (негодование) – импульсивная и агрессивная реакция, вызванная попаданием индивида в неприятную ситуацию, чувство сильного возмущения.

“I scorn the insinuation, Joe! I am a Flamand! Have I a Flemish face – the clumsy nose standing out, the mean forehead falling back, the pale blue eyes 'à fleur de tête'?” [16, с. 57]. (Что ты выдумываешь, Джо! Какой я фламандец! Разве у меня лицо фламандца? Нескладный нос картошкой, низкий, словно срезанный, лоб, водянистые глаза на выкате?).

Недовольство как эмоция возникает у человека с низким эмоциональным тоном при несовпадении желаемой ситуации с реальной.

“Les confitures! Elles sont brûlées? Ah, quelle négligence incurable! Coquine de cisiniere – fille insupportable” [16, с. 411] (Варенье! Все подгорело? Какая преступная небрежность! Негодница стряпуха, дрянь несносная).

Насмешка как выражение иронического отношения к эмоциональным проявлениям и действиям главной героини.

“And mademoiselle, hastily taking from a drawer a large linen apron, and tying it over her black apron, rushed éperdue into the kitchen, whence, to speak truth, exhaled an odour of calcined sweets rather strong than savoury” [16, с. 411–412] (Мадемуазель Мур поспешно вытащила из комода широкий полотняный фартук, повязала его поверх своего черного передника и устремилась сломя голову на кухню, откуда, по правде сказать, уже доносился не столь ароматный, сколь сильный запах горелого сахара);

“*C'est bon! C'est bon! Et puisque cela m'est égal, que mes amis ne s'en inquiètent pas.*” (Ну и отлично. Раз мне самому все равно, то и друзьям **ничего тревожиться!**);

“Admirable! She feels weak, and therefore she should be set to hard labour — “**clair comme le jour**” [16, с. 194] (Великолепно! Она слабеет, поэтому-то ей и следует заняться тяжелой работой. **К гадалке не ходи**).

Восхищение – одна из положительных эмоций, возникающих при глубоком чувстве почтения и уважения, душевном трепете, при созерцании прекрасных пейзажей, произведений искусства и просто красивого и счастливого человека.

“Her features were distinguished; by which I do not mean that they were high, bony, and Roman, being indeed rather small and slightly marked than otherwise, but only that they were, to use a few French words, **fins, gracieux, spirituels**” [16, с. 202] (Черты лица Шерли были полны благородства. Я подразумеваю не чеканную резкость римского типа, напротив, они были тонкие, изящные, одухотворенные);

“The world called the owner of these blue eyes «**bonne petite femme**»” [16, с. 274] (Свет называл обладательницу этих глаз не иначе, как добродушное создание).

Широкое использование французского языка так заметно в романах Шарлотты Бронте, что побудило рецензента первого тома ее романа «Шерли» (1849) отклонить его, сета на то, что он был написан «наполовину на французском языке, наполовину на йоркширском диалекте» [17, с. 103]. Хотя это и явное преувеличение, но все же Бронте испытывала большое «удовольствие», используя французские включения, считая их наиболее подходящими, нежели английские эквиваленты, как, например, в описании зимнего пейзажа в «Шерли»: “*A calm day had settled into a crystalline evening. The world wore a North Pole colouring; all its lights and tints looked like the **reflets** of white, or violet, or pale green gems*” [16, с. 564]. Ш. Бронте объясняет выбор французской лексической единицы «reflets» (переливы) отсутствием английского эквивалента, передающего данный смысл: “*Find me an English word as good, reader, and I will gladly dispense with the French word. «**Reflections**» won't do*”. (Найди мне, читатель, такое же подходящее слово в английском языке, и я с удовольствием откажусь от французского. «Reflections» (отражение) не подходит) [16, с. 564].

Все герои анализируемого романа владеют французским языком в совершенстве, они не только используют отдельные слова или выражения на французском языке, но также цитируют стихи известных французских поэтов. Речь идёт не только о знании языка, но и владении самой культуры Франции. В романе Ш. Бронте использует названия известной французской поэзии. «*La Jeune Captive*» (Молодая узница), «*Le Cheval docté*» (Укрощенный конь), «*Le songe d'Athalie*» (Сон Атали), «*Le Chêne et le Roseau*» (Дуб и тростник). Тем самым писательница демонстрирует свою любовь к французской поэзии, красоте и благозвучию французского языка посредством описания какой-либо ситуации в романе с помощью строк вышеуказанных источников.

Таким образом, смешение языковых кодов создаёт контраст, входит в оппозицию с англофонными элементами текста, не нарушая гармоничность текстового произведения, его сюжет.

Заключение

Включения из французского языка в романе «Шерли» можно рассматривать как эстетическое и декоративное украшение романа. Кодовые переключения придают большую выразительность обсуждаемым гендерным проблемам и вопросам образования, конфликту индивидуализма и конформизма в контексте Викторианской эпохи.

В романе «Шерли» французский язык выступает в качестве передатчика эмотивности. Герои, наделённые билингвальными характеристиками, передают точные и глубокие чувства за счёт отсутствия эквивалентов в английском языке. Ш. Бронте использует стратегию кодового переключения в качестве особого художественного приема, в моменты особой ситуативной напряженности при создании комического эффекта или в качестве символа свободного самовыражения героев романа и самой себя как автора-транслингва.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин, М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Лабиринт, 2000. – с. 424. – Текст : непосредственный.

-
2. Бойко, С. В. Формирование духовного мира билингва: философский и социокультурный аспекты / С. В. Бойко, А. А. Фомичева. – 2013. – URL : <https://docplayer.ru/36241081-Udk-formirovanie-duhovnogo-mira-bilingva-filosofskiy-i-sociokulturnyy-aspekty-boyko-s-v-fomicheva-a-a.html> (дата обращения : 29.12.20). – Текст : электронный.
 3. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Благовещенск, 2000. – 264 с. – Текст : непосредственный.
 4. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 190 с. – Текст : непосредственный.
 5. Вишневская, Г. М. Билингвизм и его аспекты : учеб. пособие / Г. М. Вишневская // Иван. гос. ун-т. – Иваново, 1997. – 98 с. – Текст : непосредственный.
 6. Дадьё, Б. Люди между двумя языками / Б. Дадьё // Иностранная литература 1968. - С. 245–248. – Текст : непосредственный.
 7. Денисова, Е. А. Транслингвальный аспект кодовых переключений в би-культуральном художественном дискурсе / Е. А. Денисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – № 4 (67). – Тверь, 2020. – с.109–116.
 8. Денисова, Е.А. Проявление гостевого языка в англоязычном художественном тексте / Е. А. Денисова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – Вып.114. – №1 (423). – Челябинск, 2019. – 194 с.
 9. Жинкин, Н.И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. – Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1958. – 370 с. – Текст : непосредственный.
 10. Залевская, А. А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учебное пособие / А. А. Залевская, И. Л. Медведева. – Тверь : Тверской государственный университет, 2002. – 194 с. – Текст : непосредственный.
 11. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – Москва : Гардарика, 1998. – 784 с. – Текст : непосредственный.
 12. Карлинский, А. Е. Основы теории взаимодействия языков / А. Е. Карлинский. – Алма-Ата : «Гылым» 1990. – 180 с. – Текст : непосредственный.
 13. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова. Факультет иностранных языков, 1999. – 341 с. – Текст : непосредственный.
 14. Маслова, В. А. Лингвокультурология : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208с. – Текст : непосредственный.
 15. Николаев, С. Г. Феномен билингвизма : проблематика и исследовательские перспективы / С. Г. Николаев. – 2013. – URL : <http://www.philoljournal.sfedu.ru>. – Текст : электронный.
 16. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – Москва : Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с. – Текст : непосредственный.
 17. Черничкина, Е. К. Парадигмальность проблемы билингвизма / Е. К. Черничкина. – 2007. – URL : <https://docplayer.ru/36414785-Paradigmality-problemy-bilingvizma.html> (дата обращения : 29.12.20) – Текст : электронный.
 18. Чиршева, Г. Н. Основы онтобилингвологии : русско-английский материал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Чиршева Г. Н. – СПб., 2001. – 51 с. – Текст : непосредственный.
 19. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика : Теория, проблемы и методы / А. Д. Швейцер. – Москва : Буки Веди, 2015. – 380 с. – Текст : непосредственный.
 20. Эрвин-Трипп, С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / С. М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. – Вып. VII. – Социолингвистика. – Москва, 1975. – С. 336–362. – Текст : непосредственный.
 21. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – Москва, 1975. – С. 193–230. – Текст : непосредственный.
 22. Belmontet, L. Les Petits Orphelins / L. Belmontet // La lyre francaise by Gustave Masson. – Macmillan and Company, 1867. – P. 38–40. – Текст : непосредственный.
 23. Bronte, Ch. Shirley / Ch. Bronte // Foreign Languages Publishing House. – Moscow, 1956. – 667 p. – Текст : непосредственный.
 24. Fraser's Magazine 1849-06: Vol. 39 Iss. 234. – URL : https://archive.org/details/sim_frasers-magazine_1849-06_39_234/mode/2up (дата обращения : 29.12.20). – Текст : электронный.
 25. Haugen, E. Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide / E. Haugen // American Dialect Society No. 26, University of Alabama Press, 1956. – 159 p. – Текст : непосредственный.
-

References

1. Bahtin, M. M. Frejdzizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i / M. M. Bahtin. – Moskva : Labirint, 2000. – s. 424. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Bojko, S. V. Formirovanie duhovnogo mira bilingva: filosofskij i sociokul'turnyj aspekty / S. V. Bojko, A. A. Fomicheva. – 2013. – URL : <https://docplayer.ru/36241081-Udk-formirovanie-duhovnogo-mira-bilingva-filosofskiy-i-sociokulturnyy-aspekty-boyko-s-v-fomicheva-a-a.html> (data obrashcheniya : 29.12.20). – Tekst : elektronnyj.
3. Vajnrakh, U. Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya / U. Vajnrakh. – Blagoveshchensk, 2000. – 264 s. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Vajsgerber, J. L. Rodnoj yazyk i formirovanie duha / J. L. Vajsgerber. – Moskva : Editorial URSS, 2004. – 190 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Vishnevskaya, G. M. Bilingvizm i ego aspekty : ucheb. posobie / G. M. Vishnevskaya // Ivan. gos. un-t. – Ivanovo, 1997. – 98 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Dad'e, B. Lyudi mezhdru dvumya yazykami / B. Dad'e // Inostrannaya literatura 1968. – S. 245–248. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Denisova, E. A. Translingval'nyj aspekt kodovyh pereklyuchenij v bi-kul'tural'nom hudozhestvennom diskurse / E. A. Denisova // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. – № 4 (67). – Tver', 2020. –s.109–116.
8. Denisova, E.A. Proyavlenie gostevogo yazyka v angloyazychnom hudozhestvennom tekste / E. A. Denisova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. – Vyp.114. – №1 (423). – Chelyabinsk, 2019. – 194 s.
9. Zhinkin, N.I. Mekhanizmy rechi / N. I. Zhinkin. – Moskva : Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1958. – 370 s. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Zalevskaya, A. A. Psiholingvisticheskie problemy uchebnogo dvuyazychiya: uchebnoe posobie / A. A. Zalevskaya, I. L. Medvedeva. – Tver' : Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2002. – 194 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Kassirer, E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke / E. Kassirer. – Moskva : Gardarika, 1998. – 784 s. – Tekst : neposredstvennyj.
12. Karlinskij, A. E. Osnovy teorii vzaimodejstviya yazykov / A. E. Karlinskij. – Alma-Ata : «Gylm» 1990. – 180 s. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Kornilov, O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov / O. A. Kornilov. – Moskva : MGU im. M. V. Lomonosova. Fakul'tet inostrannyh yazykov, 1999. – 341 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Maslova, V. A. Lingvokul'turologiya : Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij / V. A. Maslova. – Moskva : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. – 208s. – Tekst : neposredstvennyj.
15. Nikolaev, S. G. Fenomen bilingvizma : problematika i issledovatel'skie perspektivy / S. G. Nikolaev. – 2013. – URL : <http://www.philoljournal.sfedu.ru>. – Tekst : elektronnyj.
16. Stefanenko, T. G. Etnopsihologiya / T. G. Stefanenko. – Moskva : Institut psihologii RAN, «Akademicheskij proekt», 1999. – 320 s. – Tekst : neposredstvennyj.
17. Chernichkina, E. K. Paradigmal'nost' problemy bilingvizma / E. K. Chernichkina. – 2007. – URL : <https://docplayer.ru/36414785-Paradigmalnost-problemy-bilingvizma.html> (data obrashcheniya : 29.12.20) – Tekst : elektronnyj.
18. Chirsheva, G. N. Osnovy ontobilingvologii : russko-anglijskij material : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / Chirsheva G. N. – SPb., 2001. – 51 s. – Tekst : neposredstvennyj.
19. Shvejcer, A.D. Sovremennaya sociolingvistika : Teoriya, problemy i metody / A. D. Shvejcer. – Moskva : Buki Vedi, 2015. – 380 s. – Tekst : neposredstvennyj.
20. Ervin-Tripp, S. M. Yazyk. Tema. Slushatel'. Analiz vzaimodejstviya / S. M. Ervin-Tripp // Novoe v lingvistike. – Vyp. VII. – Sociolingvistika. – Moskva, 1975. – S. 336–362. – Tekst : neposredstvennyj.
21. Jakobson, R. Lingvistika i poetika / R. Jakobson // Strukturalizm «za» i «protiv». – Moskva, 1975. – S. 193–230. – Tekst : neposredstvennyj.
22. Belmontet, L. Les Petits Orphelins / L. Belmontet // La lyre francaise by Gustave Masson. – Macmillan and Company, 1867. – P. 38–40. – Tekst : neposredstvennyj.
23. Bronte, Ch. Shirley / Ch. Bronte // Foreign Languages Publishing House. – Moscow, 1956. – 667 p. – Tekst : neposredstvennyj.
24. Fraser's Magazine 1849-06: Vol. 39 Iss. 234. – URL : https://archive.org/details/sim_frasers-magazine_1849-06_39_234/mode/2up (data obrashcheniya : 29.12.20). – Tekst : elektronnyj.
25. Naugen, E. Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide / E. Haugen // American Dialect Society No. 26, University of Alabama Press, 1956. – 159 p. – Tekst : neposredstvennyj.

С. Ф. Желобцова, С. Н. Барашкова

Особенности повествовательной структуры новой прозы Людмилы Улицкой

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность статьи определяется необходимостью проследить эволюцию творческих поисков Людмилы Улицкой в связи с изданием сборника рассказов «О теле души. Новые рассказы» (2019). Авторы статьи опираются на опыт исследования женской прозы [1], частью которого являются произведения писательницы. В аналитический корпус статьи вошли рассказы «Дракон и феникс», «Серпантин» и «Человек в горном пейзаже», еще не получившие оценку литературной критики. Проблемно статья направлена на раскрытие особенностей повествовательной структуры новейшей прозы России. Наблюдения за особенностями поэтики прозы Людмилы Улицкой, за расширением художественных средств и приемов, а также естественным углублением философского содержания в художественном тексте позволяют на методологической основе сравнительного анализа решить следующие задачи: 1. обобщить художественный опыт Л. Улицкой в аспекте преемственной связи традиции реалистической и романтической мировой литературы на пути эстетического обновления ее малой прозы. Исследовать типологию персонажей в связи с изменением духовных ценностей XXI в. 2. рассмотреть в повествовательном пространстве рассказов авторскую трансформацию названий, их смысловой природы, а также выявить метафорический контент, наполненный художественным открытием новых реалий. Сегодняшняя ситуация во взаимоотношениях писателя и читателя, автора и критика оптимизирует задачу литературоведческого исследования нового художественного текста, функционального для восприятия и объективной оценки творчества писательницы в контексте жанрово-стилевых поисков новой прозы России. Результатом анализа новых рассказов Л. Улицкой стало условное разделение творчества писательницы на два этапа, первый из которых всецело связан с формированием женской прозы в русской литературе XX в., второй характеризуется своеобразным выходом за пределы гендерного пространства и наполняется философским смыслом восхождения героя от быта к Бытию. Итоговые наблюдения могут быть использованы в качестве ориентира в исследовании прозы XXI в. Материал имеет практическое значение при создании онлайн-лекций, в мультимедийных проектах.

Ключевые слова: Л. Улицкая, романтизм, традиция, повествовательная структура, поэтика, сюжет, метафора, типология, жанр рассказа, образ-символ, стилистика.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.004

ЖЕЛОБЦОВА Светлана Федотовна – к. филол. н., доцент кафедры русской литературы XX века и теории литературы ФЛФ, СВФУ им. М.К. Аммосова

E-mail: oso-06@mail.ru

ZHELOBTSOVA Svetlana Fedotovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the 20-th Century Russian Literature and Theory Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БАРАШКОВА Светлана Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения ИЗФиР, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: beta-sigma-no@mail.ru

BARASHKOVA Svetlana Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department Oriental languages and Regional Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

S. F. Zhelobtsova, S. N. Barashkova

Features of the narrative structure of the new prose by Lyudmila Ulitskaya

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the article is determined by the need to trace the evolution of Lyudmila Ulitskaya's creative search in connection with the publication of short stories collection "About the Body of the Soul. New Stories" (2019). The authors of the article rely on the experience of the study of women's prose [1], part of which are the works of the writer. The analytical body of the article includes the stories "The Dragon and the Phoenix", "The Serpentine" and "The Man in the Mountain Landscape", which have not yet received the assessment of literary critics. Problematically, the article is aimed at revealing the features of the narrative structure of the latest Russian prose. Observations of the poetics peculiarities of Lyudmila Ulitskaya's prose, the expansion of artistic means and techniques, as well as the natural deepening of the philosophical content in the literary text allow us to solve the following tasks on the methodological basis of comparative analysis: 1. To summarize the artistic experience of L. Ulitskaya in the aspect of the continuity of the tradition of realistic and romantic world literature on the path of aesthetic renewal of her small prose. To explore the typology of characters in connection with the changing spiritual values of the 21st century. 2. To consider in the narrative space of the stories the author's transformation of the names, their semantic nature, as well as to identify the metaphorical content filled with the artistic discovery of new realities. The current difficult situation in the relationship between the writer and the reader, the author and the critic optimizes the task of literary research of a new literary text that is functional for the perception and objective assessment of the writer's work in the context of genre and style searches for new prose in Russia. The result of the analysis of the new stories of L. Ulitskaya was the conditional division of the writer's work into two stages, the first of which is entirely connected with the formation of women's prose in Russian literature of the 20th century, the second is characterized by a kind of going beyond the gender space and is filled with the philosophical meaning of the hero's ascent from everyday life to Being. The final observations can be used as a reference point in the study of prose of the 21st century. The material is of practical importance when creating online lectures, in multimedia projects.

Keywords: L. Ulitskaya, romanticism, tradition, narrative structure, poetics, plot, metaphor, typology, genre, character-symbol, style.

Введение

Вхождение писательского имени Людмилы Улицкой в ряд женских имен русской литературы XX-XXI вв. связано с ее произведениями, ставшими бестселлерами. Первая повесть «Сонечка» (1992) стала началом публикаций последующих сборников рассказов, а также романов «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», которые были замечены критикой и принесли ей премию «Русский Букер» в 2001 г. Антология произведений писательницы пополняется новыми рассказами, повестями, романами, пьесами, статьями, эссе, сценариями, мемуарами, отмеченными литературными премиями как в России, так и за рубежом. Для Улицкой-художника характерна трансформация жанра романа, когда уточняются авторские локации: роман-хроника, роман-притча.

В теоретическом аспекте рассматриваются особенности повествовательной структуры текста [1]. В нашем случае речь идет о сборнике «О теле души. Новые рассказы»,

а именно смысловом содержании названия произведения, композиционном новаторстве писательницы, обновлении типологического ряда персонажей. Авторы статьи отмечают, что сегодняшний этап творчества Л. Улицкой характеризуется углубленной работой с жанровой формой классического рассказа, обогащенной новой тематикой, интерпретацией традиций западноевропейского романтизма, реконструкцией философских смыслов семантики текста.

Материал и методы

Проблема данной статьи заключается в выявлении особенностей повествовательной структуры рассказов «Дракон и феникс», «Серпантин», «Человек в горном пейзаже», наблюдения над текстом открывают художественные маркеры новой прозы Л. Улицкой как органичного компонента творческой эволюции писательницы. Поэтому в содержательном плане важно обращение к контенту предыдущих статей авторов данной работы, позволяющих использовать сравнительно-сопоставительный метод для выявления эволюционной стратегии писательницы.

В статье решаются следующие задачи:

1. обобщить художнический опыт Л. Улицкой в аспекте преемственной связи традиции мировой литературы на пути эстетического обновления ее малой прозы;
2. рассмотреть поэтику рассказов в контексте изменений типологии героя на фоне технологических и мировоззренческих изменений современного общества.

Анализ повествовательной структуры рассказов «новой прозы»

Литературная ситуация 80-х гг. XX в. в творчестве Л. Улицкой связана с усилением гендерной доминанты женской прозы. Структурный анализ ранней прозы писательницы выявил функциональность специфического женского видения действительности, усиленного профессиональным опытом ученого генетика, о чем свидетельствует интерес критики и читателя к романам «Медея и ее дети» и «Казус Кукоцкого». Она реконструирует архетипическое содержание античной Медеи-детоубийцы, создавая образ нашей современницы Медеи Синопли, наполненной всепрощающей любви к людям [2].

Типология женских образов ранней прозы Л. Улицкой

Образный ряд персонажей ранней прозы открывается героиней первой повести «Сонечка», которая сумела возвыситься над драмой личной жизни, простила мужу-художнику серию «белых картин», запечатлевших красоту его юной любовницы Яси. Выстраивается типология сюжета, модель которого художественно позже реализовалась в романе о бездетной Медее, принявшей в свой дом внебрачную дочь мужа, положив начало большой семье Синопли. Описание дома Медеи напоминает бегство античной Медеи на корабле Ясона («Там между большим орехом и старым айлантом была натянута веревка, и Медея, проводящая обыкновенно свой обеденный перерыв в хозяйственных хлопотах, развешивала густо подсиненное белье. Темно-синие тени гуляли по голубому полотну латаных простыней, простыни медленно, парусообразно выгибались, грозя развернуться и уплыть в грубо-синее небо») [3, с. 48] Траектория судьбы Синопли, мать которой оставила Батуми ради грека Георгия, повторяет яркие события жизни дочери царя Колхиды, наполняется силой мудрости. Следует обратить внимание на живописные параллели, когда развивающиеся простыни становятся не символом ухода из дома, а, напротив, бытовым знаком уютного быта.

Среди разноуровневых критических оценок наиболее функциональной для статьи является позиция финского филолога М. Рюткёнен, которая, участвуя в дискуссии о феминистском литературоведении на Западе, высказала мысль о необходимости разработки теории женского письма в пространстве женской литературы: «Я убеждена в том, что гендер автора и читателя-исследователя, другими словами, гендерная система общества оказывает влияние на создание и интерпретацию литературных произведений»

[4]. Авторской реминисценцией к размышлениям литературоведа становится признание писательницы в любви к своим разным героиням в предисловии к сборнику новых рассказов: «Я люблю вас, подруги, за ваше веселье и верность, за добро и за щедрость, за то материнское чувство, с которым вы склоняетесь к малым и слабым, пусть хоть мышь, хоть лягушка, не то что дитя человечье...» [5, с. 10]. Психологическое исследование внутреннего мира героя ранней прозы Людмилы Улицкой происходит в пространстве женской судьбы, локализованной во взаимоотношениях мужчины и женщины, раскрытии их чувств, раскрытии мотиваций гендерных поступков.

Характеры персонажей новой прозы

Публикация новой прозы писательницы открыла перспективу литературоведческого анализа поэтики произведений в современной русской литературе [6], написанных на зрелом этапе ее творчества. Можно говорить о типологии характеров, значимым маркером которых становится их профессиональная принадлежность к интеллектуальному труду. Не случайно героиня последнего рассказа «Серпантин» Надежда Георгиевна так же, как и Сонечка, библиотекарь. Л. Улицкая дает в рассказе исчерпывающую характеристику героине в условиях новых требований, подчеркивая, что она легко принимает их: «Надежда Георгиевна, далеко не самая молодая из работников библиотеки, совершенно безболезненно перескочила в новое тысячелетие ... почти подпольно создала команду и начала учить небезнадежных и дерзких новой компьютерной науке» [5, с. 238–239].

Сопоставимы финалы произведений, в которых постаревшие героини продолжают жить в мире книг. Сонечка отказывается от Парижа и Варшавы, продолжая упиваться русской классической литературой. Авторской кульминацией жизни Надежды Георгиевны стал уход в бесконечный мир интернет-паутины: «Эта была великая красота, про которую она догадывалась, сидя в своей библиотеке, в отделе новых поступлений, но не мыслила, не надеялась увидеть себя в этом месте, и она наполнилась счастьем до отказа, до потери собственных границ, потому что почувствовала – принята сюда навсегда...» [5, с. 252]. Объединяющей идеей рассказов Л. Улицкой в новом сборнике «О теле души» является тема смерти, объясняемая писательницей так: «Мне в жизни не раз приходилось провожать близких людей. Каждый уход друга – расставание с частью своей собственной жизни... Но маленькое открытие, которое я сделала, – смерть тоже принадлежит жизни, это последняя точка, к которой каждый человек всю свою жизнь готовится, даже если он об этом и не задумывается» [7]. Прослеживая идею жизни в судьбах героинь, Л. Улицкая как генетик все чаще задумывается о смерти в новом эстетическом ключе.

Автор трансформирует аутентичный материал на современном этапе художественного моделирования мира. Для рассказа «Дракон и феникс» характерны героини, отказывающиеся от патриархального уклада, привычной роли женщины в обществе, национального менталитета, выбирающие свободу, становясь «гражданином мира». Ее Зарифа, востребованная адвокатесса, может позволить себе жить в Греции, работать в Англии, путешествовать по миру, была «человеком одновременно рискованным и осторожно-предусмотрительным» [5, с. 21]. Общение Зарифы и Муси-Анаид происходит на уровне их философского диалога о течении времени, жизни и смерти, в которой автор вставляет реальные события современного мира от конфликта в Карабахе до обсуждений женской судьбы в личной сфере. Анаид, пережившая драматический разлад с мужем-сатириком, осознанно выбирает гендерную свободу и откликается на человеческий талант старшей подруги юриста Зарифы: «Муся гордилась Зарифой: она могла все, абсолютно все – прыгала с парашютом, участвовала в ралли, в молодые годы была сильной преферансисткой, а последнее время поигрывала в казино – и никогда не проигрывала!..» [5, с. 21]. Мастерство Улицкой-бытописателя проявляется в воспроизведении деталей,

когда визуальной кульминацией движения сюжета становится свадебная фотография подруг в их кипрском доме («плечистая Зарифа в белом пиджаке с круглой, драгоценно сверкающей блямбой на вороте держит свою короткопалую руку на плече застенчиво улыбающейся Муси») [5, с. 23]. В протестный хронотоп их жизни вплетается традиционное представление о браке и семье. Людмила Улицкая выбирает героиню одухотворенную, но вынужденную преодолеть конфликт с родственниками перед лицом смерти. Она просит привезти с родины старинный родовой ковер, который становится образом-символом, знаковым для нетрадиционной судьбы подруг, азербайджанки Зарифы и армянки Муси-Анаид, нашедших друг друга по необычным параметрам. Он имеет особое значение для нее, предки которой были известными ковроделами. Старший брат Саид привозит семейную реликвию, на которой вытканы феникс и дракон. Становится понятным смысл названия рассказа «Феникс и дракон», отсылающего читателя к этимологической природе мирового мифа о бессмертии и власти. Мысль о реинкарнации человека после смерти дает веру начитанной и образованной Муси-Анаид в переселение души. А читателю позволяет апеллировать к известному китайскому варианту мифа о гармонии Инь и Янь. Однако писательница реинтерпретирует древний сюжет, делая его актуальным: «Это кольцо было как будто замершей навеки памятью о борьбе, в которой никто не может одержать победы. ... в сознании двух соседствующих народов, из которых один чудовищный дракон, другой священная птица, или наоборот, один священный дракон, другой чудовищная птица... И кто из них воин, кто колдун, кто зло, кто добро, различить нельзя, потому что они скованы в одно неподвижное и нерасторжимое кольцо...» [5, с. 41]. Авторы статьи отмечают пронзительное по энергетике использование звукопалитры: «Замер последний вопль на последней ноте ... Дракон и Феникс замерли в своем вечном кольце» [5, с. 42]. Композиционно данный эпизод завершает эту драматическую сюжетную линию, когда плачущую Анаид утешает Саид.

Реконструкция мировых мифов как стилистическая черта Улицкой-художника продолжает выразительно обогащать эмоциональную палитру повествования. В этой связи значима роль метафоры-Горы [8], символизирующей уход романтического героя от филистерских реалий в мир Красоты и Гармонии. Очевидно влияние на новом этапе творчества писательницы эстетики западноевропейского романтизма [9]. Анатолий – фотограф из рассказа «Человек в горном пейзаже», плененный великолепием Памира («Толя увидел мир, превосходящий все его представления о размерах чего бы то ни было. ... Толя даже подумал, что уже умер, – на земле такого не бывает» [5, с. 187]), отказывается от реальной жизни, растворяясь в своей мечте, подобно романтическим героям XIX в. [10]. Открытые финалы произведений подчеркиваются повторяющейся картиной зовущего «белого мира» («Теперешняя белизна была не тревожная, не опасная, как бывает в операционных, а совсем иного рода – успокоительная, тихая, вызывающая доверие» [5, с. 249], в которой сконцентрированы авторские мысли о смерти или жизни после ухода. Как герой романа «Генрих фон Офтердинген» немецкого романтика Новалиса, ищущий в снах Голубой цветок [11], Анатолий видит повторяющийся сон, в котором многократно пытается зайти за горный поворот. «Мысленным взором он дошел до следующего поворота ... он пнул его (помятое ведро) и почувствовал боль в пальцах» [5, с. 200].

Обобщение анализа поэтики текста выявило новое отношение автора к названиям произведений, в которых она принципиально отходит от указания имен, фамилий как это было ранее («Сонечка», «Казус Кукоцкого», «Медея и ее дети»), и обращается к метафорически обобщенным понятиям («Феникс и Дракон», «Серпантин», «Человек в горном пейзаже»), что раскрывает обогащение творческой индивидуальности, ведущей к философскому пониманию диалектики жизни. Вытканые на погребальном ковре Зарифы Дракон и Феникс наполняют верой в Жизнь после Смерти. А многократное возвращение автора в семантическом пространстве произведения к природе слова «серпантин»,

закрепленной в названии рассказа, формирует креативный код движения человека к вечной Красоте. Данное наблюдение подтверждается также авторским выбором иллюстраций к сборнику «О теле души». Птица, взмывающая в бесконечное небо, символизирует пронзительное одиночество человека в современном мире.

Таким образом, в своей новой прозе Людмила Улицкая находится в поиске интеллектуального читателя, вдумчивого и образованного критика, продолжая делиться с читателем художественным мастерством, стремлением разобраться в бытии на основе реальной жизни. Особенности повествовательной структуры произведений писательницы связаны с узнаваемым стилем, авторским выбором сюжета, жизненных ситуаций, персонажей. При этом она относится к числу тех прозаиков, которые способны откликаться на перемены в обществе, что отражается в художественной эволюции.

Заключение

Литературоведческий анализ рассказов сборника «О теле души» в соответствии с поставленными задачами приводит к следующим выводам: 1. Реалистическая манера письма, ярко проявленная на раннем этапе творчества, со временем усложняется в аспекте обращения к традициям романтической литературы. Авторская реконструкция романтических принципов заключается, например, в выборе героя – Художника, который находится в трагическом конфликте с филистерской средой в поисках идеальной гармонии. Своеобразна позиция Л. Улицкой-художника, увлеченного на новом этапе творчества ценностными ориентирами XXI в. Образный ряд пополняется персонажами без четкой привязанности к гендерной характеристике (Фотограф, Юрист, Программист). 2. Исследование повествовательного пространства малой прозы Л. Улицкой раскрывает расширение эстетического контента, в котором меняется смысловая природа названий рассказов, доминантно обращенных к философии жизни и смерти. Структурными локациями художественного текста становятся метафоры, наполненные авторским переосмыслением жизненных кодов (Серпантин, Феникс, Дракон, Цифра, Гора).

Выводы данной статьи могут быть использованы в презентации творчества Людмилы Улицкой в ряду писателей новой прозы России, а также для привлечения читательского внимания к мейнстрим литературе, обращенной к актуальным проблемам общества.

Л и т е р а т у р а

1. Барашкова, С. Н. Современная женская проза (Опыт литературоведческого и страноведческого анализа художественного текста) / С. Н. Барашкова, С. Ф. Желобцова, Ф. Ф. Желобцов. – Якутск : Изд-во Якутского гос.ун-та, 2013. – 120 с. – Текст : непосредственный.
2. Берковский, Н. Романтизм в Германии / Н. Берковский. – Ленинград : Художественная литература, 1973. – 568 с. – Текст : непосредственный.
3. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – Москва : Просвещение, 1988. – 176 с. – Текст : непосредственный.
4. Лоскутникова, М. Б. Исследовательские векторы последнего столетия в изучении стилиевой парадигматики русской прозы XIX–XXI вв. / М. Б. Лоскутникова. – Текст : непосредственный // Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения): Материалы VI Международной научной конференции. – Москва : МАКС Пресс, 2018. – С. 40–43.
5. Мир романтизма: материалы юбилейной конференции/ ответственный редактор И. В. Карташова. – Тверь : ТВГУ, 2014. – Т. 17 (41). – 280 с. – Текст : непосредственный.
6. Михайлов, А. В. Статьи по теории литературы / А. В. Михайлов. – Москва : Изд. Дмитрий Сечин, 2018. – 496 с. – Текст : непосредственный.
7. Рюткёнен, М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения»: http://www.a-ru/women_cd1/html/filologich_nauki_2.htm (дата обращения : 10.03.21). – Текст : электронный.
8. Улицкая Л. Интервью. Новая газета.ру: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/17/82761-lyudmila-ulitskaya-smert-tozhe-prinadlezhit-zhizni> (дата обращения 3.03.21). – Текст : электронный.

-
9. Улицкая Л. Медя и ее дети / Л. Улицкая. – Москва, 2004 – 420 с. – Текст : непосредственный.
 10. Улицкая Л. О теле души. Новые рассказы / Л. Улицкая. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 252 с. – Текст : непосредственный.
 11. Schmitz-Emans, M. Der Roman und seine Konzeption in der deutschen Romantik. ... (дата обращения 18.05.21). – Текст : электронный.

References

1. Barashkova, S. N. Sovremennaya zhenskaya proza (Opyt literaturovedcheskogo i stranovedcheskogo analiza hudozhestvennogo teksta) / S. N. Barashkova, S. F. Zhelobcova, F. F. Zhelobcov. – Yakutsk : Izd-vo Yakutskogo gos.un-ta, 2013. – 120 s. – Текст : непосредственный.
2. Berkovskij, N. Romantizm v Germanii / N. Berkovskij. – Leningrad : Hudozhestvennaya literatura, 1973. – 568 s. – Текст : непосредственный.
3. Esin, A. B. Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury / A. B. Esin. – Moskva : Prosveshchenie, 1988. – 176 s. – Текст : непосредственный.
4. Loskutnikova, M. B. Issledovatel'skie vektory poslednego stoletiya v izuchenii stilevoj paradigmтики russkoj prozy XIX–XXI vv. / M. B. Loskutnikova. – Текст : непосредственный // Russkaya literatura HKH-XXI vekov kak literaturnyj process (problemy teorii i metodologii izucheniya): Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Moskva : MAKS Press, 2018. – S. 40–43.
5. Mir romantizma: materialy yubilejnoj konferencii/ otvetstvennyj redaktor I. V. Kartashova. – Tver' : TVGU, 2014. – T. 17 (41). – 280 s. – Текст : непосредственный.
6. Mihajlov, A. V. Stat'i po teorii literatury / A. V. Mihajlov. – Moskva : Izd. Dmitrij Sechin, 2018. – 496 s. – Текст : непосредственный.
7. Ryutkyonen, M. Gender i literatura: problema «zhenskogo pis'ma» i «zhenskogo chteniya»: http://www.a-ru/women_cd1/html/filologich_nauki_2.htm (data obrashcheniya : 10.03.21). – Текст : электронный.
8. Ulickaya L. Interv'yu. Novaya gazeta.ru: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/17/82761-lyudmila-ulitskaya-smert-tozhe-prinadlezhit-zhizni> (data obrashcheniya 3.03.21). – Текст : электронный.
9. Ulickaya L. Medya i ee deti / L. Ulickaya. – Moskva, 2004 – 420 s. – Текст : непосредственный.
10. Ulickaya L. O tele dushi. Nove rasskazy / L. Ulickaya. – Moskva : Izdatel'stvo AST, 2019. – 252 s. – Текст : непосредственный.
11. Schmitz-Emans, M. Der Roman und seine Konzeption in der deutschen Romantik. <https://www.carin.info>revue...> (data obrashcheniya 18.05.21). – Текст : электронный.

УДК 811.111.26

Е. С. Курукалова

Мир прошлого и мир будущего в политическом дискурсе (на материале инаугурационной речи президента Д. Трампа)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья представляет собой попытку применения некоторых методов когнитивного текстового моделирования при исследовании жанра публичного выступления. Целью работы являются выделение и лингвистический анализ мира будущего и мира прошлого, которые представляет автор в своей речи. Исследователь А. М. Мухин при лингвистическом анализе текста предлагает ориентироваться на языковые уровни, которые позволяют выявить фонетические (фонологические), морфологические, грамматические, синтаксические и лексические особенности речевого высказывания. Данный подход обеспечивает целостный анализ плана выражения и плана содержания текста, тем не менее в силу объема исследования в данной работе упор сделан на грамматический и лексический уровни языка. Для данного анализа в качестве сверхфразового единства была выбрана целиком инаугурационная речь президента Д. Трампа. Для определения «контуров» двух противопоставляемых миров был использован подход Д. Макинтайра, предложившего выделять пять основных дейктических категорий: пространственный дейксис, временной дейксис, персональный дейксис, социальный дейксис, эмпатический дейксис. Модель или образ мира – это сенсорный образ действительности, переработанный аналитически посредством речи. Именно поэтому в статье приводится лингвистический анализ средств построения этого мира в совокупности с дейктическими категориями, которые «очерчивают» более или менее четкие границы моделей тех миров, которые пытается противопоставить автор. Работа является междисциплинарной, актуальность данного исследования связана не столько с современной политической ситуацией (а именно, с выборами нового президента США), сколько с использованием категорий «вхождения» в текстовые миры при исследовании жанра публичного выступления. Данная работа может быть продолжена и углублена, так как методы исследования когнитивного миромоделирования (рассмотрение категории голоса, перспективы, точки зрения и др.) могут успешно применяться при исследовании текстов публичных выступлений. Доказательством этого высказывания и является данная статья.

Ключевые слова: дейксис, дейктические категории, жанр публичных выступлений, инаугурация, лингвистический анализ, уровни языка, образ мира, текстовый мир, модель мира, текстовое моделирование.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.005

КУРУКАЛОВА Екатерина Сергеевна – к. филол. н., доцент кафедры английского языка №1, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

E-mail: katya_polyanskay@mail.ru

KURUKALOVA Ekaterina Sergeevna – Ph.D. in Philology, Associate Professor of the English Department No. 1, St. Petersburg State University of Economics.

E. S. Kurukalova

The world of the past and the world of the future in political discourse (based on the inaugural speech of the President D. Trump)

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is an attempt to apply some methods of cognitive text modeling in the study of the genre of public speaking. The aim of the work is to highlight and linguistically analyze the world of the future and the world of the past, which the author presents in his speech. Concerning the linguistic analysis of the text, A. M. Mukhin proposes to focus on language levels, which make it possible to identify phonetic (phonological), morphological, grammatical, syntactic and lexical features of a speech utterance. This approach provides a holistic analysis of the plan of expression and the plan of the content of the text, however, due to the concise character of the study, this work focuses on the grammatical and lexical levels of the language. For this analysis, the entire inaugural speech of the President D. Trump was chosen as a super-phrasal unity. To determine the "contours" of the two opposed worlds we used the approach of D. McIntyre, who proposed to distinguish five main deictic categories: place deixis, temporal deixis, person deixis, social deixis, empathic deixis. A model or image of the world is a sensory image of reality, analytically processed through speech. That is why the article provides a linguistic analysis of the means of building this world in conjunction with deictic categories that "outline" more or less clear boundaries of the models of those worlds that the author is trying to oppose. The work is interdisciplinary, the relevance of this study is associated not only with the current political situation (namely, with the election of the new US president), but also with the use of the categories of "entry" into the text worlds in the study of the genre of public speaking. This work can be continued and deepened, since research methods of cognitive world modeling (category of voice, perspective, point of view, etc.) can be successfully applied in the study of texts of public speeches. The proof of this statement is this article.

Keywords: deixis, deictic categories, genre of public speaking, inauguration, linguistic analysis, language levels, image of the world, text world, world model, text modeling.

Введение

Традиционно к публицистическому стилю речи относят тексты в письменной форме, публичные же выступления относятся к устной разновидности стиля [1]. Тексты публицистического стиля отличают краткость и конкретность высказываний, информационная наполненность, экспрессивность изложения. Кроме того, тексты публицистического стиля, произнесенные устно, предполагают непосредственное присутствие говорящего (адресанта) и аудитории (адресата), то есть речевой контакт, который может быть выражен как в диалогической форме (конференция, интервью), так и в форме монолога (публичное выступление).

Анализируя особенности жанра общественного выступления, принадлежащего к публицистическому стилю, можно сделать вывод, что данный стиль обладает природой синкретизма. Например, в публичном выступлении для реализации экспрессивной функции языка и функции расположения к оратору слушателя используются различные стилистические приемы и выразительные средства, что сближает речевые жанры этого стиля с произведениями художественной литературы. С другой стороны, краткость,

четкость изложения фактов, аргументов и мыслей обнаруживают сходство с конкретикой научного и официально-делового стилей речи [2].

Можно выделить следующие особенности произведения жанра публичного выступления:

- при подготовке текста общественного выступления главным критерием должна являться доступность понимания текста;
- решительное начало и решительная концовка, акцентирование внимания интонационно на важных моментах речи;
- краткость и лаконичность высказывания;
- сдержанный эмоциональный тон, который располагает к себе аудиторию в противовес излишне эмоциональному выступлению с активным использованием средств невербального общения (жестикуляции, мимики и пр.);
- потребность в донесении своей мысли до аудитории.

При этом в создании текста публичного выступления должна учитываться реализация информационной, эмотивной и коммуникационной функций языка.

Так как речь президента на инаугурации, как понятно из описания жанра, – это не набор спонтанных высказываний, а заранее продуманный и подготовленный текст, вполне возможно отнести к нему как к художественному произведению, не забывая при этом об особенностях жанра публичного выступления. Как в художественном произведении, так и в подготовленной инаугурационной речи реципиент создает определенный образ мира, который «рисует» ему автор или говорящий. По мнению современных исследователей, действительность интерпретируется индивидуумами самостоятельно, поэтому ее существование вне человеческой перцепции и когнитивности невозможно [3]. На это и направлена прагматика подобных выступлений.

Современные исследователи относятся к понятию «мир» достаточно объемно и применяют его при исследовании не только художественных текстов, но и при исследовании публицистики или коммерческой рекламы [4]. Рассмотрим кратко данное понятие и схожие с ним понятия. Восприятие действительности у каждого человека свое, свой «образ мира» (понятие введено А. Н. Леонтьевым). «Образ мира» – это отображение в психике человека определенного мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами. А. Н. Леонтьев говорит о том, что «образ мира» поддается сознательной рефлексии, а, следовательно, может изменяться в зависимости от услышанного, увиденного, прочитанного: всего, что было осознано и принято. Он также ввел понятие ситуативного и внеситуативного образа мира, которые возникают при работе памяти и воображения. Внеситуативный образ мира – это образ целостного мира, своего рода система мироздания, при этом оба эти мира тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга [5]. Об образе мира пишет также В. П. Серкин, определяя его как результат кодирования на языке переживаний человека [6]. Модель или образ мира – это сенсорный образ действительности, переработанный аналитически посредством речи [7]. С точки зрения иностранных ученых, мир – это определенный сценарий или тип реальности, который формируется в сознании читателя [8, 9]. Из вышесказанного понятно, что несмотря на то, что многие ученые оперируют разными терминами, рассматривают понятия с разных углов, суть остается неизменной, и образ, модель мира или мир – это то представление, которое формирует в сознании воспринимающего тот или иной текст (письменный или устный).

Так, мы сочли возможным рассмотреть инаугурационную речь президента в качестве сверхфразового единства (СФЕ), иллюстрирующего два противопоставленных мира. Цель данной работы состоит в том, чтобы исследовать модели двух миров посредством лингвистического анализа. Президент Д. Трамп четко разграничивает в своей речи мир прошлого и мир будущего, мы же сочли возможным применить подход Д. Макинтайра (о котором подробнее будет написано в последующих пунктах) для более понятного

выявления границ этих миров, построения моделей двух миров, а также сопоставительного анализа этих двух моделей. Такое моделирование в совокупности с лингвистическим исследованием должно быть более эффективным при более пристальном изучении устных форм взаимодействия политических деятелей с аудиторией.

Мир прошлого и мир будущего в политическом дискурсе

При анализе образа мира, который «рисует» президент в своей инаугурационной речи, нельзя обойтись без лингвистического анализа. Исследователь А. М. Мухин при лингвистическом анализе текста предлагает ориентироваться на языковые уровни, которые позволяют выявить фонетические (фонологические), морфологические, грамматические, синтаксические и лексические особенности речевого высказывания [10]. Данный подход обеспечивает целостный анализ плана выражения и плана содержания текста. Для данного анализа в качестве сверхфразового единства была выбрана целиком инаугурационная речь президента Д. Трампа.

Инаугурация Д. Трампа, сорок пятого по счету президента Соединенных Штатов Америки, состоялась 20 января 2017 г. В выступлении Трампа выделяются три структурных компонента: вступление, основную часть и заключение

В первых словах вступления Трамп сначала обращается с благодарностью к конкретным политическим деятелям (к Верховному судье Робертсу, президентам Картеру, Клинтону, Бушу и Обаме) и только затем к соотечественникам, а затем к людям всего мира. В следующем абзаце вступления содержится квинтэссенция всей политической программы Дональда Трампа: «We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and to restore its promise for all of our people. Together, we will determine the course of America and the world for years to come» («Мы, граждане Америки, сегодня едины в большом деле по восстановлению нашей страны. Вместе мы определим ход истории США и мира на многие годы. У нас будут непростые времена, но мы выполним все задачи») [11]. В своей речи политик использует будущее время, таким образом, с самого начала своего выступления делая акцент на противопоставлении прошлого и будущего образа мира. У Трампа мотив и цель выражаются при помощи слов «joined» («едины»), «объединены»), «all of our people», а также в использовании местоимения «we» («мы»), выраженного грамматической категорией множественного числа, следовательно, имеющего компонент значения «несколько частей в составе одного целого»). Этот фрагмент получает свое обоснование и развитие в основной части выступления, которая начинается также с местоимения «мы»: «We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done». Это предложение в начале основной части представляет собой прекрасный пример продуманной и выверенной президентской риторики, в нем органично сочетается цель президента объединить нацию, которая будет вести страну к миру и процветанию, с противоречиями, с которыми американскому народу предстоит столкнуться на пути установления идеального миропорядка.

Смысловой план опирается на ключевые слова и концепты, которые политик использует в своей речи чаще всего. В речи Трампа это «nation», «national», «everyone», «confidence», «patriotism». Интересно также отметить, что у Трампа ключевыми являются определения, при помощи которых формируется восприятие идеальной Америки: сильной («strong»), богатой («wealthy»), гордой («proud») и безопасной («safe»), все эти качества, по мнению Трампа, объединены в одном – «великая» («great»).

Важным смысловым концептом в речи Трампа является «изменение». Трамп противопоставляет прошлое моменту «здесь и сейчас»: «That all changes – starting right here, and right now, because this moment is your moment: it belongs to you». Концепт времени, утверждающий в сознании слушающих речь мысль о том, что необходимо действовать, присутствует во многих фрагментах текста: «The time for empty talk is over», «No arrives the hour of action», «But that is the past. And now we are looking only

to the future» и др. Концепт «изменение» напрямую связан с концептом «разрушение»: Дональд Трамп готов разрушить старую систему и построить новую, выбрав простые радикальные пути решения возникающих проблем. Основные темы и направления, которых Трамп касается в своем выступлении, связаны с повышением уровня жизни американцев, взаимодействием с другими странами (внешней политикой), развитием экономики и внутренней индустрии производства и потребления товаров и услуг. Упоминание о Боге (достаточно распространенное явление при инаугурации президентов США) появляется только в одном месте, где речь идет о единстве всех людей на земле, и это в заключительной части выступления: «Thank You, God Bless You, And God Bless America» [11]. У Трампа нет развернутых метафорических образов природного характера. Характер фраз в речи Трампа предельно конкретен, лаконичен и направлен в первую очередь на правильность понимания присутствующего в тексте смысла аудиторией, восприятие которого не может быть вариативным. Вот как Трамп в двух словах характеризует направление своей внешней политики: «We will seek friendship and goodwill with the nations of the world – but we do so with the understanding that it is the right of all nations to put their own interests first» [11].

Выступая с речью инаугурации, Трамп демонстрирует политическую картину мира и общечеловеческие проблемы, выходящие за рамки сугубо национальных. Так, в своей речи он уделяет важное внимание проблеме радикального исламского терроризма, уничтожение которого является первостепенной задачей всего мирового сообщества. Несмотря на краткий четкий характер фраз, Трамп использует большое количество стилистических приемов, чтобы обратить внимание слушателей на существующие проблемы и пути их решения. Так, его фразы часто строятся на антитезе, например: «And spent trillions of dollars overseas while America’s infrastructure has fallen into disrepair and decay» («пока мы тратили триллионы долларов в других странах, теряя собственное благосостояние») «We’ve made other countries rich while the wealth, strength, and confidence of our country has disappeared over the horizon» [11].

Необходимо также сказать несколько слов о роли местоимений. Чаще всего в речи бывшего президента используется местоимение «we» («мы»), что позволяет Трампу вовлекать слушателей не только в процесс коммуникации во время выступления, но и в сам ход истории. Из числа безличного «we» Трамп иногда выделяет конкретное «you», тем самым подтверждая, что его речь обращена одновременно ко всем и к каждому по отдельности. Каждый человек может стать частицей исторического бытия: «Everyone is listening to you now. You came by the tens of millions to become part of a historic movement the likes of which the world has never seen before» [11]. Трамп как будто говорит своему слушателю: «ты уникален, ты можешь изменить судьбу, ты можешь все».

Дональд Трамп широко использует синтаксические средства для создания стилистического эффекта. Например: «This is your day. This is your celebration. And this, the United States of America, is your country». Использование в речи идиоматических и фразеологических оборотов, например, «исчезнуть за горизонтом» или «when America is united, America is totally unstoppable» («когда Америка едина, она непобедима») также добавляет яркие штрихи к портрету Трампа-политика. Синтаксический параллелизм в сочетании с метонимией вызывает симпатию к языковой личности Трампа: «We are one nation – and their pain is our pain. Their dreams are our dreams; and their success will be our success. We share one heart, one home, and one glorious destiny» [11]. Эти слова по своей форме и структуре напоминают клятву верности. Эмоциональный подъем и патетика усиливаются по мере выступления, когда Трамп декларирует стремление Америки к первенству во всем, используя интонационные приемы градации и стилистический прием повтора – анафоры: «We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams». Сочетание слов «we will...» повторяется в начале предложения в тексте 9 раз. Фразы следуют одна

за другой, из-за чего напоминают декларативные лозунги, а выступление в целом – манифест: «Your voice, your hopes, and your dreams, will define our American destiny. And your courage and goodness and love will forever guide us along the way». Заключительная часть речи озвучивает цели, которые должны быть достигнуты в ближайшем будущем. Для вербализации целей автор использует эпитеты «strong», «proud», «great». Трамп еще раз подчеркивает, что создание великой державы возможно только благодаря объединению всего народа, по его мнению, важен каждый голос и каждое действие.

Таким образом, рассмотрев речь президента с лингвистической точки зрения, можно с уверенностью говорить о том, что акцент на будущее, на изменение и на противопоставление двух миров прослеживается на всех уровнях языка, в особенности на грамматическом, синтаксическом и лексическом. В дальнейшем имеет смысл обратить внимание на фонетический уровень, на интонацию, паузы и смысловые ударения во время самого выступления.

«Вход» в мир прошлого и будущего через «врата» дейксиса

Понятие «хронотоп» вошло в практику лингвистического анализа достаточно давно, понятие было введено Бахтиным и предполагает при создании художественного мира обязательное наличие таких категорий, как время и пространство [12]. Позднее разные исследователи предлагали свои категории, однако в данной работе мы придерживаемся подхода Д. Макинтайра, выделявшего 5 дейктических категорий для очерчивания контуров двух представляемых автором миров (пример использования «контуров» текстовых миров можно увидеть во многих работах современных ученых [13-15]). Так, можно «очертить» образ мира прошлого и мира будущего при помощи следующих категорий:

1) временные рамки не очерчены четко, однако президент использует настоящее перфектное и прошедшие времена с глаголами, которые имеют крайне негативное значение (steal, rob, struggle, deprive, deplete, trap и многие др.) и будущее время с глаголами, имеющими положительное значение (thrive, prosper, protect, heal и др.). Более того, очень яркое противопоставление этих двух образов звучит в следующих выражениях и стилистических средствах: starting right here and right now, today, now, no longer, from this day forward, bring back (синтаксическое повторение), new roads, empty talk is over, tomorrow. Все негативные явления остаются в прошлом: «that is the past»;

2) пространство едино (the USA и отдельные государственные единицы, такие как Detroit, Washington, Nebraska), однако противопоставление присутствует и в очерчивании границ – Islamic terrorism, «other countries»;

3) говоря о социальном дейксисе, можно заметить, что как при «очерчивании» образа мира прошлого, так и мира будущего, говорящий затрагивает все слои населения (families, military, students, men and women, black and white);

4) как было отмечено выше, местоимения играют очень важную роль при обращении президента, основные местоимения – we, you. Также очень часто президент указывает на национальное самоопределение – Americans;

5) одним из самых важных аспектов при формировании образа мира является эмотивный дейксис, на который направлены все противопоставления прошлого и будущего, все стилистические приемы и акценты, на которые было указано в статье ранее. Крайне важен подбор лексики при описании мира, который ждет американцев в будущем (например: a new vision, great schools, safe neighbourhoods, good jobs, protection, prosperity, strength, allegiance, to thrive, to prosper, glorious freedom и др.) и при описании образа мира, в котором они жили до наступления момента инаугурации (struggling families, trapped in poverty, deprived of all knowledge, unrealized potential, factories scattered like tombstones, sad depletion of our own military). Здесь стоит отметить не только противопоставления на уровне частей речи (great – poor, prosperity – depletion), но и на уровне стилистических средств, так как такие сравнения, как «like tombstones»

рисуют в воображении слушающего особые представления, при этом не несут никакой смысловой нагрузки, кроме воздействия на эмоции реципиента.

Таким образом, мы видим, что только две категории имеют отличия: временная и эмотивная. Если не учитывать категорию времени (которая, очевидно, будет отличной по причине того, что рассматриваются мир прошлого и мир будущего), то единственным значимым отличием является несоответствие эмпатического дейксиса двух противопоставленных миров. В таком случае возникает вопрос о прагматике данного публичного выступления, поскольку несмотря на то, что идея состоит в изменении, переходе из одного мира в другой, в создании «нового» мира, в сознании слушателя нет четкой прорисовки двух миров, автор делает упор на эмотивную составляющую, а не на более конкретную прорисовку границ «нового» мира со всех сторон.

Заключение

Проведенный анализ показал, что, во-первых, дейктические категории «входа» в художественный мир (или микромир), предложенные Д. Макинтайром (несмотря на то, что они разработаны для построения и анализа мира художественного текста) можно применить при исследовании мира, который формируется в сознании слушателя (или читателя), воспринимающего текст публичного выступления.

Во-вторых, при очерчивании контуров двух миров (мира прошлого и мира будущего), которые «рисует» автор, стоит заметить, что противопоставлена только эмотивная составляющая, другие категории (за исключением временного дейксиса, естественно) остаются неизменными. Таким образом, речь воздействует на эмоции слушателя посредством стилистических приемов, синтаксиса и выбора эмоционально-окрашенной лексики. Так, в сознании американца, воспринимающего данное СФЕ, должен создаваться эффект появления второго, «нового» мира, мира будущего. Когнитивное же моделирование этих двух противопоставлений помогает понять, что меняется только эмотивная составляющая, остальные категории изменениям не подвергаются, а следовательно, возникает вопрос о наличии «нового» мира. Это особенно актуально при ретроспективном взгляде на политическую ситуацию в США в сравнении с ситуацией на данном этапе развития страны.

Л и т е р а т у р а

1. Федюковский, А. А. Лексикология: электронный курс / А. А. Федюковский. – Санкт-Петербург : СПбУТУиЭ, 2018. – 152 с. – Текст : непосредственный.
2. Демидова, Е. Б. Стиль... стиль... стиль... / Е. Б. Демидова. – Москва : МПГУ, 2011. – 118 с. – Текст : непосредственный.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.
4. Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе. Автореф. дисс. докт. филол. н. – Екатеринбург, 2016. – Текст : непосредственный.
5. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 287 с. – Текст : непосредственный.
6. Серкин, В. П. Методы психосемантики: учебное пособие для студентов вузов / В. П. Серкин. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 207 с. – Текст : непосредственный.
7. Названова, И. А. Концепт «ирреальность» в семантическом пространстве русского языка: Автореф. дис... канд. фил. наук / И. А. Названова. – Таганрог, 2006. – 23 с. – Текст : непосредственный.
8. Semino, E. Language and World Creation in Poems and Other Texts / E. Semino. – Longman: London and New York, 1997. – 273 p. – Текст : непосредственный.
9. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. – Edinburgh University Press, 2007. – 193 p. – Текст : непосредственный.
10. Мухин, А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы / А. М. Мухин. – Ленинград : Наука, 1976. – 283 с. – Текст : непосредственный.

11. Инаугурационная речь Д. Трампа – Инаугурационная речь президента США Дональда Трампа
Режим доступа: <http://news-mail.by/2017/01/21/rech-trampa/> – Текст : электронный.

12. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с. – Текст : непосредственный.

13. Андреева, К. А. Введение в когнитивную поэтику: Учебное пособие / К. А. Андреева. – Тюмень : Вектор Бук, 2009. – 160 с. – Текст : непосредственный.

14. Полянская, Е. С. Фантастическое многомирие (на материале сопоставительного текстового анализа произведений Дж. К. Роулинг и А. М. Волкова). Автореф. дисс. канд. филол. н. – Тюмень, 2013. – Текст : непосредственный.

15. Пушмина, С. А. Текстовое многомирие и вход в него через ворота дискурса (на материале сопоставительного анализа текстов произведений Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Дж. Голсуорси «The Forsyte Saga»): Автореф... канд. фил. наук. Спец.: 10.02.20 / С. А. Пушмина. – Тюмень. – 2009. – 21 с. – Текст : непосредственный.

16. Полянская, Е. С. Фантастическое многомирие (на материале сопоставительного текстового анализа произведений Дж. К. Роулинг и А. М. Волкова) / Е. С. Полянская. – Тюмень, 2013. – Текст : непосредственный.

References

1. Fedyukovskij, A. A. Leksikologiya: elektronnyj kurs / A. A. Fedyukovskij. – Sankt-Peterburg : SPbUTUiE, 2018. – 152 s. – Текст : непосредственный.

2. Demidova, E. B. Stil'... stil'... stil'... / E. B. Demidova. – Moskva : MPGU, 2011. – 118 s. – Текст : непосредственный.

3. Makarov, M. L. Osnovy teorii diskursa / M. L. Makarov. – Moskva : ITDGK «Gnozis», 2003. – 280 s. – Текст : непосредственный.

4. Kushneruk, S. L. Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie v britanskoj i rossijskoj kommercheskoj reklame. Avtoref. diss. dokt. filol. n. – Ekaterinburg, 2016. – Текст : непосредственный.

5. Leont'ev, A. A. Osnovy psiholingvistiki / A. A. Leont'ev. – Sankt-Peterburg : Lan', 2003. – 287 s. – Текст : непосредственный.

6. Serkin, V. P. Metody psihosemantiki: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / V. P. Serkin. – Moskva : Aspekt Press, 2004. – 207 s. – Текст : непосредственный.

7. Nazvanova, I. A. Koncept «irreal'nost'» v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka: Avtoref. dis... kand. fil. nauk / I. A. Nazvanova. – Taganrog , 2006. – 23 s. – Текст : непосредственный.

8. Semino, E. Language and World Creation in Poems and Other Texts / E. Semino. – Longman: London and New York, 1997. – 273 p. – Текст : непосредственный.

9. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. – Edinburgh University Press, 2007. – 193 p. – Текст : непосредственный.

10. Muhin, A. M. Lingvisticheskij analiz. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy / A. M. Muhin. – Leningrad : Nauka, 1976. – 283 s. – Текст : непосредственный.

11. Inauguracijnaya rech' D. Trampa – Inauguracijnaya rech' prezidenta SSHA Donal'da Trampa
Rezhim dostupa: <http://news-mail.by/2017/01/21/rech-trampa/> – Текст : электронный.

12. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznyh let / M. M. Bahtin. – Moskva : Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s. – Текст : непосредственный.

13. Andreeva, K. A. Vvedenie v kognitivnuyu poetiku: Uchebnoe posobie / K. A. Andreeva. – Tyumen' : Vektor Buk, 2009. – 160 s. – Текст : непосредственный.

14. Polyanskaya, E. S. Fantasticheskoe mnogomirje (na materiale sopostavitel'nogo tekstovogo analiza proizvedenij Dzh. K. Rouling i A. M. Volkova). Avtoref. diss. kand. filol. n. – Tyumen', 2013. – Текст : непосредственный.

15. Pushmina, S. A. Tekstovoe mnogomirje i vhod v nego cherez vorota diskursa (na materiale sopostavitel'nogo analiza tekstov proizvedenij L. N. Tolstogo «Anna Karenina» i Dzh. Golsuorsi «The Forsyte Saga»): Avtoref... kand. fil. nauk. Spec.: 10.02.20 / S. A. Pushmina. – Tyumen'. – 2009. – 21 s. – Текст : непосредственный.

16. Polyanskaya, E. S. Fantasticheskoe mnogomirje (na materiale sopostavitel'nogo tekstovogo analiza proizvedenij Dzh. K. Rouling i A. M. Volkova) / E. S. Polyanskaya. – Tyumen', 2013. – Текст : непосредственный.

УДК 821.161.1

*И. О. Машенкова***Рецепция творчества С. А. Есенина в литературном и эпистолярном наследии братьев Левиных 1950–1951 гг.**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия
Биньхайский институт внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков,
г. Тяньцзинь, Китай

Аннотация. Статья связывает две из наиболее актуальных областей современного литературоведения: литературу русского зарубежья и современное есениноведение. В дополнение к публикациям американской русскоязычной прессы, введённых в научный оборот Н. И. Шубниковой-Гусевой, Н. М. Солобай, М. В. Скороходовым и Е. Ю. Коломийцевой, приведён аналитический обзор выявленных автором материалов, ранее не входивших в поле зрения исследователей. Эти материалы характеризуют рецепцию творчества С. А. Есенина русской эмиграцией в США в период возросшего интереса к нему в 1950–1951 гг. в связи с 25-летием со дня смерти поэта и критическими отзывами о нём со стороны И. А. Бунина. В качестве источника сведений рассматривается эпистолярное наследие представителей творческой части эмиграции, связанных с Есениным дружбой и сотрудничеством: поэта, журналиста, издателя Вениамина Михайловича Левина (1892–1953) и его брата, художника и поэта Иосифа Михайловича Левина (1894–1979), а также их рукописи и публикации. Среди них особый интерес представляет малоизвестная статья В. М. Левина «Два поэта», написанная в ответ на резкие антиесенинские публикации И. А. Бунина и опубликованная в литературно-художественном журнале «Дело». На основании анализа воспоминаний братьев Левиных отмечается их близкое родство с Есениным в духовных поисках и, как следствие, отражение христианской духовности Есенина в их творчестве. Обращается внимание на творческие параллели в произведениях Есенина и братьев Левиных и обосновывается предположение о творческом взаимовлиянии С. А. Есенина и В. М. Левина. На основании переписки братьев Левиных восстанавливается картина, сложившаяся в среде русской эмиграции в США в канун 25-й годовщины со дня гибели С. А. Есенина, и делается вывод о культурно-историческом значении выявленных материалов и о необходимости их дальнейшего исследования.

Ключевые слова: литературная рецепция, русское зарубежье, культура и литература русской Америки, проблемы творческого взаимодействия, творчество братьев Левиных, С. А. Есенин, И. А. Бунин, И. М. Левин, В. М. Левин, М. О. Цетлин (Амари), «Новый журнал», статья В. М. Левина «Два поэта».

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.006

МАШЕНКОВА Ирина Олеговна – аспирант Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, ассистент кафедры русского языка как иностранного, преподаватель Биньхайского института внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков, Китай.

E-mail: vladimirmuseum@rambler.ru

MASHENKOVA Irina Olegovna – Postgraduate at Derzhavin Tambov State University, Assistant of the Department of Russian as Foreign language at Derzhavin Tambov State University, teacher at Binhai School of Foreign Affairs of Tianjin Foreign Studies University, China.

I. O. Mashenkova

Reception of Works of S. A. Yesenin in the Literary and Epistolary Heritage of the Levin Brothers of 1950-1951

Tambov State University, Tambov, Russia

Binhai School of Foreign Affairs of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China

Abstract. The article connects two of the most relevant areas of modern literary studies – the literature of the Russian diaspora and modern Yesenin studies. In addition to the publications of the American Russian-language periodicals introduced into scientific circulation by N. I. Shubnikova-Guseva, N. M. Solobay, M. V. Skorokhodov and E. Yu. Kolomiytseva, it provides an analytical review of the materials identified by the author. These materials, which have never before come in the field of view of the researchers, characterize the way Russian emigration the United States perceived S. A. Yesenin's creativity during the period of the growth of interest in him in 1950-1951 associated with the 25th anniversary of his death and with critical reviews of his work and personality written by I. A. Bunin. As a source of information, we consider the epistolary heritage of the representatives of the creative part of the emigration associated with Yesenin by friendship and cooperation: the poet, journalist, publisher V. M. Levin (1892–1953) and his brother, the artist and poet I. M. Levin (1894–1979), as well as their manuscripts and articles. Among them, of particular interest is the little-known article by V. M. Levin "Two Poets", written in response to the harsh anti-Yesenin attacks of I. A. Bunin, and published in the literary and artistic magazine "Delo". Based on the analysis of the Levin brothers' memoirs, it is noted that they are closely related to Yesenin in their spiritual search and, as a result, they reflect Yesenin's Christian spirituality in their work. Attention is drawn to the creative parallels in the works of Yesenin and the Levin brothers, and the assumption about the creative mutual influence of S. A. Yesenin and V. M. Levin is substantiated. Based on the correspondence of the Levin brothers, the situation that developed among the Russian emigration in the United States on the eve of the 25th anniversary of the death of S. A. Yesenin is restored, and the conclusion is made about the cultural and historical significance of the newly identified materials and the need for their further research.

Keywords: literary reception, Russia abroad, culture and literature of Russian America, problems of creative interaction, creativity of the Levin brothers, S. A. Yesenin, I. A. Bunin, I. M. Levin, V. M. Levin, M. O. Tsetlyn (Amari), "The New Review", article "The Two Poets" [Dva poeta] by V. M. Levin.

Введение

Творческие и биографические связи С. А. Есенина с русской Америкой представляют несомненный интерес как для есениноведения, так и для истории русской эмиграции. Фундаментальным источником для изучения этих связей явился сборник эссе, очерков, рецензий и воспоминаний «Русское зарубежье о Есенине» (1993), составленный Н. И. Шубниковой-Гусевой. В начале XXI в. база источников расширилась благодаря исследованию Н. М. Солобай, которая проанализировала материалы русскоязычной американской периодики, хранящейся в отечественных библиотеках и архивах (РГБ, ИНИОН, ГАРФ, ГПИБ, ГОПБ) [1]. Неоценимый вклад в изучение темы внесли М. В. Скороходов и Е. Ю. Коломийцева, в 2013–2015 гг. выявившие и изучившие многочисленные документальные материалы в Публичной библиотеке Нью-Йорка, в фондах Бахметевского архива Колумбийского университета, библиотеках

Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, в фондах Гуверовского института войны, мира и революции Стэнфордского университета. Наиболее ценные из этих материалов уже введены в научный оборот [2–4].

Принципиальное значение имеют публикации периода взрыва интереса русского зарубежья к Есенину, связанного с 25-й годовщиной его смерти. О трагической гибели поэта помнили многие. Как замечает М. В. Скороходов, «25-летие со дня гибели стало более значимой для поминовения поэта датой, чем приходившееся на 3 октября того же 1950 года 55-летие со дня его рождения» [3, с. 10]. Важным свидетельством внимания к творчеству Есенина представляется подготовленная Скороходовым и Коломийцевой републикация в «Современном есениноведении» текстов из нью-йоркской русскоязычной газеты «Новое русское слово» к 25-летию со дня смерти Есенина [3]. Среди них – статья «О творчестве Есенина» за подписью «К. С.», сообщающая о есенинском вечере, устроенном Обществом Приехавших из Европы, с докладом М. Л. Слонима и о предстоящем обсуждении темы борьбы советской власти против «есенинщины» [5]. Скороходов и Коломийцева обращают внимание на то, что организаторы этого вечера были представителями второй волны эмиграции, которым творчество Есенина было знакомо ещё в годы жизни в СССР и которые не утратили к нему интереса, оказавшись в Америке. В следующем месяце «Новое русское слово» публикует статью Г. В. Адамовича «К спорам о Есенине», в которой констатируется неоднозначность восприятия Есенина в среде русской эмиграции; в частности, упоминается книга И. А. Бунина «Воспоминания». Адамович осторожен в оценке творчества Есенина, полагая, что обе спорящие стороны потеряли чувство меры. При этом он признаёт в поэзии Есенина «прелесть незабываемую, неотразимую» [6]. В то же время Г. Александров в статье «Свет и тени в творчестве Есенина (К двадцатипятилетию со дня смерти поэта)» совершенно определённо занимает в указанной полемике сторону защиты, обвиняя критиков поэта в формализме: «Критический трафарет и шаблон неуместен и невозможен в подходе к оценке творчества Есенина. И по тематике, и по слогу, а ещё более по способу интерпретации своих внутренних переживаний Есенин самый оригинальный поэт, и не только в русском масштабе» [7]. Здесь стоит упомянуть и вызвавшую резкую ответную реакцию Бунина статью Александрова «Памяти Есенина» [8].

Сформировавшаяся таким образом база источников даёт представление о восприятии творчества и личности Есенина русской эмиграцией в Америке. Однако в настоящее время удалось выявить новые материалы, которые дополняют эту картину. Это переписка и рукописи братьев В. М. и И. М. Левиных и статья В. М. Левина «Два поэта», опубликованная в журнале «Дело» [9].

Творческое взаимодействие С. А. Есенина и братьев Левиных

Поэт и журналист В. М. Левин (1892–1953) был одним из тех русских эмигрантов, для которых Есенин, по выражению Шубниковой-Гусевой, был частью жизни, «частью прошедшей в России молодости» [10, с. 5]. Причин тому много: его личное знакомство с поэтом, дружба семьями (Левин был женат на З. В. Гейман, подруге З. Н. Райх), сотрудничество в Москве, где Левин, исполняя обязанности выпускающего редактора газеты «Знамя труда», публиковал произведения Есенина [11], встречи в Америке и планы совместной издательской деятельности. Солобай сообщает об анонсируемом в газете «Новое русское слово» (сентябрь–ноябрь 1923) совместном издании ежемесячного альманаха «Three in One» [1, с. 416], где в составе участников вместе с Есениным упоминаются и братья Левины. В. М. Левин отмечен в списке участников дважды – под настоящим именем и под литературным псевдонимом (В. Мечтатель). Он вспоминал о том, как обсуждал с Есениным в Нью-Йорке идею организации совместного издательства под лозунгом «Вся власть – поэтам!» [10, с. 239], и вероятно, издание «Three in One» было попыткой в какой-то мере возродить эти планы – попыткой, скорее всего, безуспешной, поскольку следов этого альманаха найти не удалось [1, с. 416].

В. М. Левин был свидетелем инцидента, произошедшего с Есениным в Бронксе, он наиболее объективно и достоверно описал эти события и до конца жизни защищал Есенина от нападок идеологов и критиков всех мастей. Есенин-поэт был ему так же близок и дорог, как Есенин-товарищ. Статьи Левина, посвящённые творчеству Есенина, публиковались в Харбине в газете «Новости», в Нью-Йорке в «Новом русском слове», а также в Париже в «Русской мысли», уже после смерти автора. В творчестве Есенина Левин выделял прежде всего духовную составляющую, искал параллели с библейскими темами, характерные для его собственного творчества. Духовное и творческое родство Есенина и Левина, анализу которого посвятил исследование В. П. Середа [12], говорит в пользу предположения Шубниковой-Гусевой о том, что в результате общения с Левиным Есенин внёс изменения в сюжет «Страны Негодяев» и ввёл в поэму нового главного персонажа – Никандра Рассветова. Прототипом Рассветова стал председатель правительства Дальневосточной республики А. М. Краснощёков, с которым Левин и Гейман общались в ДВР в 1921 году [13-14]. Таким образом, есть основания говорить о взаимном влиянии, выраженном в творчестве Есенина и Левина.

Увлечённость В. М. Левина творчеством Есенина разделял его младший брат И. М. Левин (1894–1979), художник и писатель, который лично был знаком с поэтом и не только перенёс его эстетические идеи на своё литературное творчество, но и воплотил их в своей художественной концепции сюрреализма [15]. Братья Левины рассматривали творчество Есенина как важнейшую составляющую русской культуры, которую они стремились сохранить в эмиграции. Подтверждение этому можно найти в их переписке, содержащей ценные сведения о жизни творческой русской эмиграции в Америке. Среди персон, упоминающихся в письмах, – писатели и поэты И. В. Елагин и его отец Венедикт Март, С. И. Гусев-Оренбургский, Ю. П. Иваск, Х. П. Кроткова, Р. М. Акульшин, С. С. Максимов, издатели М. О. Цетлин, основатель «Нового журнала», и его преемник М. М. Карпович, художники, галеристы В. А. Издебский, Б. Мирский и др.

Таким образом, И. М. и В. М. Левины взаимодействовали с Есениным и в издательской, и в творческой деятельности. В литературном и изобразительно-художественном творчестве братьев Левиных отчётливо прослеживаются есенинские образы и концепции. В то же время можно утверждать, что общение с В. М. Левиным оказало определённое влияние на творчество Есенина.

Переписка братьев Левиных 1950–1951 гг.

Письма 1950–1951 гг. отражают интерес русской эмиграции к личности и творчеству Есенина накануне 25-й годовщины его гибели. О подготовке к памятным событиям свидетельствует набросок выступления, сохранившийся в архиве И. М. Левина. Он перечисляет автобиографические эпизоды, связанные с Есениным и его окружением:

«Первая встреча с С. А. Есениным – 1918 г.

Знакомство с В. Мейерхольдом и З. Райх на даче под Москвой.

Визит к В. Э. Мейерхольду, встреча с родителями З. Райх, с Танечкой и Котиком (Татьяна и Константин – дети З. Н. Райх и С. А. Есенина. – [И. М.].

Вторая встреча с С. Есениным в “Стойле Пегаса”.

На балетном вечере А. Дункан и знакомство с нею.

Суд над С. Есениным в Союзе писателей.

Свидание С. Есенина с Райх у З. Гейман.

Смерть и похороны С. А. Есенина» [16].

Сохранилось также начало выступления, позже включённое Левиным в статью «Сергей Есенин» [17]: «С Есениным я познакомился в Москве в 1918 г., летом у В. М. Левина. <...> ...Я встретился вновь с поэтом только в 1923 году, в Москве, в “Стойле Пегаса”, кабаре им самим созданном. К этому времени С. А. побывал в Париже и в Америке вместе с Айседорой Дункан, которая стала его женой. Это был уже другой Есенин, в американском

костюме, сильно напудренный, глаза голубые значительно выцвели, лён его волос уже не отливал той деревенской свежестью, лицо было усталое, со следами бессонных ночей. Побеседовав об Америке и об общих знакомых, мы условились встретиться там же, чтобы начать его портрет» [18]. Из дальнейших воспоминаний Левина известно, что сеанс позирования неоднократно откладывался из-за поклонников и приятелей, постоянно осаждавших Есенина. Единственный раз Левину удалось запечатлеть Есенина – на смертном одре [19, с. 360–371].

Заслуживает внимания и стихотворение «Всё пройдёт...», обнаруженное в рукописях И. М. Левина с посвящением Есенину, в котором знакомые есенинские слова, сочетаясь с библейскими мотивами, совершенно явно отсылают к книге Екклесиаста и посланиям апостолов Иоанна и Павла (Еккл. 1:4, 1 Иоан. 2:17, 1 Кор. 7:31), где открывается преходящая сущность земного мира:

Этих стен, потолков перекладины,
Книжных полок картинный плен,
И что люди веками сладили,
Всё пройдёт, как ненужный тлен.

Но сильна ещё хмельная брага,
Лихорадит она глаза,
Каждодневная передряга.
За углом сизый смрад гаража.

И подходит она мелкой дрожью,
Под ногами качая полы,
Даже волос без воли Божьей
Не слетит с моей головы.

И знакомой поступью в дверь
Дни торопятся точно спицы,
Скрежеща, как израненный зверь,
Вся в огне летит колесница.

И меняют только тона,
Бесконечна цепь перемен,
А квадраты окон, потолка,
Ежедневно мой тихий плен.

«Всё пройдёт...», как ненужный тлен,
За углом сизый смрад гаража,
Книжных полок картинный плен
Лихорадит мои глаза [20].

При сопоставлении этого стихотворения со стихотворением Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» обнаруживается последовательное соотношение угнетающих урбанистических образов с есенинскими образами природы: «с белых яблонь дым» – «сизый смрад гаража»; «страна берёзового ситца» – «стен, потолков перекладины, книжных полок картинный плен»; «Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне» – «Скрежеща, словно раненый зверь, вся в огне летит колесница». Заключительные строфы обоих стихотворений объединены идеей тленности: «Все мы, все мы в этом тленны» – «“Всё пройдёт...” как ненужный тлен». Однако стихотворение

Есенина совершенно определённо завершается этой идеей, в то время как Левин закольцовывает стихотворение, составляя последнюю строфу из стихов первой и второй строф. У Есенина – тленность живого мира, конечность земной жизни; у Левина – бесконечная суетность мира, созданного человеком. Таким образом, Левин перевёл стихотворение Есенина на язык современной ему русской Америки, сохранив при этом его библейский подтекст. Можно с уверенностью предположить, что стихотворение, посвящённое Есенину, должно было публично прозвучать в дни поминовения поэта.

Выступление И. М. Левина должно было состояться на вечере памяти Есенина в Нью-Йорке у М. С. Цетлиной, вдовы писателя, критика, издателя М. О. Цетлина (Амари), посвятившего творчеству Есенина значительный ряд статей и рецензий. Цетлина была знакома как с Есениным, посещавшим её литературные салоны в Москве в 1917–1918 гг., так и с братьями Левиными. Её имя постоянно упоминается в переписке Левиных: И. М. Левин выступает с чтением своих стихов на вечере у Цетлиной [21]. В. М. Левин хлопочет о публикации в «Новом журнале» поэмы И. М. Левина «Чёрный Гость» и сообщает брату о безрезультатности обращения к Цетлиной по этому вопросу: «Разве я тебе не писал, что в письме к Цетлин писал о необходимости в Нов<ом> Журн<але> отметить 25-летие кончины Есенина “Чёрным Гостем”»? Если вещь кончена – предложи её редактору. Мар<ия> Сам<ойловна> мне ничего на это не ответила. Я тебе уже говорил, что думаю, что она не имеет никакого влияния на журнал» [22]. В названии поэмы И. М. Левина – очевидная аллюзия на «Чёрного человека» Есенина. В переписке с братом И. М. Левин делится идеями, которые хочет воплотить в «Чёрном Госте», сообщает, что «вероятно, поэма разрастётся и будет большая». В. М. Левин был очень заинтересован в издании поэмы. Предполагая, что её не удастся опубликовать в «Новом журнале», он предлагает брату совместными усилиями издать сборник памяти Есенина. И. М. Левин отправлялся во Францию с выставкой своих картин, и В. М. Левин надеялся к нему присоединиться и воплотить их общий замысел в Европе: «Если я поеду в Европу – может быть, издадим сами сборник памяти Есенина» [22]. Однако планам В. М. Левина о поездке в Европу и издании сборника из-за нехватки денег не суждено было сбыться.

О публикации поэмы И. М. Левина «Чёрный Гость» сведений нет. В 1966 г. И. М. Левин опубликовал поэтический сборник «Улов», в который вошла поэма «Человек в цилиндре», посвящённая памяти Есенина и проиллюстрированная посмертным портретом Есенина. «Человек в цилиндре» датирован в сборнике 1949 г., то есть годом раньше упоминания в переписке «Чёрного гостя». Есть основания предполагать, что Левин изменил название и дату создания поэмы, поскольку «Человек в цилиндре» в письмах братьев Левиных не упоминался. «Человек в цилиндре» представляет интерес как своеобразная рецепция есенинского «Чёрного человека» сквозь призму личных дружеских отношений с Есениным:

Раз бродили с ним по Москве,
снег навален с боков террасами,
на какой-то кривой версте
завернули в «Стойло Пегаса».
И в дыму под стук кастаньет
он читает «Москву кабацкую»,
был во фрак и цилиндр одет,
под манеру одну залихватскую [23, с. 19].

Вполне закономерно появление образа «чёрного гостя» в поэме:

Сквозь больничные толстые стены
Вновь к нему приходил «чёрный гость»...

<...>

Страшный гость его брал за плечи
 И шептал своим чёрным ртом:
 «Это ты себя сам покалечил
 И жизнь превратил в содом» [23, с. 21]

Особого внимания заслуживает трактовка И. М. Левиным его образа «чёрного гостя»: «Революция – Чёрный гость. Это и есть основная тема моей поэмы» [24]. Это не что иное, как рецепция есенинского образа «Чёрного человека» в новом, неожиданном ключе, которая имеет достаточно оснований – так же, как и отображённые И. М. Левиным в пьесе «Моисей» (1971) ветхозаветные реминисценции драматической поэмы Есенина «Пугачёв» [25].

Изложенная информация получена из писем братьев Левиных 1950–1951 гг., которые демонстрируют как их духовную близость, так и горячую заинтересованность в сохранении памяти о Есенине и утверждении значения его творчества в культуре Русской Америки.

Статья В. М. Левина «Два поэта»

Рассуждения о «чёрном человеке», которыми обменивались в переписке братья Левины, отразились и в статье В. М. Левина «Два поэта». История создания этой статьи также заслуживает внимания. Как уже отмечалось, в конце 1950 г. в газете «Новое русское слово» появляется ряд статей о Есенине как дань памяти поэту в канун печальной годовщины и как реакция на вышедшие в Париже «Воспоминания» И. А. Бунина, часть которых («Автобиографические заметки») годом ранее была опубликована в том же «Новом русском слове». Пренебрежительная оценка Буниным личности и творчества Есенина, высказанная им в 1921 г. [26], к 1950 г. эволюционировала в крайне негативную и распространялась на всех, кто ей противоречил.

В. М. Левин, который, по его собственному выражению, «бережно нёс Есенина в себе, несмотря на все изменчивости его судьбы» [10, с. 234], счёл необходимым выступить в защиту покойного друга. Он пишет статью и предлагает её редактору «Нового журнала» М. М. Карповичу, однако он отказывает в публикации, не желая конфликтовать с Буниным – не только великим писателем, но и старым больным человеком. Действительно, лишь после смерти Бунина в 1961 г., когда редакцию «Нового журнала» возглавил Р. Б. Гуль, был опубликован первый полемический материал – воспоминания секретаря Бунина А. Седых о конфликтах и разногласиях, которые возникали у них по поводу Есенина [27]. В. М. Левин 22 декабря 1950 г. сообщает брату: «Мою статью “Два поэта” о Бунине и Есенине Карпович не принял потому, что “это будет обидно для Бунина”» [28].

Однако в это время в Сан-Франциско издатель М. Н. Иваницкий начинает подготовку нового литературно-художественного издания «Дело». С ним активно сотрудничает Р. М. Акульшин (Р. Берёзов), давний знакомый Левиных. Он передаёт статью для публикации в «Деле». В. М. Левин сообщает брату: «Я её переслал Родиону для “Дела” – они там приняли её, написали мне, что она “блестящая”, но хотят поместить её “в следующем номере”, сделав об ней анонс в номере 1-м и она будет якобы “как украшение номера”» [28]. В то же время и Бунин предпринимает попытку опубликовать в «Деле» анти-есенинскую статью «Мы не позволим». Акульшин сообщает об этой попытке С. К. Маковскому: «Бунин, вероятно, хочет, чтобы мы вычеркнули из поэзии Есенина, чтобы даже не упоминали о нём. А мы не можем этого сделать. Мы не хотели начинать журнал с ругани, хотя бы в угоду Великих. Наш принцип: единение, дружба» [29].

Показательно, что статья В. М. Левина «Два поэта» полностью соответствует принципу «Дела», сформулированному Акульшиным. Защищая Есенина, Левин

с глубоким почтением пишет о творчестве Бунина: «Не всякому одинаково даётся тайна слова – дар пророка: для этого надо удостоиться или просто попасть в число тех, на кого излилась милость Божия. Тогда речь льётся плавно, точно Днепр у Гоголя... К этому гоголевскому образу относится словесное творчество Бунина» [9, с. 76]. Название статьи «Два поэта» указывает на равную степень признания автором поэтического таланта Бунина и Есенина. По оценке Левина, этих двух великих поэтов объединяет чуткое и бережное отношение к речи: «Ответственность и чувство её одинаковы у всех, кто подходит к слову с трепетом, кто им живёт по-настоящему и кто пользуется им не для бряцания только» [9, с. 76].

Оба поэта близки Левину своим христианским мировоззрением, и сам он, придя к православию после сложных многолетних духовных исканий, восстаёт против главного тезиса Бунина – обвинения Есенина в безбожии. Язык, которым написана статья, – это язык проповеди, насыщенный библейскими образами, доносящий главную идею: «Не судите, да не судимы будете». По мнению Левина, путь Есенина – это мучительный путь к покаянию, и поэма «Чёрный человек» – это суд Есенина над самим собой. «И он вынес себе последний приговор... – пишет Левин. – Защитник на суде отсутствовал» [9, с. 86]. Ответственность за трагедию Левин разделяет со всеми современниками и соотечественниками: «Несчастье в том, что мы отошли от “не судите”, и несчастье второе в том, что, пытаясь лечь “под иконы” в поисках “веры в благодать”, Есенину не к кому было преклонить голову, не оказалось своей норы, куда можно было бы забраться и отлежаться без страха травли охотников за душами поэтов» [9, с. 86]. Левин не только отвечает на вопрос Бунина: «За что русская эмиграция всё ему простила?», он признаёт и ценность, и своевременность этого вопроса: «Не следует ожесточаться на резкие слова Бунина о Есенине – он имеет право на их произнесение, чтобы мы пересмотрели в себе то, что замолчали и предали забвению» [9, с. 86].

Вскоре после выхода статьи В. М. Левин сообщает брату о письме, полученном Акульшиным, который оказывал содействие в публикации: «<Бунин> написал Родиону жутко-ругательное письмо, где кроет вместе с ним и Есенина с Дункан. Родион прислал мне копию... Письмо это, в связи с моей статьёй “Два Поэта”, вероятно, будет иметь последствия. И нельзя никуда укрыться, придётся принимать бой по вопросу о “есениновщине”, котор<ый> выдвинул Бунин» [30]. «Бой» оказался недолгим. Через два года И. А. Бунина не стало. В тот же год умер и В. М. Левин. В книге Дж. Глэда «Russia Abroad» их имена стоят рядом в списке потерь русской эмигрантской культуры за 1953 г. [31].

И. М. Левин прожил ещё четверть века. Он издал книгу своих стихов, три романа, пьесу, а также поэтический сборник старшего брата «Лик сокровенный» и собирался опубликовать задуманную В. М. Левиным книгу о Есенине, однако не успел. Собранные автором статьи и В. П. Середой материалы из русской эмигрантской прессы, фондов Литературно-художественного музея С. Н. Денисова (Тамбов), ГАРФ и в значительной степени из переданного нам дочерью В. М. Левина семейного архива позволили в 2016 г. осуществить замысел братьев Левиных и издать сборник их произведений «О Есенине и о себе» [31].

Статья В. М. Левина «Два поэта», которую следует рассматривать в первую очередь как попытку осмысления духовной составляющей творчества Есенина, в совокупности с остальными произведениями братьев Левиных, посвящённых Есенину, представляет разностороннюю характеристику личности и творчества поэта, составленную на основе впечатлений от личного общения с ним и в не меньшей степени – на основе глубокого осмысления его произведений.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть значение выявленного материала как нового источника для изучения творческих и биографических взаимоотношений Есенина

и русской эмиграции в Америке. Творчество И. М. и В. М. Левиных отражает их рецепцию есенинских образов в христианском аспекте, на основе которой они строили убедительные доводы, выступая против обвинений Бунина в адрес Есенина. Личная переписка братьев Левиных содержит неоспоримые свидетельства возросшего внимания и уважения к памяти и творчеству великого поэта в среде русской эмиграции в конце 1950–начале 1951 гг. Вместе с тем следует отметить, что информационный потенциал творческого и эпистолярного наследия братьев Левиных далеко ещё не исчерпан. Анализ их произведений, равно как и выявление биографических и творческих связей в их переписке, позволит полнее и ярче воссоздать страницы истории и культуры России в изгнании.

Л и т е р а т у р а

1. Солобай, Н. М. Есенин в Америке (По материалам американской периодики) / Н. М. Солобай // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: сборник научных трудов. – Рязань : Пресса, 2006. – С. 413–419. – Текст : непосредственный.
2. Скороходов, М. В. Прибытие С. А. Есенина и А. Дункан в Америку (по архивным материалам) / М. В. Скороходов. – Текст : непосредственный // Современное есениноведение. – 2013. – № 27. – С. 16–23.
3. Скороходов, М. В. Есениниана русского зарубежья: эмигрантская газета «Новое русское слово» – к 25-летию со дня смерти Есенина / М. В. Скороходов, Е. Ю. Коломийцева. – Текст : непосредственный // Современное есениноведение. – 2015. – № 4 (35). – С. 10–20.
4. Скороходов М. В., Коломийцева Е. Ю. Нью-йоркская газета «Русский голос» (1922–1923) о С. А. Есенине и А. Дункан / М. В. Скороходов, Е. Ю. Коломийцева. – Текст : непосредственный // Современное есениноведение. – 2016. – № 1 (36). – С. 17–26.
5. К. С. О творчестве Есенина // Новое русское слово. – 1950. – 6 ноября. – № 14073. – Текст : непосредственный.
6. Адамович, Г. В. К спорам о Есенине / Г. В. Адамович. – Текст : непосредственный // Новое русское слово. – 1950. – 17 декабря. – № 14114.
7. Александров, Г. Свет и тени в творчестве Есенина (К двадцатипятилетию со дня смерти поэта) / Г. Александров. – Текст : непосредственный // Новое русское слово. – 1950. – 30 декабря. – № 14127.
8. Александров, Г. Памяти Есенина / Г. Александров. – Текст : непосредственный // Новое русское слово. – 1950. – 27 октября. – № 14063.
9. Левин В. М. Два поэта / В. М. Левин. – Текст : непосредственный // Дело. – 1952. – № 2.
10. Русское зарубежье о Сергее Есенине / составитель, вступительная статья, комментарии Н. Шубниковой-Гусевой. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 544 с. – Текст : непосредственный.
11. Машенкова, И. О. Издательская деятельность В. М. Левина: взаимодействие с С. А. Есениным / И. О. Машенкова // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник научных трудов / под научным редакторством Н. Ю. Желтовой. – Тамбов : Принт Сервис, 2019. – С. 217–220. – Текст : непосредственный.
12. Середа, В. П. Вениамин Левин о духовных исканиях Сергея Есенина и собственном духовном опыте // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: сборник научных трудов / В. П. Середа. – Москва – Константиново – Рязань : ГМЗ С. А. Есенина, 2017. – С. 618–625. – Текст : непосредственный.
13. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / С. А. Есенин / главный редактор Ю. Л. Прокушев. Т. 3 / научные редакторы Л. Д. Громова, С. П. Кошечкин; составитель, комментарии Н. И. Шубниковой-Гусевой. – Москва : Наука; Голос, 1998. – 720 с. – Текст : непосредственный.
14. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. Т. 3. Кн. 2. / главный редактор А. Н. Захаров. – Москва : ИМЛИ РАН, 2008. – 572 с. – Текст : непосредственный.
15. Машенкова И. О. «Трактат о сюрконсыансиллизме» И. М. Левина как эстетическая интерпрета-

ция «Ключей Марии» С. А. Есенина / И. О. Машенкова. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 1. – № 4 (30). – С. 20–29.

16. Левин, И. М. План выступления. Рукопись. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

17. Левин, И. М. Сергей Есенин / И. М. Левин. – Текст : непосредственный // Новая заря. – 1963. – 19 октября.

18. Левин, И. М. Встреча с Есениным. Рукопись. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

19. Серeda, В. П. Сергей Есенин и Иосиф Левин. Сергей Есенин: диалог с XXI веком: сборник научных трудов / В. П. Серeda. – Москва – Константиново – Рязань: б. и., 2011. – С. 360-371. – Текст : непосредственный.

20. Левин, И. М. Всё пройдёт... Рукопись. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

21. Левин, В. М. Письмо И. М. Левину. 1950. 20 марта. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

22. Левин, В. М. Письмо И. М. Левину. 1950. 19 апреля. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

23. Левин, И. М. Улов / В. М. Левин. – Нью-Йорк – Париж: Гриф, 1966. – 128 с. – Текст : непосредственный.

24. Левин В. М. Письмо И. М. Левину. 1950. 19 апреля. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

25. Машенкова, И. О. Влияние ветхозаветных реминисценций в драматической поэме С. А. Есенина «Пугачёв» на художественно-философскую систему пьесы И. М. Левина «Моисей» / И. О. Машенкова. – Текст : непосредственный // Неофилология. – 2021. – Т. 7. – № 25. – С. 18–24.

26. Бунин, И. А. Страна неограниченных возможностей / И. А. Бунин. – Текст : непосредственный // Огни. – 1921. – 8 августа. – №1.

27. Седых, А. И. А. Бунин / А. Седых. – Текст : непосредственный // Новый журнал. – 1961. – № 65. – С. 151-197.

28. Левин, В. М. Письмо И. М. Левину. 1950. 22 декабря. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

29. Акульшин, Р. М. Письмо С. К. Маковскому 1 февраля 1951 г. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 149. – Текст : непосредственный.

30. Левин В. М. Письмо И. М. Левину. 1951. 31 марта. Из архива В. П. Середы и И. О. Машенковой.

31. Glad J. Russia abroad: Writers, history, politics / forew. by Victor Terras. – Tenafly (N. J.): Hermitage, Washington: Birchbark press, 1999. – 736 p.

32. Левин, В. М. О Есенине и о себе / В. М. Левин, И. М. Левин / составители В. П. Серeda, И. О. Машенкова. – Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2016. – 370 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Solobaj, N. M. Esenin v Amerike (Po materialam amerikanskoj periodiki) / N. M. Solobaj // Eseninskaya enciklopediya: koncepciya. Problemy. Perspektivy: sbornik nauchnyh trudov. – Ryazan' : Pressa, 2006. – S. 413-419. – Текст : neposredstvennyj.

2. Skorohodov, M. V. Pribytie S. A. Esenina i A. Dulkan v Ameriku (po arhivnym materialam) / M. V. Skorohodov. – Текст : neposredstvennyj // Sovremennoe eseninovedenie. – 2013. – № 27. – S. 16–23.

3. Skorohodov, M. V. Eseniniana russkogo zarubezh'ya: emigrantskaya gazeta «Novoe russkoe slovo» – k 25-letiyu so dnya smerti Esenina / M. V. Skorohodov, E. Yu. Kolomijceva. – Текст : neposredstvennyj // Sovremennoe eseninovedenie. – 2015. – № 4 (35). – S. 10–20.

4. Skorohodov M. V., Kolomijceva E. YU. N'yu-jorkskaya gazeta «Russkij golos» (1922–1923) o S. A. Esenine i A. Dulkan / M. V. Skorohodov, E. Yu. Kolomijceva. – Текст : neposredstvennyj // Sovremennoe eseninovedenie. – 2016. – № 1 (36). – S. 17–26.

5. K. S. O tvorchestve Esenina // Novoe russkoe slovo. – 1950. – 6 noyabrya. – № 14073. – Текст : neposredstvennyj.

6. Adamovich, G. V. K sporam o Esenine / G. V. Adamovich. – Текст : neposredstvennyj // Novoe russkoe slovo. – 1950. – 17 dekabrya. – № 14114.

7. Aleksandrov, G. Svet i teni v tvorchestve Esenina (K dvadcatipyatiletyu so dnya smerti poeta) / G. Aleksandrov. – Текст : neposredstvennyj // Novoe russkoe slovo. – 1950. – 30 dekabrya. – № 14127.

8. Aleksandrov, G. Pamyati Esenina / G. Aleksandrov. – Текст : neposredstvennyj // Novoe russkoe slovo. – 1950. – 27 oktyabrya. – № 14063.

9. Levin V. M. Dva poeta / V. M. Levin. – Tekst : neposredstvennyj // Delo. – 1952. – № 2.
10. Russkoe zarubezh'e o Sergee Esenine / sostavitel', vstupitel'naya stat'ya, komentarii N. SHubnikovoj-Gusevoj. – Moskva : TERRA – Knizhnyj klub, 2007. – 544 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Mashenkova, I. O. Izdatel'skaya deyatel'nost' V. M. Levina: vzaimodejstvie s S. A. Eseninym / I. O. Mashenkova // Slavjanskij mir: duhovnye tradicii i slovesnost': sbornik nauchnyh trudov / pod nauchnym redaktorstvom N. Yu. Zheltovoj. – Tambov : Print Servis, 2019. – S. 217–220. – Tekst : neposredstvennyj.
12. Sereda, V. P. Veniamin Levin o duhovnyh iskaniyah Sergeya Esenina i sobstvennom duhovnom opyte // Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Epoha: sbornik nauchnyh trudov / V. P. Sereda. – Moskva – Konstantinovo – Ryazan' : GMZ S. A. Esenina, 2017. – S. 618–625. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Esenin, S. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. / S. A. Esenin / glavnyj redaktor Yu. L. Prokushev. T. 3 / nauchnye redaktory L. D. Gromova, S. P. Koshechkin; sostavitel', komentarii N. I. SHubnikovoj-Gusevoj. – Moskva : Nauka; Golos, 1998. – 720 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Letopis' zhizni i tvorcestva S. A. Esenina: v 5 t. T. 3. Kn. 2. / glavnyj redaktor A. N. Zaharov. – Moskva : IMLI RAN, 2008. – 572 s. – Tekst : neposredstvennyj.
15. Mashenkova I. O. «Traktat o syurkons'yansilizme» I. M. Levina kak esteticheskaya interpretaciya «Klyuchej Marii» S. A. Esenina / I. O. Mashenkova. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. – 2019. – T. 1. – № 4 (30). – S. 20–29.
16. Levin, I. M. Plan vystupleniya. Rukopis'. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
17. Levin, I. M. Sergej Esenin / I. M. Levin. – Tekst : neposredstvennyj // Novaya zarya. – 1963. – 19 oktyabrya.
18. Levin, I. M. Vstrecha s Eseninym. Rukopis'. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
19. Sereda, V. P. Sergej Esenin i Iosif Levin. Sergej Esenin: dialog s XXI vekom: sbornik nauchnyh trudov / V. P. Sereda. – Moskva – Konstantinovo – Ryazan': b. i., 2011. – S. 360–371. – Tekst : neposredstvennyj.
20. Levin, I. M. Vsyo projdyot... Rukopis'. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
21. Levin, V. M. Pis'mo I. M. Levinu. 1950. 20 marta. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
22. Levin, V. M. Pis'mo I. M. Levinu. 1950. 19 aprelya. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
23. Levin, I. M. Ulov / V. M. Levin. – N'yu-Jork – Parizh: Grif, 1966. – 128 s. – Tekst : neposredstvennyj.
24. Levin V. M. Pis'mo I. M. Levinu. 1950. 19 aprelya. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
25. Mashenkova, I. O. Vliyanie vethozavetnyh reminiscencij v dramaticheskoy poeme S. A. Esenina «Pugachyov» na hudozhestvenno-filosofskuyu sistemu p'esy I. M. Levina «Moisej» / I. O. Mashenkova. – Tekst : neposredstvennyj // Neofilologiya. – 2021. – T. 7. – № 25. – S. 18–24.
26. Bunin, I. A. Strana neogranichennyh vozmozhnostej / I. A. Bunin. – Tekst : neposredstvennyj // Ogni. – 1921. – 8 avgusta. – №1.
27. Sedyh, A. I. A. Bunin / A. Sedyh. – Tekst : neposredstvennyj // Novyj zhurnal. – 1961. – № 65. – S. 151–197.
28. Levin, V. M. Pis'mo I. M. Levinu. 1950. 22 dekabrya. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
29. Akul'shin, R. M. Pis'mo S. K. Makovskomu 1 fevralya 1951 g. RGALI. F. 2512. Op. 1. Ed. hr. 149. – Tekst : neposredstvennyj.
30. Levin V. M. Pis'mo I. M. Levinu. 1951. 31 marta. Iz arhiva V. P. Seredy i I. O. Mashenkovoj.
31. Glad J. Russia abroad: Writers, history, politics / forew. by Victor Terras. – Tenafly (N. J.): Hermitage, Washington: Birchbark press, 1999. – 736 p.
32. Levin, V. M. O Esenine i o sebe / V. M. Levin, I. M. Levin / sostaviteli V. P. Sereda, I. O. Mashenkova. – Tambov: Studiya pechati Galiny Zolotovoj, 2016. – 370 s. – Tekst : neposredstvennyj.

С. Е. Ноева (Карманова)

Особенности поэтики и структуры городского текста в якутском геокультурном ландшафте

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. Попытка формирования методологии анализа якутского городского текста на основе художественного материала якутской прозы XX в., который достаточно оригинален по причине аутентичности и содержательности объекта исследования – самого северного, далекого и холодного города Якутска – включается в одну из актуальных проблем российского литературоведения последних лет – исследованиям локального текста. Концептуально данная работа опирается на научные взгляды о локальных текстах, которые по своей сути понимаются намного шире городских, предполагая, на наш взгляд, помимо городского текста также включение и «аласного» текста, и лиминального мира дороги, создающих художественные модели пространства, дополняющие, примыкающие в единый якутский текст. Цель статьи – определение геокультурного ландшафта Якутска как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира. Актуальность статьи продиктована необходимостью исследования неизученной в якутской науке темы – локального городского текста. Научная новизна статьи очевидна: осмысление города как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью и объединенных в единую художественную систему, в качестве самостоятельного исследования не предпринималось. Особую, претендующую на новизну, трактовку получает также в контексте данной статьи категория перевернутости, обосновывающая художественную организацию всего якутского мира. Изучение геопоэтического ландшафта Якутска, не получившее по сей день детальной разработки в якутском литературоведении, аргументируется идеей о городе как структуре, состоящей из нескольких моделей якутского городского текста: торгового Якутска в произведениях писателей начала столетия; счастливого Якутска (Дьоллоох Дьокуускай) в 1950-1980-х гг.; города-тюрьмы в конце 1990-х гг. XX в. Выводы, обозначенные в статье, могут быть использованы в исследовании проблем этнокультурной идентичности в условиях современности, которые становятся наиболее актуальными в последнее время в российской науке.

Ключевые слова: роман, якутский городской текст, структура урбанистического ландшафта, хронотоп, эволюция героя, перевернутость, этнокультурная идентичность, самоидентификация.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.007

НОЕВА (Карманова) Саргылана Еремеевна – канд. филол. н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: noyeva79@mail.ru

NOEVA (Karmanova) Sargylana Eremeevna – PhD in Philology, Research Fellow Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

S. Ye. Noeva (Karmanova)

Poetics and structure of Urban Text in the Yakut geocultural landscape

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. An attempt to form a methodology for analyzing the Yakut city text based on the literary material of the Yakut prose of the twentieth century, which is already original due to the authenticity and content of the object of research – the northernmost, farthest and coldest city of Yakutsk – is included in one of the most pressing problems of Russian literary studies in recent years – the study of local text. Conceptually this work relies on the scientific views of local texts, by their very nature refers to the much broader city, suggesting, in our opinion, in addition to the city of the text include: alas text, and the liminal world of the road, creating art model space, complementary and adjacent to each other in a single Yakut text. The determination of the geo-cultural landscape of Yakutsk segment within which most clearly reveals the unique quality of domestic peace. The relevance of the article is dictated by the need to study an unexplored topic in the Yakut science – the local urban text. The scientific novelty of the article is obvious: the understanding of the city as a semantic structure, which is manifested in the constancy of images, universals that have a cultural-historical, mental community and are united in a single artistic system, was not undertaken as an independent study. In the context of this article, the category of inversion also receives a special interpretation that claims to be new, which justifies the artistic organization of the entire Yakut world. The study of the geopoetic landscape of Yakutsk, which to this day has not received a detailed elaboration in Yakut literary criticism, is argued by the idea of the city as a structure consisting of several models of the Yakut urban text: sales of Yakutsk in the works of writers of the early century; Happy Yakutsk in the 1950-1980's.; of the city-prison in the late 90s. The results of the research undertaken in this article can be used in the development of problems of the artistic landscape, which are becoming the most relevant in recent times in Russian science.

Keywords: Yakut city text, the structure of urban landscape, the evolution of the hero, roll over, identity.

Введение

Современные исследовательские перспективы в литературоведческой науке – проблемы самоидентификации, специфики ментального ландшафта, определение рубежей маргинальности в художественном тексте – сформированы нынешними реалиями жизни, ориентированными на глобализационные процессы в мире. Непосредственно связанное с данными темами изучение репрезентации художественной структуры города, активно реализуемое в якутской литературе, является одним из наиболее эффективных средств проникновения в уникальную геопозитическую картину народа.

Целью статьи является обоснование возможности использования понятия «городского» текста по отношению к якутской литературе, что подтверждается активной дифференциацией художественных элементов, складывающихся в единый текст

северного города и образующих целостные культурные коды, которые активно вовлечены в критерии выделения этого особого гео-пространства: архитектурных локусов, ландшафтных узловых характеристик пространства, метеоролого-климатических условий, практически-деятельностного аспекта жизни, удаленности от центра и т. д. [1].

Изучение репрезентации образа города в художественном тексте как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира, является на сей день одним из неисследованных направлений в якутском литературоведении. В связи с этим научная новизна данной работы очевидна: она состоит в необходимости осмысления городского текста якутской литературы.

Пространство города как один из основополагающих в ментальном ландшафте современного человека топосов, концентрирующего в своем образе сложный и интересный симбиоз отношений человека и искусственного пространства, коллаборацию искусственного разума и человеческих чувств, становится объектом для исследования многих аспектов современной науки. Множественность методологических подходов в изучении механизмов функционирования пространства города определяет многогранность научной проблемы, утверждающей необходимость комплексных исследований по данной теме. Это, с одной стороны, усложняет пути решения проблемы в методологическом плане, вынуждая прибегать к новым исследовательским алгоритмам. С другой, возможность раскрытия научной методологии в плане создания новых концепций, обновления терминологического аппарата, выстраивания культурных нарративных моделей повествования и т. д. способствует расширению ракурсов изучения проблемы «город» в якутской прозе.

В числе исследований геокультурных образов в отечественной науке геопоэтические образы русского мира привлекают особое внимание. Принципы анализа, методологические подходы, которые поначалу разрабатывались по отношению к петербургским, московским текстам в трудах Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Д. С. Лихачева, З. Г. Минц, Т. В. Цивьян, Б. М. Эйхенбаум и др., в современное время активно реализуются в изучении провинциальных текстов русской культуры (Пермь – у В. В. Абашева, Архангельск – у А. Н. Давыдова, Петрозаводск – у И. А. Разумовой, Челябинск – у Е. В. Милюковой и др.). Выделяются также локальные тексты оренбургского, крымского, калининградского и др. пространств, в каждом из которых достаточно конкретно определяются принципы анализа локального текста как уникальной художественной системы, смыслового целого, аккумулирующего в себе особенности геокультурных характеристик данных территорий. Кроме того, к большому пласту исследований, посвященных реализации городских пространств, относятся труды, раскрывающие специфику лондонских, венецианских, парижских, римских текстов русской культуры. Особенности структурирования региональных текстов легли в основу исследований, касающихся целостных гео-ландшафтов Урала, Кавказа, Севера и др.

Содержание бинарных оппозиций «город-село» раскрывает уникальный характер якутской литературы XX–XXI вв., сложившейся под влиянием динамичных культурных процессов. Наиболее интересный материал, отражающий усвоение геопоэтических пространственных маркеров и своеобразие использования концепта северной земли в аспекте проблемы города / аласа можно увидеть в поэтической системе романов Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа, В. С. Соловьева–БолотБоотура, Софр. П. Данилова, В. С. Яковлева–Далана, И. М. Гоголева–Кындыла и др. Данные романы как фундаментальные ядра якутского романа соответствовали переломным периодам 1960-х, перестроечных 1990-х, 2000-х гг. в общественной формации XX столетия, тем самым определив специфику романного мышления, в котором наиболее ярко обозначилась эволюция национального сознания.

Хотя проблема «город / село» специально не становится объектом исследования в якутской науке, вопросы, касающиеся данной методологической проблемы, частично

рассматриваются в работах литературоведов П. В. Максимовой, В. Б. Огороковой, Д. Е. Васильевой, А. Н. Мыреевой, Ю. Г. Хазанкович, О. И. Пашкевич, Ж. В. Бурцевой, С. И. Ефремовой, С. Е. Ноевой, а также в исследованиях специалистов, относящихся непосредственно к теме города: Л. И. Винокуровой, В. Б. Игнатъевой, И. В. Покатиловой, П. П. Петрова и др. Их исследовательская позиция направлена на раскрытие единого образа северной земли, в т. ч. города Якутска, как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью в культуре народов Севера. Как видно, напрашивается логическое продолжение данных научных изысканий в виде рассмотрения репрезентации образов «города-села» в якутской прозе, где накоплен достаточно большой интересный материал.

Материалы и методы

Вслед за работами по поэтике географических пространств, в которых транслируется методология текстологического подхода к культурным феноменам города, предложенная В. Н. Топоровым, в определении методологических принципов анализа образов «города» и «села» в якутском тексте также будет иметь концептуальное значение научная позиция данного исследователя, методологические характеристики пространства, предпринятые им в отношении Петербургского текста. Вслед за В. Н. Топоровым мы определяем образ города в произведении как совокупность личностно-биографических, историко-культурных, ландшафтно-климатических и др. элементов, объединенных в систему «город».

Нужно отметить, что концептуально данная работа опирается на научные взгляды о локальных текстах, которые по своей сути понимаются намного шире городских, и предполагает включение и «аласного» текста, и лиминального хронотопа, дифференцирующих в единый якутский текст.

Исследования, направленные на анализ других городских, провинциальных локальных текстов (к примеру, опыт исследований пермского текста у В. В. Абашева, северного текста у Е. Ш. Галимовой и др.), также будут руководством к изучению «якутского» городского текста. Однако методология, разработанная исследователями других городских текстов, которая может использоваться в качестве основной сетки базы исследования, не может наиболее полно способствовать осмыслению уникального характера того или иного локального текста, поскольку, как совершенно верно отмечает Е. Ш. Галимова, «(...) и характер художественного пространства, и мотивный субстрат, и культурные коды такого текста, обусловленные самой спецификой той или иной территории (географической, геополитической, исторической, этнографической, социальной, мифологической) наделены совсем иными свойствами, нежели культурно-семиотическое пространство города» [2, с. 122].

В пределах данной проблемы применительно к якутской литературе впервые будет предпринята попытка апробации литературоведческих терминов «локальный городской текст» и «аласный текст». Понятие «алас» будет использовано в качестве аналога понятий «село», «провинция».

Претендующую на новизну трактовки получает в контексте данной проблемы категория перевернутости, занимающая структурирующее положение не только в рассмотрении амбивалентной природы города, но и обосновывающая организацию всего якутского мира, деление его на городской и аласный пространства, диаметрально противопоставленных культурных сфер. Подобный ракурс исследования способствует раскрытию жанрово-стилевой эволюции якутской литературы как развивающейся динамичной системы и, что немаловажно, выявлению уникальных *художественных маркеров авторской идеи*, а также образа писателя в качестве оригинального носителя национального самосознания.

Структура якутского городского текста

Город имеет явные универсальные маркеры, предусматривающие размежевание пространства города от сельского социума: это значительная концентрация людей на определенной территории, развитие социокультурных сфер жизни, обеспечивающих интенсивный рост экономики, расширение площади города и плотности населения.

Универсальная символика города создает такие характерологические черты, связанные с городом: «власть города над человеком, искусственность и механистичность жизненного уклада, губительное влияние на природу и искажение нравственных основ существования, лихорадочный темп жизни, одиночество в многолюдии» [3, с. 52].

Методология подхода к изучению текста определяется выстраиванием особой модели анализа, где центральную роль играет выделение структурообразующих характеристик, признаков, составляющих уникальный портрет локального провинциального города Якутска и определяющих его исключительную статуальность в ряду других городских ландшафтов. И поэтому должны учитываться несколько позиций, составляющих аутентичный образ данного топоса: *место Якутска в пространственной картине мира*, который сохраняет статус северной столицы на самой далекой холодной точке мира как «города на краю», «города на вечной мерзлоте», «городе-призраке»; *роль Якутска*, единственного крупного города на большой территории республики (малые и молодые города не рассматриваются нами как культурные пороги) в определении границ ментального ландшафта, довольно четко выявляющего социальные позиции, которые имеют большую роль в идентификации современного человека Якутии: горожанина-сельчанина, коренного-приезжего, интеллигента-необразованного, саха и человека иной национальности и пр., и создающие интересные психологические портреты в литературе; *функцию данного топоса* в формировании взглядов о пространственной картине мира, обусловленных генетическим экзистенциальным опытом народа-кочевника, а также обусловленность мировосприятия национальным начальным нулевым временем, обусловившим специфику аласного сознания.

В отношении Якутска можно допустить возможность частичного использования двух положений города – концентрического на горе, связанного с небом, и эксцентрического на краю [4, с. 31]. Якутск эксцентричен в том плане, что являясь самым далеким городом окружен ореолом апокалиптичности: находясь на краю культурного пространства он пребывает в ситуации вечной борьбы с природой. Однако несмотря на периферийность, город всегда стремится возвыситься ввысь над трясиной и топью ленского бассейна – расположенный на ножках-сваях (вопреки законам природы) Якутск концентрирует в себе силу человеческого разума духа, являясь на сегодняшний день одним из крупных экономических, научных и культурных центров в Сибири.

С XVII в. якутская земля, подвергаясь осмыслению в основном через понятие «чужбины», обретает в челобитных казаках, первопроходцах Сибири, научных, художественных текстах русских путешественников, писателей, других общественных деятелей конца XIX в. (М. Геденштром, В. Г. Тан-Богораз, И. А. Гончаров, А. А. Бестужев-Марлинский и др.) такие смысловые параллели, как *сибирская окраина*, «*тюрьма без решеток*», *холодная, мертвая земля*. В своих путевых записках, официальных документах исследователи Сибири, избравшие объектом изучения столицу «якутской украины» – Якутск, описывали его как малопривлекательный город. Как отражено в материалах путешествия известного писателя И. А. Гончарова, архитектурный облик Якутска в середине XIX в. состоял из одноэтажных деревянных домов, Гостиного Двора, каменного здания земского суда, казенных хлебных магазинов, базара, больницы, остатка крепости, острога [5].

Человеку, прибывшему в сибирскую окраину чужда и диковинна абсолютно вся якутская жизнь. Однако он волей или неволей вынужден весь погрузиться в пространство Севера, пройдя внешний и внутренний характер трансформации.

По утверждению И. А. Гончарова, когда на него надеты «(...) *доха, волчье пальто, горностаевая шапка, беличий тулуп, заячье одеяло, пыжиковые чулки, песцовые рукавицы...*», «...чувствуешь, как постепенно приобретаешь понемногу чего-то беличьего, заячьего, оленьего, козлового и медвежьего, а человеческое мало-помалу пропадает», «кажется, над вами того и гляди совершится какая-нибудь любопытная метаморфоза» [5, с. 506–507]. Именно эта *перевернутость* в обустройстве мира и сознания становится определяющей в рецепции образа Сибири и северного города Якутска.

Учитывая общие геохарактеристики урбанистического топоса, специфические свойства (расположение на периферии, «на краю» культурного пространства) и признаки, типичные только для Якутска как самого *северного, холодного, ледяного, туманного, снежного, призрачного, мертвого* и пр., можно выделить следующие художественные субстратные элементы [6, с. 281–287]: элементы природной сферы: метеоролого-климатические условия (холод, мороз, снег, туман, тьма), ландшафтные характеристики пространства (река, низменность, берег реки, мыраан); элементы материально-культурной сферы: архитектурные локусы (церкви, рынки, гостиные двory, постоялые двory и пр.); элементы духовно-культурной сферы: практически-деятельностная сфера (просветительство, меценатство, духовенство и др.), знаковые места (башня Тыгына, церкви, Кружало, Сайсары, Чочур Мыраан и др.).

Концептуальные структуры, сохраняя свое ядро, в каждом отдельном периоде дополняются новыми образами и смыслами, в результате чего создаются три геокультурные модели города в якутской прозе XX в. По мере трансформации ландшафтного сознания якутского человека модели городского пространства меняются от «*Государева Якутска*» в произведениях основоположников литературы (башня-острог, рынок, Гостиный Двор, Кружало, кабаки, постоялые двory и др.) к «*городу-университету*» «*счастливого Якутска*» в прозе 1950–1980-х гг. (Зеленый Луг, Чочур Мыраан, Сэргэлээх, озеро Сайсары, университет, театр, библиотека, аэропорт и др.) и далее к модели «*город-тюрьмы*», апокалиптического Якутска конца XX в. (улицы, больницы, лабиринты ГПУ, тюремные камеры, вокзал, район Сайсар, ночные клубы и др.).

Начиная с произведений основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковского–Өксөкүлээх Өлөксөй, А. И. Софронова–Алампа, Н. Д. Неустроева, П. А. Ойунского, оппозиции «город–алас» занимают большое место в формировании и установлении национальной картины мира, выявлении особых качеств мировосприятия в ментальном сознании якута.

Наиболее сильную степень чувственной рецепции вызывает городское пространство для сельского жителя, чей процесс познания мира основан на интенсивности, контрастности, новизне впервые узнаваемой реалии города. Произведения А. Е. Кулаковского «*Городские девушки*», «*Городская девушка*» (1916), «*Большая огнедышащая лодка*» (1910), «*Самолет*» (1924), «*Песня пьяного буржуя*» (1915) и т. д. – это в какой-то мере художественная индикация впечатлений очутившегося в городских реалиях человека, а точнее человека нового мира, о себе, людях, социальных явлениях, своих возможностях, также границах пространства, который дотоле был замкнутым в его понимании мира.

В рассказе А. И. Софронова–Алампа «*Городщик*» (1927), повести П. А. Ойунского «*Дорогунов Николай*» (1935) впервые в якутской литературе обозначились основные образы-маркеры городского пространства – это Гостиный Двор, игорные дома, рынок, гостиница; это персонажи пограничного пространства, выполняющие функцию медиаторов между мирами (городщика Степана и купца Дорогунова), в проекции пути которых можно проследить эффект внезапности, открытости и свободы.

В этот период формируется гео-ядро городского текста – *озеро Сайсары, Чочур Мыраан, Зеленый Луг, река Лена, якутский острог, Кружало, церкви, туман,*

холод, край и пр., – урбанистические реалии, ставшие основой культурного ландшафта в якутской литературе XX в.

Амбивалентная природа Госпожи Города (у якутских писателей город имеет женское лицо – Куорат Хотун, Дьокуускай Эбэ Хотун), великодушной и капризной, открытой и неприступной, щедрой и жестокой, идентифицируется с изменчивой натурой женщины, отсылающей к образам хтонической темной матери или архетипу блудницы/любовницы, что можно усмотреть в дуальной сущности Суосалдьыйа Толбонноох, дочери главы Гостиного Двора, являющейся его персонификацией, в отношении которой используются понятия красоты / безобразия, невинности / пошлости, чести / бесчестия и т. д.

Образ семинариста, учащегося духовной семинарии, студента педучилища в прозе 1900–1930-х гг. у А. Е. Кулаковского, П. А. Ойунского, А. И. Софронова-Алампа, Н. Д. Неустроева, Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, А. А. Иванова-Кюндэ и др., возник как олицетворение *героя нового времени*, «героя познающего», который максимально полно реализует свои возможности именно в городском мире, т. к. Якутск является для него единственным местом для реализации возможности «стать человеком», или иначе *киһи-хара буолуо этэ*.

Основание в 1950-х гг. системы высшего учебного образования в Якутске обозначило своим появлением создание целого «города в городе», в народе прозванного как студенческий городок Сэргэлээх, олицетворяющего наполненный светом топос. В 1950-1980-е годы в литературе создаются такие образы-маркеры урбанистического пространства: студгородок Сэргэлээх, театр, парк, автовокзал, порт, библиотека, каток, теплоход, озеро Сайсары, луг Күөх Хонуу, гора Чочур Мыраан и др. В этот период городское пространство формируется в контексте положительной динамики – создается неповторимый облик нового культурного пространства, маркированного как «счастливый Якутск» (досл. Дьоллоох Дьокуускай). Концепт счастья семантически наиболее точно передает широкий, яркий формат городского мира, поддерживая динамику гиперболизированной реальности советского мира.

Сэргэлээх как топос-ядро «счастливого» Якутска является центром культуры и науки. Именно формированием студенческого городка ратифицирован городской статус Якутска, т. к. ключевым свойством урбанистического ландшафта является централизация молодежи, основной динамичной части городского контингента, который каждый год обновляется свежей энергией людских масс.

Город на окраине, которым некогда слыл грязный и деревянный Якутск, перетерпевает модификации в город-университет, город света, с активно строящимися каменными высотными домами – во всем его образе концентрирована идея развития вверх. Безмерная тяга к науке у студентов университета имени М.К. Аммосова, основанного в 1956 г., позитивное настроение всего общества также дублируют ориентированность ландшафтного сознания вверх. Топос советского Якутска, наполненный солнечным светом, порождает ситуации абсолютного счастья, когда город имманентно наполнен радостью, ожиданиями светлой любви, поэтому вполне закономерно появление образа человека новой эпохи, уверенно глядящего вдаль, – студента из деревни, обучающегося в университете.

Образ горожанина, инженера, врача, учителя, библиотекаря, научного работника, спортсмена, артиста и др. раскрывается в якутской прозе 1950-1980-х гг. у А. И. Федорова, В. Н. Гаврильевой, Н. А. Габышева, Е. П. Неймохова, Н. А. Лугинова, В. Н. Гаврильевой, Л. А. Попова, романах В. С. Яковлева-Далана, Н. А. Лугинова и др.

В основе принципов отражения урбанистического пространства генерирующим был мотив «вхождения» в город, способствующий расширению ментальных ландшафтов якута-селянина, ареал жизни которого обогатился *новыми* для него понятиями, расширением социально-культурной (спорт, театр, библиотека, вечеринки), материальной

сфер жизни (еда, торговля, техника и т. д.), осознанием наличия людей другой культуры, национальности и пр., но и познанием *иных* горизонтов мира.

Писателями активно используется образ *теплохода*, воплощающего в себе динамику современной жизни. В рассказах А. И. Федорова, Н. А. Габышева ярко представлен образ белого теплохода, который интерпретируется как персонификация советской жизни, наполненной торжеством и мощью: “(...) *чугастаабы тумултан үгүс үрүг уотунан күлүмүрдээбит, кыһыл, күөх сулус лаампалардаах улахан борохуот сандааран тахсар, үчүгэй да буолуо, онно борохуот иһигэр, онно – сырдык, ичигэс, элбэх дьон, ас-үөл, көр-нар, музыка...*” [7, с. 185]. Образ теплохода есть неотъемлемая часть городского ландшафта и в петербургских, московских текстах является составляющей частью позитивного имиджа города: «*Киров теплоход, Москва өрүс сизрkilэ таас ньуурун силэйэ анһан, дьулуруйан иһэр. Өрүс уутугар күн көрүнэн кыһыл көмүс кыырапхтарынан ыһыахтанар (...) Ырыа-тойук, музыка тыаһа өрө ньиргийэн тахсан, ыраас салгынна көгүлүнэн дьыэрэйэ көтөр*» [8, с. 16]. Теплоход в качестве смысловой параллели, ассоциативно соединяющей северный город с московскими, петербургскими пространствами, отсылает к идее всех советских людей – светлой мечте в коммунизм.

В то же время город как экзистенциальный порог становится местом контраста, подчеркивающим кризисные состояния мира и человека, где не могут быть в полной мере реализованы человеческие потребности, и потому город воспринимается в качестве места экзистенциальной грани (края), порождающей множество проблемных ситуаций. Еще в романе «Весенняя пора» (1944) Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя были намечены специфические признаки, характерные для темной стороны городской жизни. Городской ландшафт ассоциируется с понятием хаоса, который выражается в топографических характеристиках «*аат дойдута*» (ад), «*ысына куорат*» (трущоба, город в дыму), «*ширбит куорат*» (сумасшедший город) и признаках «*сүпсүлгэн*» (суматоха, суета), «*куугун-хаабын*» (шум-гам), «*күөрэ-ланкы*» (бардак), «*үллэннэс*» (бардак), «*куугун-хаабын ортоугар*» (галдеж). В романе В. С. Соловьева-Болот Боотура «Пробуждение» (1975–1987) Якутск – это пространство, состоящее из алогически выстроенных структур. Локация города, реализованная из гомогенных понятий грязноты, убогости, узости, тесноты, серости, оппозиционирует природной географической реалии аласа (чистой, сверкающей, широкой, цветущей). Как для персонажей Амма Аччыгыя, для которых в противоположность городу родное түөлбэ Набыл (досл. спокойный, неторопливый, тихий) есть топос идиллический, Чуораайы в романе Болот Боотура образует зеркальную симметрию Якутску.

Город для человека, проживающего на селе / в аласе всегда наделяется характеристиками далекого, чужого мира и потому в описании него используются выражения *үһү* (досл. говорят), *сураба* (досл. по слухам), усиливающие ощущение ментальной удаленности города. Ему свойственны признаки странного и страшного мира: «*Нэһилиэккэ сонун сурах тарбаммытынан барар: били улуу пушкаларын куоракка туһаайан, илин мыраанна дьэ туруорбуттар. Бүгүн-сарсын ыталлар үһү. Ол пушка эстибит дуораана манна хайаан да биллиэх тустаах үһү*» [9, с. 529] «*Суор Ойуун көрүүлэммит: саха дьоно хааннаах харахтарын уутунан суунар дьаһаллара куораттан бэрт сотору тахсаары турар үһү*» [9, с. 486]

Наиболее четко структура апокалиптического города формируется в якутской прозе конца XX века. Характерные свойства города-тюрьмы типологически могут быть обозначены в таком виде: локации *тюрьмы, психиатрической больницы, публичных домов, кабаков, ночных клубов, криминальных районов* и т. д., всегда территориально связанные с темной стороной города, а также *кладбищ, крематориев* и т. д., составляющих урбанистический облик «города на костях» (известно, что Якутск окружен кладбищами, погостами и буквально строится на них); персонажи городского пространства: *бродяги, пьянчуги, хулиганы, проститутки* и др.

Якутск, расположенный на периферии, воспринимается как «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле», «мертвый город» и пр. Образ Якутска издавна ассоциировался с географической далью, темнотой и физическим холодом. Прикрепление за якутским краем статуса страны каторги, тюрем, лагерей с конца XVI века только способствует утверждению образа темного и мрачного, самого северного города. Надо отметить, что Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, всегда характеризовалась как страна мертвых [10, с. 255].

Отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска, который с самого его основания связан с мифом о потопе. Постоянными элементами городского ландшафта помимо этого становятся туман и мгла (тьма), покрывающие Якутск почти полгода и наполняющие экзистенциональной нагрузкой при оформлении образа человека в городе. Уровень мрачности и странности усиливается при восприятии Якутска как города «на костях». Известно, что территория современного города стоит на десяти городских кладбищах (Спасской некрополи, Никольской некрополи, Богородицкой некрополи, Еврейского кладбища, Мусульманского кладбища, кладбища «Мучин Крест») и погостов (погостов у Троицкого Собора, у Предтеченской церкви, у Преображенской церкви, у Тихвинской церкви). Возведение города на костях показывает внутреннюю противоречивость человеческой природы, обеспечивающей многоплановость его адаптации в мире, и служит основой для создания многочисленных городских легенд.

Таким образом, алгоритм эволюции ландшафтного мышления в якутской прозе XX века разворачивается в процессе отношений попеременно заменяющих друг друга геокультурных моделей города – города-рынка, города-университета и города тюрьмы. Оппозиция структур города-села, классифицирующихся по принципу «свой/ чужой», берет начало из традиционной модели мировосприятия и связана с историческим опытом народа, который находит отражение в литературе.

Перевернутость в городском тексте

В литературе периода 1980-1990-х гг., представленного прозой В. В. Яковлева, Н. А. Габышева, В. Н. Гаврильевой, Э. Д. Соколова, В. Н. Титова, Е. П. Неймохова, Н. А. Лугинова и др., Якутск выступает как место экзистенционального порога, в осмыслении которого усиливается художественная рецепция перевернутости. Образы, оторванные из аласа, оказавшиеся в «перевернутом» мире города, начинают реализовывать нетипичную им поведенческую модель маргинальности, подразумевающей «неопределенность социального положения, утрату оснований четкого самоопределения и отсутствие социальной поддержки» [11, с. 88]. Исходя из этой социальной ситуации в прозе конца XX века центральными становятся проблемы поиска места в окружающем мире, самоидентификации человека в сером механистическом ландшафте города, наполненном обезличенными, поверхностными, циничными отношениями между людьми. Разрушение собственного Я, характеризующееся изменениями в характере, поведенческих особенностях человека, склонностями к депрессивным, суицидальным типам поведения, находит своеобразное художественное оформление в произведениях писателей.

Город становится местом пограничным, куда стремятся люди, оказавшиеся в пороговой ситуации (человек, не нашедший свое место в якутском түүлбэ, становится постоянным персонажем, прикрепленным к реалиям больницы, улицы, тюрьмы, трактиров, кабаков и т. д.). Картежники, заключенные, «праздношатающиеся» наделены качествами плута-трикстера и составляют архетипические образы анти-героев.

Присущие старому Якутску топосы по новому актуализируются в современном ландшафте города. Один из образов-маркеров Якутска озеро Сайсары от сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в прозе конца XX в. в криминальный

район Сайсар. Или «автовокзал» – одна из основных топологических реалий советского счастливого Якутска – в прозе 1990-х гг. превращается в пристанище бомжей и алкоголиков.

В противоречивом образе города усматривается внутренняя борьба, духовный конфликт человека. Город представляется в качестве темного леса или лабиринта, увлекающего его своими тесными грязными улочками в неизвестность, темноту или тупик. Уличная топология как основная составляющая «города-лабиринта» представлена в различных образах – это *улочки, улицы, переулки, перекрестки, закоулки, обочины, тупики*. Топология лабиринта в романе-эссе «Судьба моя» (1994) В. С. Яковлева-Далана непосредственно будет связана с узкими мрачными коридорами-лабиринтами внутренней тюрьмы на улице Дзержинского, куда водили узников на ночные допросы, очные ставки, в карцер или на расстрел. Подземные коридоры-лабиринты внутренней тюрьмы ГПУ, ведущие в «никуда», где решались судьбы узников, символизируют катастрофичность и трагичность всей системы сталинской репрессии [12].

Вхождение в город предполагает трансформации человека в физическом, ментальном планах и степень его приспособления к урбанистическому ландшафту. Можно отметить следующие способы адаптации к городу – это *ряжение в городскую одежду, надевание маски и умение презентовать себя в качестве товара*.

Одежда как способ метаморфоз (кубулуйуу) несет несколько семантических нагрузок: во-первых, модная, чистая одежда становится городским атрибутом, доказательством погружения человека в городскую жизнь, во-вторых, городская одежда, следование моде может повлечь размытие социальных границ индивидуальности у человека, и потому одежда несет функцию маскирующую. За одеждой может скрываться истинное лицо, двойственная природа человека, тем самым проекция перевернутости, свойственная городу, переносится на одежду.

Образ городского щеголя, укутанного в меха и шелка как отражение уникального урбанистического облика северного города первыми якутскими писателями отмечен достаточно подробно. Одежда горожан, многослойная, пестрая и яркая, и самое главное, представляющая специфический облик горожанина, укутанного в меха и кожу, может рассматриваться в качестве текста, раскрывающего подтексты социального образа, уровня жизни, качества отношения к индивидуальному Я.

Ряжение в одежду как один из аспектов амбивалентного мира имеет большое значение в раскрытии характера, цели человека. Селяне воспринимают городскую одежду в качестве маркера, отличающего своего от чужого. Персонажи Амма Аччыгыйа, очутившиеся в городе, чувствуют недоверие к нарядным горожанам, которые могут представлять угрозу в своем оборотничестве: *«Куорат дьоно танастара үчүгэйин көрүмэ, кэпсэпитэ буола туран ойбоһоско кип гыннаран кэбиһэн баран, атын үрдүгэр түһэн көтүтэн да хааллахтарына көнгүллэрэ...»*.

Имя как первичный показатель личности трансформируется в зависимости от нахождения в городе или наслеге. Исиччит Николай (роман «Пробуждение») удивляется, что ее знакомую, переселившуюся в город, теперь зовут по-иному: *«Обонньор Саввишна куоракка киһирэн, аны Хаача дуу, Кээчэ дуу диэн ааттаммытын муодаргыы иһиттэ»* [13, с. 392].

Помимо ряжения в одежду, перемены имени другим отличительным свойством города, обуславливающим трансформацию человека, является надевание маски. Амбивалентный мир порождает новый тип человека в маске, который вынужден скрывать свое истинное лицо под несколькими социальными масками. Про купца Бөрө, который в красном Якутске работает извозчиком, говорится: *«Сарсыярда сонун кытта бииргэ адыас атын элэккэй дьүһүнү кэтэн тахсар. Киһэ үлэтиттэн кэлэригэр онтукатын сонун кытта дьыэтин ааныгар устан кэбиһэр»* [13, с. 59].

Изменчивость мира, отражающаяся в перемене одежды, надевании маски, дополняется еще другой ипостасью механического мира, подчеркивающей

перевернутость человека – рыночными отношениями, выявляющими продажность и подкупность человеческой сущности.

Основными элементами торгового города являются: субъекты городского пространства – купцы (атыһыт), городчики (куорачыт), попрошайки, челночники, торговцы на рынке и т. д.; топологические реалии города – торговые лавки, доходные дома, Гостиный двор, Кружало, банки, столовые, кафе и т. д.; локусы ночного города – трактиры, ночные клубы, хостелы, игорные залы, публичные дома и т. д.

Деньги как инаковый элемент становятся главным в аксиологическом спектре понятий, раскрывающих образ Якутска. Интересна символическая аналогия, связанная с Гостиным Двором, употребляемой в значении невысыхающей «проруби» (*саргылаах Саһара дьоллоох томторугар, Дьокуускай куорат уолбат ойбонугар, улуу түһүлгэтигэр, килбэйэр киинигэр, көрдөөх-нардаах Көстүүнэй эбэ хотунга*), всепоглощающей дыры, с которыми семантически близки и игорные, постоянные дома [14, с. 80]. Игорный дом, создающий измерение перевернутого мира (где в результате игры в карты нищий имеет шанс стать богатым, а богатый рискует потерять все свое нажитое состояние), есть микро-вариация города, высасывающего жизненную энергию у человека, так и не сумевшего адаптироваться к механистическому миру.

Трагична судьба дочери главы Гостиного Двора Морудьюос князца, которую преподносят в качестве товара, заманивая ее красотой богатых авантюристов со всей Сибири [14]. Прорубь в контексте повести имеет амбивалентное значение. Помимо того, что образ проруби может символизировать вечное изобилие как топологическое пространство, связанное с картежничеством, развлечениями, в аспекте темы женского тела может интерпретироваться в контексте мотива разврата, выражая символику пустоты (женского полового органа, хтонической дыры).

Воспринимаясь в качестве темного начала, склоняющего сельского жителя к разным порокам, город создает новые конструктивные элементы, выстраивающие смысловое ядро торгового города, где жизненные ценности измеряются в денежном эквиваленте (үп-харчы, баай), отношениями купли-мены (атыы-эргиэн, урбаан, мэнэйдэһии). В материале литературы эти структурные элементы становятся основой для создания современного портрета города – центра экономической активности, где главным товаром становится человек.

Итак, перевернутость как ключевая категория в мировосприятии аласного человека занимает определяющее значение в понимании закономерностей городских ландшафтов и способах адаптации к нему.

Заключение

Таким образом, анализируя корпус текстов о городе Якутске, мы можем выявить городской аспект литературы в качестве особого ментального образа, который сложился под влиянием уникальных субстанциальных элементов. Образы многоликого, многоуровневого города, представленного в разные исторические периоды в виде «города в городе» в вариациях *торгового рынка, театра, университета, тюрьмы, лабиринта*, становятся одновременно персонификациями меняющейся реальности и сложной сущности человека, образующих вместе единый огромный конструкт, функционирующий по собственным механизмам.

Художественное решение экзистенциальных проблем нового типа героя литературы, человека в городе, принципиально отличается тем, что рождение отношений города и человека сопровождается большим количеством новых тем – это темы отчуждения героя; городской толпы и города; поиска смысла бытия; смерти и жизни в большом механистическом мире. Поглощение городом людей, утрачивающих в городе свою индивидуальность и превращающихся в безликую массу, становится одним из основных экзистенциальных проблем в произведениях.

В сложном процессе превращения города в экономический, политический, культурный центр усматривается вся суть противоречивого союза неба и земли, налагающего отпечаток на формирование дуальной природы человека, стремящегося вырваться из городских лабиринтов и в то же время желающего включиться в поток жизни большого города. Проблема человека в городе становится определяющей в якутской литературе XX-XXI вв., выделившей идею о человеке в глобализирующемся пространстве, которая выходом из аласного мира показала степень своего мирочувствования в новое время.

Нужно отметить, что выделяясь своей специфичностью на фоне других локальных текстов, якутский «городской» текст в качестве единой художественно-культурной системы вполне может претендовать на самодостаточность в якутской художественной картине мира. Якутский городской текст представляет собой художественное единство сложного структурного уровня, где дифференцированы в систему ландшафтные характеристики, роль и место человека и весь ментальный образ мира, которые в совокупности воспроизводятся через субъективно-личностное видение автора-якута, носителя национального самосознания.

Л и т е р а т у р а

1. Волосникова, Е. А. Северный город: понятие и типология / Е. А. Волосникова. – Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2. – С. 98-103.
2. Галимова, Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш. Галимова. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 121-129.
3. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. – 404 с. – Текст : непосредственный.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. – 704 с. – Текст : непосредственный.
5. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: в 2-х т. / И. А. Гончаров. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1986. – 584 с. – Текст : непосредственный.
6. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – Москва : Прогресс-Культура, 1995. – 624 с. – Текст : непосредственный.
7. Габышев, Н. А. Эн биһикки олохпут: кэпсээннэр / Н. А. Габышев. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1972. – 248 с. – Текст : непосредственный.
8. Федоров, А. И. Күөх кырыс: кэпсээннэр, сэһэн / А. И. Федоров. – Якутск : Якут. книж. изд-во, 1980. – 320 с. – Текст : непосредственный.
9. Соловьев, В. С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман / В. С. Соловьев-Болот Боотур. – Якутск : Якут. книж. изд-во, 1987. – 640 с. – Текст : непосредственный.
10. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. – Москва : Академия, 2009. – 336 с. – Текст : непосредственный.
11. Ильмухин, В. Н. Городская сфера как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации / В. Н. Ильмухин. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. – Серия: Социология. – 2014. – С. 87-97.
12. Яковлев, В. С.-Далан. Дьылҕа миэнэ: роман / В. С. Яковлев-Далан. – Якутск : Бичик, 1994. – 456 с. – Текст : непосредственный.
13. Данилов, Софр. П. Киһи биридэ олорор / Софр. П. Данилов. – Кн.1. – Якутск : Як.кн. изд-во, 1973. – 272 с. – Текст : непосредственный.
14. Ойунский, П. А. Талыллыбыт айымнылар / П. А. Ойунский. – Т. 2. – Якутск : Бичик, 1993. – 442 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Volosnikova, E. A. Severnyj gorod: ponyatie i tipologiya / E. A. Volosnikova. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. – 2012. – № 2. – S. 98-103.
2. Galimova, E. Sh. Specifika severnogo teksta russkoj literatury kak lokal'nogo sverhteksta / E. Sh. Galimova. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Severnogo (Arktičeskogo) federal'nogo universiteta. – Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2012. – № 1. – S. 121-129.
3. Abashev, V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature HKH v. / V. V. Abashev. – Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2000. – 404 s. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Lotman, Yu. M. Semiosfera / Yu. M. Lotman. – Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2001. – 704 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Goncharov, I. A. Fregat «Pallada»: Oчерki puteshestviya: v 2-h t. / I. A. Goncharov. – Saratov : Privolzh. kn. izd-vo, 1986. – 584 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Toporov, V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoetičeskogo / V. N. Toporov. – Moskva : Progress-Kul'tura, 1995. – 624 s. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Gabyshev, N. A. En bihikki olohpūt: kepseenner / N. A. Gabyshev. – Yakutsk : Yak. knizh. izd-vo, 1972. – 248 s. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Fedorov, A. I. Kyøh kyrys: kepseenner, sehen / A. I. Fedorov. – Yakutsk : Yakut. knizh. izd-vo, 1980. – 320 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Solov'ev, V. S.-Bolot Bootur. Uhuktuu: roman / V. S. Solov'ev-Bolot Bootur. – Yakutsk : Yakut.knizh. izd-vo, 1987.– 640 s. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Tyupa, V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta / V. I. Tyupa. – Moskva : Akademiya, 2009. – 336 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Il'muhin, V. N. Gorodskaya sfera kak faktor determinacii povedencheskih praktik: varianty sociologičeskoi konceptualizacii / V. N. Il'muhin. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik RUDN. – Seriya: Sociologiya. – 2014. – S. 87-97.
12. Yakovlev, V. S.-Dalan. D'yl'jam miene: roman / V. S. Yakovlev-Dalan. – Yakutsk : Bichik, 1994. – 456 s. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Danilov, Sofr. P. Kihī biirde oloror / Sofr. P. Danilov. – Kn.1. – Yakutsk : Yak.kn. izd-vo, 1973. – 272 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Ojuns'kij, P. A. Talylybyt ajymn'ylar / P. A. Ojuns'kij. – T. 2. – Yakutsk : Bichik, 1993. – 442 s. – Tekst : neposredstvennyj.

УДК 811.161.1

Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова, О. Н. Матвеева

Семантические особенности медицинской лексики в «Толковом словаре» В. И. Даля

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Аннотация. актуальность работы обусловлена интересом к происхождению и интерпретации медицинской терминологии различных уровней, формирующейся в сфере языка профессионального общения, в аспекте концептуальность эволюции и трансформации коммуникационной системы в медицинской деятельности. Постановка проблемы предполагает реконструкцию и описание происхождения подъязыка медицины фразеологизмами и конструкциями диалектного происхождения, в отслеживании изменений в лексико-семантической системе языка профессионального общения. В качестве цели выступает обоснование значения лексикографического труда В. И. Даля на формирование русскоязычной научной терминологии, на современный дискурс профессиональной медицинской лексики. Пользуясь инструментарием лингвистического исследования, в том числе структурно-семантическим, когнитивным методом, концептуальным анализом лексических единиц, статистическим анализом частотности употребления, на основе рассмотрения более 150 лексем раскрываются семантические особенности медицинской лексики различных типологических групп, существующих в рамках концепта «болезнь». Научная новизна заключается в комплексном анализе словообразовательных моделей, служащих номинациями различных заболеваний с учетом их этимологической и структурной специфики. В качестве практической значимости исследования отмечаются перспективы дальнейшего изучения заимствований диалектных образований, включающих концепт «болезнь», восстановление хронологии формирования языка профессионального общения, систематизации и дифференциации современного функционирования конструкций диалектного происхождения, существующих как феномен терминологического «двуязычия» («заячья губа», «краснуха»), как часть устаревшей терминологии («чахотка», «грудная жаба»), или же сохранившихся как часть строго локализованной диалектной системы языка («сонница», «хирагра»). В заключении в качестве итоговых выводов приводятся наиболее употребительные конструкции процессуального и темпорального значения, биоморфизмы, колоративы,

ПАПШЕВА Галина Олеговна – к. филол. н., преподаватель кафедры русского языка, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

PAPSHEVA Galina Olegovna – Cand. Philological Sci., Teacher of the Chair of Russian language Voronezh State Medical University in honor N.N. Burdenko.

ГОЛУБЦОВА Надежда Васильевна – преподаватель кафедры русского языка, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

GOLUBTSOVA Nadezhda Vasilyevna – Teacher of the Chair of Russian language Voronezh State Medical University in honor N.N. Burdenko.

МАТВЕЕВА Ольга Николаевна – преподаватель кафедры русского языка, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: kashkolga@yandex.ru

MATVEEVA Olga Nikolaevna – Teacher of the Chair of Russian language Voronezh State Medical University in honor N.N. Burdenko.

геоморфизмы, отмечается слабая дифференциация медицинской лексики диалектного происхождения, отмечаются наиболее продуктивные отглагольные и номинативные словообразовательные модели, преобладание монолексем над двухкомпонентными конструкциями, выделяются наиболее употребительные семантические концепты, характеризующие понятие «заболевание» в целом, указывается дифференциации диалектизмов в соответствии с ареалом из распространения, определяются особенности интерпретации и номинации медицинской лексики как отражения эволюции языка профессионального общения в историческую эпоху.

Ключевые слова: В. И. Даль, диалектизмы, медицинская терминология, синонимия, подъязык медицины, словообразовательная модель, биоморфизмы, геоморфизмы, колоративы, монолексема.

DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.008

G. O. Papsheva, N. V. Golubtsova, O. N. Matveeva

Semantic features of medical vocabulary in “the explanatory dictionary” By Vladimir Dahl

Voronezh State Medical University in honor N.N. Burdenko, Voronezh, Russia

Abstract. The relevance of the work relates to interest in origin and interpretation of medical terminology as the language of professional communication, and the aspect of evolution and transformation of communication in medical activity. The problem involves the reconstruction and description of medicine’s sublanguage, inspired by dialects, of changeable professional language system. As a result, it is represented the influence of V. I. Dahl's lexicographic work on the formation of Russian-language scientific terminology and modern discourse of professional medical vocabulary. Including methods of linguistic research, such as structural-semantic, cognitive, conceptual analysis of lexical units, statistical analysis of the frequency, it is represented more than 150 lexemes with the concept "disease". Scientific originality consists of complex analyze of the most productive models of word formation in etymological and structural features. As a practical meaning of study, it is indicated the progress of future research, devoted the problems of dialectal formations with the concept "disease"; restoration the chronology of professional communication language; systematization and differentiation of constructions by dialectal origin, existed as terminological "bilingualism", as outdated terminology, or as the only part of localized dialects. As the final conclusions, it is represented the most useable constructions of procedural and temporal meaning, biomorphisms, coloratives, geomorphisms, also it is indicated a weak differentiation of medical dialectal vocabulary, the most productive verbal and nominative derivational models, the predominance of monolexemes over two-component constructions. The main semantic meanings characterize the concept of "disease", the differentiation of dialectic words is indicated in accordance with the area of distribution, the features of interpretation and nomination the medical vocabulary determined as refraction of evolutionary professional language system of communication in historical age.

Keywords: V. I. Dahl, dialectisms, medical terminology, synonymy, sublanguage of medicine, derivational model, biomorphisms, geomorphisms, coloratives, monolexeme.

Введение

В 2021 году празднуется важная дата – создателю «Словаря живого великорусского языка», врачу, этнографу, писателю и лингвисту Владимиру Далю исполняется 220 лет. В связи с этим следует подвергнуть переосмыслению монументальный труд Даля, выделив важные моменты в самом факте существования подобного труда, а именно: формирование и становления профессиональной медицинской терминологии, активное освоение иноязычной лексики, обращение к опыту «народной медицины» в попытках номинации заболеваний, симптомов, проявлений [1, с. 7].

Исходя из данных предположений нельзя не признать, что современная медицина, как и во времена В. И. Даля, характеризуется двуязычием, синонимией коммуникативного процесса, где в собственно профессиональной сфере используется термины греко-латинского происхождения, в системе взаимодействия «пациент-врач» – словоформы, в основе которых лежат лексемы русского языка [2, с. 41]. Таковы синонимические пары «иррадиировать» – «отдавать», «инъекция-укол», «гемостаз-остановка крови» [3, с. 126].

Система двуязычия в полной мере отражена на страницах «Словаря», где, демонстрируя лингвистическое чутье и опыт практикующего врача, В. И. Даль адаптирует латинские термины к русскоязычному дискурсу, сопоставляя синонимические понятия («печуха–*pruigigo*»), демонстрируя языковые трансформации терминов, например, одновременное сосуществование «народного» названия «краснуха» (буквальный перевод термина «*tubeolae*») с синонимичным «скарлатина» (производное от «*scarlet*» – бордовый, красный) [4, с. 11]. Автор не боится выдвигать гипотезы и предположения, помечая сомнительные значения вопросительными знаками, приводит в качестве аргументов однокоренные слова, фонетические варианты («пашава-пашава»), синонимические ряды.

Систематизация многолетнего труда В. И. Даля позволяет выявить основные источники медицинской лексики, базирующейся на упоминании различных частей тела («ушница», «заволосица», «глотошная»), указывающей на сходство с представителями животного и растительного мира («волчья пасть», «свиная болезнь», «ячмень»), географическими и метеорологическими явлениями («ветрянка», «французская болезнь», «веснянка»), предметами («боб», «градина»), процессами («падучая», «криксы»), физиологическими и эмоциональными состояниями («бесная», «водобоязнь», «в положении») [1, с. 60].

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена интересом современных исследователей к происхождению и интерпретации медицинской терминологии различных коммуникационных и стилистических уровней, разрешению вопросов о формировании языка профессионального общения, представленной в «Словаре» В. И. Даля, гипотез о дальнейшей эволюции и трансформации коммуникационной системы в медицинской деятельности.

Методологической и теоретической базой исследования послужили работы отечественных исследователей в области когнитивной лингвистики (Д. Б. Дашиева [5], В. В. Подгорная [6], Н. В. Сеницына [7]), фразеологии (Р. Р. Ялалова [8]). Существенный вклад в формирование концепции и инструментарии данной работы внесли труды В. А. Масловой, интерпретирующей русские соматические фразеологизмы с позиций лингвокультурологии, а также опыт осмысления соматической лексики, функционирующей в рамках диалектологии (Т. А. Бердникова), иностранных языков (О. В. Величко, Ф. О. Вакк, Н. А. Вахрушева).

В качестве основополагающей проблемы исследования выступает реконструкция и описание сложного процесса, имевшего место во второй половине XIX века, в аспекте интенсивного пополнения подъязыка медицины фразеологизмами и конструкциями диалектного происхождения, в отслеживании изменений в лексико-семантической системе языка профессионального общения.

В качестве цели представленной работы поставлено обоснование значимости лексикографического труда Владимира Ивановича Даля как фундамента для формирования русскоязычной научной терминологии, оценка влияния на современный дискурс профессиональной медицинской лексики.

Осуществление поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. анализ и интерпретация образцов медицинской лексики, представленных в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля с учетом семантических и этимологических особенностей;
2. выявление частотности употребления, специфики систематизации в сопоставлении с общепринятой классификацией внутренних заболеваний организма, этимологии и семантики лексических единиц;
3. определение типологии конструкций в медицинской лексике, включающей номинацию процессуального характера, тактильные и соматические ощущения, обозначения предметов окружающего мира, животных, растений (биоморфизмов), локаций (геоморфизмов), цветовых оттенков (колоративов);
4. дифференциация медицинской лексики с учетом функционирования в различных областях, выделения наиболее продуктивных в «словотворческом» плане географических регионов; словообразовательных моделей, характеризующих болезненное состояние организма в целом;
5. обоснование значения лексикографического труда В. И. Даля как отражения переходного периода формирования собственно медицинской лексики.

В работе используются следующие методы: описательно-классификационный метод, представленный такими приемами, как сбор и рассмотрение, сопоставление, обработка, систематизация и интерпретация материала; метод структурно-семантический; когнитивный, включающий концептуальный анализ для выявления признаков концептов, их классификации и интерпретации, классификацию языковых репрезентантов концептов, лингвокультурологический анализ лексических единиц языков, статистический анализ частотности употребления.

Теоретическая значимость исследования заключается в установлении особенностей презентации медицинских терминов в «Словаре» (В. И. Даля), попытке классификации и систематизации выявленных лексических единиц, диалектного происхождения, включающих концепт «болезнь».

Практическая ценность исследования заключается в возможности последующего использования результатов в методическом сопровождении лекционных и семинарских занятий по культуре речи, культурологии и лингвокультурологии.

В ходе исследования было проанализировано более 150 случаев употребления медицинской и околомедицинской лексики, выделены смысловые группы, установлена частотность употребления. Наиболее продуктивными оказались модели, включающие упоминания частей тела или элементов внешности (антропомизация) – более 20%; физиологические состояния-номинативы – 20%, процессы – 11%, ощущения тактильного и соматического характера – 11%. Менее десяти процентов составляют упоминания предметов окружающего мира – 6,8%, биоморфизмы, основанные на сопоставлении симптомов заболевания и внешнего облика животных, растений (7,5 и 4% соответственно), цвета (колоративы) – 4,8%. Среди наиболее редких находятся лексемы с упоминанием мест (геоморфизмы) – 3%, метеорологических и сезонных явлений природы – 3%, размера и формы – 1%, мыслительной или эмоциональной деятельности – 1%. При анализе некоторых лексических единиц этимологические корни оставались неясными – таких примеров оказалось около 4%. Около 13% от общего числа автор «Словаря» сопровождает латинскими терминами (*Bulimia*, *Euphrasia*, *angina*, *chlorosis*), более 40% слов имеют пометы о территориальном распространении, например, «псковское», «новгородское», «олонецкое».

Следует отметить слабую дифференциацию заболеваний в контексте «народной медицины», преобладание обобщенных симптомов и признаков, концентрацию на внешних признаках – «синюха, девичья бледность». Так, недуг «костогрыз» обозначает широкий спектр болезней от ревматизма до рахита, «лихоманка» – любые соматические заболевания, сопровождающиеся повышением температуры и ознобом. В то же время избирательность «народной медицины» позволяет судить о наиболее проблемных областях медицины XIX века: вирусных и легочных заболеваниях, многочисленных эпидемиях, заболеваниях желудочно-кишечного тракта.

Конструкции процессуального характера

Семантические и этимологические особенности объединяют группу слов, маркирующих внутренние и внешние процессы организма. Структурно и грамматически это отглагольные конструкции, предполагающие процессуальность и временные рамки совершаемого действия: «плаксы», «криксы», «трясучка».

В смысловом плане можно выделить несколько подгрупп согласно характеру подразумеваемых заболеваний. Сообразно количеству синонимов наиболее проблемным заболеванием XIX века являлась эпилепсия: «бегунка», «трясуха», «падучка», «побегушки», «притка» (производное от глагола «приключиться»). Во всех случаях номинации заболеваний с симптоматикой эписиндрома также присутствует общепринятый во врачебном лексиконе XIX века фразеологизм «Пляска св. Вита», а в статье «бегунка» – латинское названия *Chorea*, хорея.

Второй важной проблемой, распространенной среди низших сословий полтора столетия назад, следует признать дисфункцию желудочно-кишечного тракта. Среди симптомов: «завал» и «непропусть» – затрудненное испражнение, «роспухоль» («распухлина», «распухлость») – опухоли в эпигастральной области, «пуча» – метеоризм, «рыкота» – отрыжка. Чрезмерное переедание было известно под именем «прожоры», «несытухи» или «алчбы», а «дистрофия» – сухотки.

Болезни, затрагивающие другие системы организма, в группе процессуальных явлений единичны. Среди немногих примеров наличествуют детские заболевания «криксы» или «плаксы» – тревожный сигнал болезненного состояния младенцев; венерологическое заболевание «течь» – гонорея; «пошат» – голокружение; затрудненное дыхание, известное также под именем «сап» или «соп» (от глагола «сопеть»). В целом же любая длительная болезнь, сопровождающаяся агонией и страданиями, была известна под именем «труд» или «пробытная». «Родильница в труде, в трудах, в муках, в родах» [9, Т. 4, с. 11].

Близка по словообразовательным моделям к процессуальным конструкциям группа лексических единиц, объединенных концептом «ощущение», в основном тактильного характера, например, «щекотье (щекотун)», «почесуха» – чесотка, «перезуд», охарактеризованные В. И. Далем как *prurigo senilis*, пруриго.

Преобладают симптомы инфекционных заболеваний простудного характера: «тягучка», «подергуха» – озноб, сокращение мышц при высокой температуре, «жар», «огневая». Последний пример среди узко территориальных, диалектных значений имеет также «чирей, болячка, нарыв».

Внутренние болезненные ощущения колющего или режущего характера передаются через понятие «колотье (колич)» – «болезнь будто колет», «стрелье» – «злое колотье»; известное из художественной литературы данного периода «прострел» – резкий, болезненный спазм в мышцах спины [10, с. 63].

Ощущения, возникающие при морской болезни, особенно если они сопровождаются головокружением и рвотой, в «народной медицине» передаются через словоформы «угар» или «качель».

Выводы по разделу: группа слов, характеризующих внутренние и внешние процессы организмы, преимущественно отглагольного происхождения, объединена

системообразующими признаками процессуальности и протекания во времени. Ориентируясь на частотность употребления, можно выделить наиболее проблемные заболевания XIX века, среди которых эпилепсия (пять номинативов), дисфункция желудочно-кишечного тракта (более 10 номинативов).

Конструкции с упоминанием предметов окружающего мира

В последнюю группу, «преодолевшую» десятипроцентный рубеж от общего числа рассмотренных примеров, вошли лексемы предметного характера. Здесь действует принцип внешнего сходства, размер, форма предмета, соотносимые с внешними проявлениями болезни.

Среди монолексем встречаются природные объекты и продукты животного происхождения: «градина» – гнойное образование на коже, фурункул, «молочница» – кандидоз, «пузыри на глазах», «щетинка» – «младенческий зуд, будто бы от подкожной щетины» [9, Т. 4, с. 656]. Более сложные двухкомпонентные конструкции представлены понятиями «каменная болезнь» – образование камней в почках или в мочевом пузыре, «дикое мясо (мясуй)» – болезненный мясистый нарост на ранах и язвах.

Рукотворных предметов сравнительно немного: «хомут» – одышка, «камчуг» – изначально шелковая ткань красного цвета, в народной медицине под этим именем известна подагра, красная сыпь неизвестной этиологии, или даже проказа. «Железянка» – заболевание аллергического характера, проявляющееся в опухании шейных желез и высыпании на коже желтого, красного цвета, однако остается неясным, имеется в виду багровый цвет раскаленного железа, который приобретает кожа больного или непосредственно железы человека.

Выводы по разделу: конструкции, использующие при характеристике внешнее сходство, форму, размер предметов, соотносятся с внешними проявлениями заболеваний. В основном это однокомпонентные лексемы: «молочница», «градина», «пузырь», реже – двухкомпонентные («каменная болезнь»), при этом приоритетны явления природного происхождения, рукотворные предметы («хомут» – «одышка») представлены мало.

Биоморфизмы и колоративы

Биоморфизмы, содержащие упоминания живых организмов, подразумевают не только описание животных и их поведения, но и «ботанические» словоформы. Среди них представлены как монолексемы, так и более сложные, двухкомпонентные образования; последние имеют тенденцию закрепляться в языке в качестве устойчивых выражений – «заячья губа», «куриная слепота».

В большинстве своем переосмыслению подвергаются внешние признаки: «заячья губа», «заячий глаз» – болезненное выпячивание глазных яблок. Крупные гнойные образования на коже (шанкр) получают номинацию «лошадь», «конская болезнь»; мозоли, трещины и потертости на ступнях известны в диалектах как «гуси» или «цыпки». «Собачье вымя» обозначает твердые продолговатые наросты в подмышечной области, при неблагоприятном развитии образующие локальные очаги опрелости или некроза, эта стадия определяется в «народной медицине» как «волчье вымя». Под наименованием «чижи» известны бородавки, Condylomata, кондиломы; «гусиная» или «птичья память» характеризует приступы избирательной амнезии.

Помимо внешних признаков возникают ассоциации с повадками представителей животного мира: «волчий голод» – постоянное чувство голода, Bulimia, булимия; «осоветь» (имитировать поведение совы в дневное время) – прийти в беспамятство, упасть в полуобморок. Известная по творчеству А. П. Чехова «грудная жаба» [11, с. 105] классифицируется В. И. Далем как angina, ангина, воспаление горла, вероятно, из-за характерного для жаб рокошущего кваканья, напоминающего болезненный кашель или из-за особенности земноводных раздуваться, увеличиваться в размерах, метафорически закурпывая дыхательные пути.

Особняком стоит слово «бубрежник», обозначающее не все животное целиком, а его почки в качестве гастрономического деликатеса или фармацевтического средства. Автор «Словаря» утверждает, что под этим словом в диалектах известны любые проявления дисфункции почек.

Этимология некоторых моноксем не вполне ясна ввиду утраченных связей между формой и содержанием. Например, «волчанка» – красная сыпь, «злая кожная болезнь, похожая на рак» [9, Т. 1, с. 232], имеет мало общего с представителями семейства псовых, те же вопросы возникают в отношении устойчивого сочетания «свиная болезнь» – афтоз, образование нарывов и абсцессов во рту или «сурок» – негативная характеристика больного, немощного человека.

В целом следует заметить, что в поле зрения народной медицины оказывались преимущественно животные средней полосы России, домашние питомцы, привычные для обитателей сельской местности, при этом млекопитающие преобладают над птицами, земноводными и представителями иных классов.

В свою очередь «ботанические» фразеологизмы ориентированы на представителей древесной фауны; наиболее употребительным примером является «короста» (производное от «кора дерева»), насчитывающая не меньше полудюжины синонимов («сыпь», «чесотка», «струп», «коростовина», «свербежница», «шелудь»). Не менее активно используется в современном лексиконе врачей представители растительной фауны «лишай» и «ячмень», в то время как словоформа «шелудь (шолудь)», кожное заболевание в виде продолговатых темных пятен – «желудей», известна в основном по просторечному выражению «шелудивый», болезненный, покрытый сыпью. Исключительно диалектным образованием остается «боб» – нарыв на языке, симптом стоматита.

Выводы по разделу: биоморфизмы включают не только внешнее сходство, но и особенности поведения («птичья память», «волчий голод»), этимология словоформ в большинстве случаев вполне прозрачна. Данные конструкции часто закрепляются в языке в качестве активной лексики («заячья губа», «куриная слепота»). В большинстве своем это двухкомпонентные образования, однокомпонентные («чиж», «цыпки») встречаются реже. «Ботанические» словоформы ориентированы на представителей древесного царства («короста», «шелудь» (желудь)).

Колоративы и геоморфизмы

Лексических единиц, указывающих на цвет, сравнительно немного – не более 5%. Сама по себе лексема «цвет» обозначает широкий диапазон педиатрических заболеваний – от молочницы и сыпи до детской эпилепсии. Закономерно, что колоративы непосредственно указывают на внешние симптомы – изменение цвета кожи при соматических заболеваниях или при неотложных состояниях – обмороке, сердечном приступе. Заболевание «золотуха» В. И. Даль характеризует как *Scrofulae*, скрофула, в современной врачебной практике известно как диатез. Слабо дифференцируемая «красуха» объединяет целый комплекс болезней – от скарлатины до обыкновенной сыпи. «Синюха» ошибочно интерпретируется В. И. Далем как *coeruleosis*, патология сердца у новорожденных, при котором кожа окрашивается в синий цвет [9, Т. 4, с. 187], однако в новейшей врачебной практике под «синюхой» понимают скорее цианоз – временное изменение кожных покровов лица при резком падении давления.

Об опасном внутреннем заболевании почек сигнализирует «желтуха» («желтяница», «желтуница», «желтянка»), в медицинской практике успешно функционирующая наряду с научным названием – «гепатит». Архаичное «осоловелый» («соловелый») характеризует человека с мутными, желтоватыми глазами, находящегося в полуобморочном состоянии и намекает на дисбаланс работы внутренних органов. Этимологически эта словоформа восходит к названию конской масти «соловый» – желтоватый.

Неясным остается происхождение двухкомпонентного образования «белая горячка», характеризующего алкогольный делирий, «сумасшествие с перепоя», довольно

популярное в современной практике. Среди вариантов исследователи называют бледность кожных покровов у людей в стадии алкогольного опьянения, модификации фразеологизма «довести до белого каления», простонародное название водки – «беленькая».

Среди менее «популярных» выделяются геосемизмы, содержащие отсылки к конкретным локациям. Среди таковых «английская болезнь», Rachitis, рахит, вызывающая деформацию костей, «французская болезнь» («хранцы», «франец») – устаревшее название сифилиса, «крымская болезнь» («крымка») – красная сыпь, проказа или подагра, возможно, обусловленная слабоминерализованным составом пресной воды на полуострове, ведущим к возникновению подагрических образований.

Среди указаний на более компактные локации наличествует «банная притка» – временное недомогание ввиду длительного пребывания в паровой камере бани.

Метеорологические и сезонные явления запечатлены в названиях «весенней лихорадки» («веснянки», «веснухи»), характеризующей комплекс респираторно-вирусных заболеваний; «солнопека» – модифицированного в соответствии с правилами разговорной речи «солнечного удара».

Дифференцированными в «Словаре» оказываются заболевания «ветренная болезнь» («ветры», «ветренное»), «поветрие» и «ветряница». Если в первом случае подразумевается тривиальное пучение живота, метеоризм, то «поветрие» обозначает заболевание эпидемического характера с обширным охватом территории и большим контингентом пациентов. Среди таковых В. И. Даль перечисляет «поветрие» оспы, кори, краснухи. В свою очередь «ветряница» или «воздушная болезнь» характеризует emphysema, эмфизему – опухоль легких, так как при неблагоприятном развитии заболевания наблюдается вздутие тела «воздухом или газом».

Среди наименее распространенных семантических групп указания на размер и форму: «вскрупина» – небольшой прыщ, «рытвина» – обширные фурункулы, нарывы по всему телу, «расселина» – трещины, потертости на коже, особенно при лишайных болезнях.

Выводы по разделу: для цветковых обозначений характерна однокомпонентная форма – «красуха», «синюха», «золотуха», исключением является «белая горячка», напротив, геосемизмы представлены исключительно двухкомпонентными моделями, сформированными по принципу «прилагательное+существительное» («крымская болезнь», «французская болезнь»). Небольшой ряд конструкций с упоминанием метеорологических и сезонных явлений представлен «веснянкой», «солнцепокой» и «ветряной болезнью», последняя словоформа сосуществует с такими понятиями как «поветрие» и «ветряница», обозначающими разные аспекты заболеваний эпидемиологического характера.

Конструкции, характеризующие концепт «болезнь» в целом

Отдельно охарактеризуем словообразовательные гнезда, обобщенно представляющие концепт «болезнь» как «нарушение равновесия в жизненных отправлениях» [9, Т. 1, с. 112]. Активно используются следующие модели: болезнь («болезь», «болезненность», «болезнивость», «болливость»), хворь («хвороба», «хворость»), хиль («хилина», «хилость»), скорбь («телом скорбен»). Также возможны конструкции с префиксом отрицания «недужина, недуг, немочь, немощь, немогута, нездоровье» как констатация негативного состояния человека. Неясной остается этимология понятий, обозначающих болезни эпидемического характера: «пашава» («пошава»), «памха», отмеченные в новгородской и тверской областях, «понадуха», локализованная в псковских землях, «хидка» – пермский край, «хижа» – пензенская область.

Выводы по разделу: характеризуя концепт «болезнь» в целом, автор «Толкового словаря» выделяет несколько перспективных моделей словообразования, среди которых наиболее востребованными оказываются словообразовательные ряды «болезнь-болезь-болезнивость», «хворь-хвороба-хворость», «хиль-хилость», а также конструкции с характеристикой по принципу отрицания «недуг-немочь-немогута-нездоровье».

Территориально дифференцированные конструкции

Интерпретируя итоги анализа, уточним наиболее важные комментарии В. И. Даля применительно к медицинской лексике. Так, более 40% слов содержат пометы, указывающие на место распространения. Можно выделить наиболее продуктивные в словообразовательном плане местности, среди которых псковская и тверская губернии – более 11%, откуда в активный словарный запас пришли «цыпки», «молочница», «золотуха». Не менее «плодовит» русский Север, вятская, вологодская и новгородская земли – 8%, однако большинство маркированных словоформ локализованы в конкретном ареале и малоупотребительны в современном дискурсе («франец», «притка», «пашава»). 7% от территориально маркированных слов составляет обширная область Сибири и примыкающий к ней Пермский край («гмыр», «повертуха», хидка»), Поволжье представлено саратовскими, волжскими и пензенскими диалектами – 4% («мясуй», «расперетица», «хижа»), центральные регионы – Калужская, Орловская, Тамбовская и Воронежские области – 3% («сурок», «волос», «криксы») [12, с. 9]. Среди отдельно взятых областей по количеству медицинской лексики «лидирует» Владимирская – 2, 7% («белая горячка», «перелом», «пошатка»). Ряд слов сопровождается пометами более общего характера – «северное», «южное», «западное», «восточное», без конкретных указаний на топонимы. Доля таких слов составляет 9%.

Выводы по разделу: территориально дифференцированные конструкции составляют более 40% от числа подвергнутых анализу лексических единиц. Наиболее активны в этом плане северные и северо-западные область (Новгород, Вятка, Псков), при этом наибольшее число активно используемых в современном дискурсе конструкций имеет псковское и тверское происхождение («цыпки», «молочница», «золотуха»), в то время как новгородские, вологодские, вятские диалектизмы остаются преимущественно узко территориальными образованиями («франец», «притка»). Менее активными в «словотворчестве» оказываются центральные области, Поволжье, в совокупности составляя менее 10%. Ряд словарных статей сопровождается более общими пометами – «северное», «южное», «восточное», без конкретизации происхождения.

Заключение

Суммируя все сказанное выше, можно сделать ряд заключений:

1. В соответствии с анализом образцов медицинской лексики, представленных в «Словаре» В. И. Даля, наиболее употребительными представляются конструкции с процессуальным значением, с темпоральными характеристиками начала и конца действия, ощущений тактильного и соматического характера, возникающих при заболевании; номинациями животных, растений, локаций, цветовых сочетаний;

2. Ввиду слабой дифференциации медицинской лексики, функционирующей в народной медицине, соотношенность конкретного заболевания и лексической единицы представляется весьма условной, более продуктивен словообразовательный и семантико-этимологический анализ, позволяющий выявлять смысловые и этимологические модели, коррелирующие с внешними проявлениями окружающего мира, поведением представителей флоры и фауны, выделить слова по способам их происхождения;

3. При определении типологии конструкций, бытующих в рамках народной медицины, следует отметить продуктивность отглагольных («трясучка», «криксы») и номинативных («сап», «жар») «конструкций, малый процент адъективных единиц («огневая»), преобладание монолексем над более сложными, двух- и трехчленными конструкциями («заячья губа», «куриная слепота»). Также интересным представляется влияние официальной латыни на диалектизмы, попытки устной речи освоить и осмыслить профессиональную лексику («хирагра» – подагра, «псора» – псориаз) с параллельно существующими синонимами-диалектизмами – «крымская болезнь», «короста».

4. При выделении словообразовательных гнезд, обобщенно презентующих концепт «болезнь», наиболее продуктивными оказываются лексемы с корнем «боль», «хворь»,

«хиль», «скорбь»), а также конструкции с префиксом отрицания («недужина, немочь, немогута»). Также в этимологическом аспекте следует учитывать, что более 40% слов имеют указания на область распространения, при этом наиболее продуктивными и оригинальными в словотворчестве оказываются северные земли – псковская, тверская, новгородская, Сибирь, Пермь, которые в совокупности составляют более трети диалектизмов со значением медицинской лексики;

5. Опыт интерпретации медицинской лексики в лексикографическом труде В. И. Даля позволяет судить об источниках формирования собственной русскоязычной терминологии как факта развития языковой системы, отмечая как лексические единицы, прочно вошедшие в бытовой обиход («гусиная кожа», «заячья губа») [13, с. 33], так и диалектизмы, остающиеся в рамках конкретной территориальной единицы. Также нельзя не отрицать запечатленный в «Словаре» переходного периода медицинской терминологии, попыток освоения иноязычной лексики, поиски адекватного и понятного языка, устанавливающего коммуникацию «врач-пациент» [14, с. 8].

В целом проникновение в медицинскую лексику ярких, образных описаний, опирающихся непосредственно на симптоматику, существенно обогащает речь врача, способствует профессиональной коммуникации, трансформируя научный стиль в более простой, доступный клиенту медицинского учреждения. Помимо решения собственно коммуникативных задач это способствует развитию культуры речи, обогащению кругозора медицинского работника. В этом плане многолетний труд Владимира Ивановича Даля мыслится как универсальное уникальное явление, в полной мере отразившее эрудицию профессионального врача и чутье увлеченного лингвиста. «Словарь живого великорусского языка» – это отражение эпохи активных поисков и трудов, времени формирования медицинской терминологии, соединившей в себе как заимствования из иных языков, так и живую образную речь русского народа.

Л и т е р а т у р а

1. Байрамукова, А. И. Метапозитика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля как толково-энциклопедического феномена: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. И. Байрамукова; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 25 с. – Текст : непосредственный.

2. Бабошкина, Л. В. Синонимия в медицинской терминологии / Л. В. Бабошкина, Е. В. Дыкусова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – №1 (74). – С. 40-42.

3. Величко, О. В. Этимологические особенности медицинской терминологии в России / О. В. Величко. – Текст : непосредственный // Труды Астраханской государственной медицинской академии. – Астрахань, 2007. – Том 35 (LIX). – С. 125–127.

4. Подгорная, В. В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. В. Подгорная; С.-Петерб. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2016. – Текст : непосредственный. – 22 с.

5. Дашиева, Д. Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике / Д. Б. Дашиева. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – Вып. 10. – С. 70–73.

6. Подгорная, В. В. Телесность в языке / В. В. Подгорная – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). Ч. I. – С. 160-162.

7. Сеницына, Н. В. Роль соматической лексики в формировании картины мира / Н. В. Сеницына. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. – 2011. – №6. – С. 233-235.

8. Ялалова, Р. Р. Фразеологические единицы, характеризующие «болезнь-здоровье», в английском, немецком и русском: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р. Р. Ялалова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2014. – 21 с. – Текст : непосредственный.

9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. Репр. воспроизв. изд. 1912-1914. – Москва : Цитадель, 1998. – Текст : непосредственный.

10. Лаптева, Е. А. Структурно-семантический анализ фразеологизмов в медицинской терминологии / Е. А. Лаптева. – Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. – 2015. – №1 (96). – С.114-118.
11. Особенности изображения профессиональных заболеваний в русской литературе / Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова, Ф. А. Тумакаева [и др.]. – Текст : непосредственный // Общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 102-110.
12. Лоскутова, Д. Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д. Н. Лоскутова; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2010. – 22 с. – Текст : непосредственный.
13. Иванова, Д. С. Нетерминологические названия болезней как объект исследования: к постановке проблемы / Д. С. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – №3 (202). – 32-36 с.
14. Загрекова, Е. Н. Истоки и развитие российской медицинской терминологии: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Н. Загрекова; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2008. – 23 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Байрамукова, А. И. Метапозитика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля как толково-энциклопедического феномена: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. И. Байрамукова; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 25 с. – Текст : непосредственный.
2. Бабошкина, Л. В. Синонимия в медицинской терминологии / Л. В. Бабошкина, Е. В. Дыкусова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – №1 (74). – С. 40-42.
3. Величко, О. В. Этимологические особенности медицинской терминологии в России / О. В. Величко. – Текст : непосредственный // Труды Астраханской государственной медицинской академии. – Астрахань, 2007. – Том 35 (LIX). – С. 125–127.
4. Подгорная, В. В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. В. Подгорная; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – Текст : непосредственный. – 22 с.
5. Дашиева, Д. Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике / Д. Б. Дашиева. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – Вып. 10. – С. 70–73.
6. Подгорная, В. В. Телесность в языке / В. В. Подгорная – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). Ч. I. – С. 160-162.
7. Сеницына, Н. В. Роль соматической лексики в формировании картины мира / Н. В. Сеницына. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. – 2011. – №6. – С. 233-235.
8. Ялалова, Р. Р. Фразеологические единицы, характеризующие «болезнь-здоровье», в английском, немецком и русском: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р. Р. Ялалова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2014. – 21 с. – Текст : непосредственный.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. Репр. воспроизв. изд. 1912-1914. – Москва : Цитадель, 1998. – Текст : непосредственный.
10. Лаптева, Е. А. Структурно-семантический анализ фразеологизмов в медицинской терминологии / Е. А. Лаптева. – Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. – 2015. – №1 (96). – С.114-118.
11. Особенности изображения профессиональных заболеваний в русской литературе / Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова, Ф. А. Тумакаева [и др.]. – Текст : непосредственный // Общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 102-110.
12. Лоскутова, Д. Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д. Н. Лоскутова; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2010. – 22 с. – Текст : непосредственный.
13. Иванова, Д. С. Нетерминологические названия болезней как объект исследования: к постановке проблемы / Д. С. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – №3 (202). – 32-36 с.
14. Загрекова, Е. Н. Истоки и развитие российской медицинской терминологии: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Н. Загрекова; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2008. – 23 с. – Текст : непосредственный.

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

3 (83) 2021

Редакторы
С. В. Антонова, Н. В. Дмитриева, М. И. Кысылбаикова
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.06.2021
Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 12,9

Тираж 250 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 30.06.2021

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58